

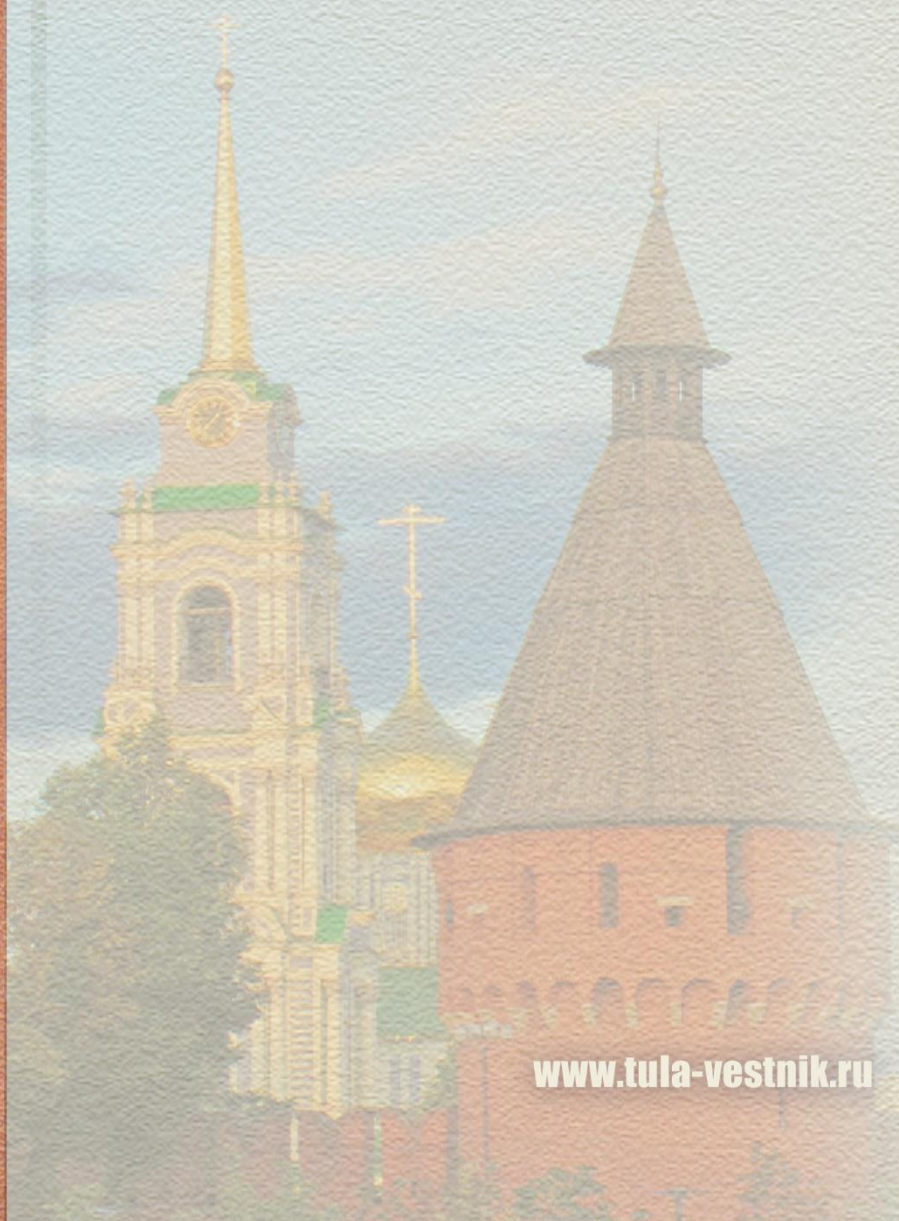
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 1 (9)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 1 (9)

**Тула
2022**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 1 (9)

Дата выхода в свет: 31.03.2022 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистрации
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2022
© Авторы статей, 2022

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Алексеев В. В.* Задачи, методы и методические приемы
источниковедческого изучения вещественных
источников **6**
- Мартынова Е. П.* «Дай, и тебе будет дано»:
реципрокность в культово-религиозных практиках
обских угров **13**
- Биленко Н. А.* Торговое предпринимательство
крестьян в уездных городах Тульской губернии
второй половины XIX века **23**
- Сизова А. Ю.* Архетип праздника в революционных
событиях 1917 г. **39**
- Курганов Н. С.* «Каждую ночь надо было идти к трем
следователям по отдельности...»: мемуарные
источники о фильтрации советских граждан
1941 – 1953 гг. **55**
- Родович Ю. В.* Решение германского вопроса
как предпосылка распада СССР **66**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Абрамова В. И.* Великая Северная экспедиция
в русской культуре (поэзия, кино,
исторический комикс) **75**
- Найдич Н. А.* Гендерная направленность
ритуальных текстов **90**
- Попова Е. А., Богословская Н. А.* Образ Китая
в сознании носителей русского языка **97**

DOI 10.22405/2712-8407-2022-1

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 1 (9)

Released on March 31, 2022

Chief Editor
Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor
Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor
PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:
**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Mass media are registered in
Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2022
© Authors of articles, 2022

**Address of the founder
and the editorial office:**
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

<i>Alekseev V. V.</i> Tasks, methods and methodological techniques of the source study of material sources	6
<i>Martynova E. P.</i> "Give, and it will be given to you": reciprocity in cult-religious practices of the Ob-Ugrians	13
<i>Bilenko N. A.</i> Commercial entrepreneurship of peasants in the county towns of Tula province in the second half of the XIX century	23
<i>Sizova A. Yu.</i> The archetype of the "feast" in the 1917 Revolution	39
<i>Kurganov N. S.</i> "Every night I had to go to three investigators separately...": memoirs about the filtration of Soviet citizens in 1941 – 1953	55
<i>Rodovich Yu. V.</i> The solution of the German question as a prerequisite for the collapse of the USSR	66

LINGUISTICS

<i>Abramova V. I.</i> The Great Northern Expedition in Russian culture (poetry, cinema, historical comics)	75
<i>Naidich N. A.</i> Gender orientation of ritual texts	90
<i>Popova E. A., Bogoslovskaya N. A.</i> The image of China in the perception of russian speakers	97

DOI 10.22405/2712-8407-2022-1

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсø, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerecsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

Научная статья

УДК 930.2 (093)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-6-12>

ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

**Виктор Владимирович
Алексеев**

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, morehod800@mail.ru

Аннотация. В статье затронуты теоретико-методологические проблемы, связанные с изучением вещественных источников. Вещи трактуются как неотъемлемая компонента всей сферы материальной культуры, т.е. искусственной среды, которая создана творческими и производственными усилиями человека. На основе этого даётся научная дефиниция, что собой представляет вещественный источник. Отмечается, что специфика вещественных источников заключается в том, что они являются синкретическими носителями информации трёх типов: визуальной, т.е. о зрительно воспринимаемом образе вещи; тактильной, что даёт представление о материале, из которой вещь изготовлена; пространственной, которая передаёт трёхмерную объёмность вещи и её месторасположение в пространстве.

Рассматриваются задачи источниковедческого изучения вещественных источников, которые нацелены на атрибуцию материальных предметов с точки зрения максимально точного установления функционального назначения, даты и места происхождения, авторства и прочих характеристик. Также отмечается, что при исследовании вещественных источников необходимо прибегать к широкому арсеналу общенаучных, естественнонаучных и собственно исторических методов. Из общенаучных применимы дедуктивный и индуктивный методы, системный и конструктивно-морфологический подходы. Применение естественнонаучных методов (химических, физических, биологических и т.п.) даёт возможность уточнить отдельные аспекты вещественных источников, выявить их физическо-химические характеристики. У археологии допустимо заимствовать типологический метод, который подходит для историко-культурного изучения вещей. Из собственно исторических методов наиболее подходящими являются методы историко-генетический, историко-сравнительный, описательный и метод исторической аналогии, благодаря которым можно выявить зависимость эволюции вещей от природно-климатических условий, достигнутого технологического уровня производства, функционального предназначения, народных традиций, эстетических взглядов. Кроме того, необходимо опираться на комплекс специализированных методов и методик, сложившихся внутри вспомогательных исторических дисциплин.

На отдельных примерах продемонстрированы конкретные методические приёмы, позволяющие осуществлять датировку вещей, определить круг авторов/создателей, принадлежность к определённой социальной или этнической группе, устанавливать гендерные аспекты, влияние культурной традиции и кросс-культурных связей и т.д.

Ключевые слова: историческая наука, источниковедение, теоретико-методологические проблемы, вещественные источники, методы и методика исследования.

Для цитирования: Алексеев В. В. Задачи, методы и методические приемы источниковедческого изучения вещественных источников // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 6–12. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-6-12>.

Сведения об авторе: В. В. Алексеев – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

Scientific Article
UDC 930.2 (093)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-6-12>

TASKS, METHODS AND METHODOLOGICAL TECHNIQUES OF THE SOURCE STUDY OF MATERIAL SOURCES

Victor V. Alekseev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, morehod800@mail.ru

Abstract. The article touches upon theoretical and methodological issues related to the study of material sources. Things are treated as an integral component of the entire sphere of material culture, i. e. the artificial environment, which is created by creative and productive efforts of man. Based on this, a scientific definition is given of what a material source is. It is noted that the specificity of material sources is that they are syncretic carriers of three types of information: visual, i. e. about the visually perceived image of a thing; tactile, which gives an idea of the material from which the thing is made; spatial, which conveys the three-dimensional volume of the thing and its location in space.

The tasks of the source study of material sources are considered, which are aimed at attribution of material objects from the point of view of the most accurate determination of the functional purpose, date and place of origin, authorship and other characteristics. It is also noted that in the study of material sources, it is necessary to resort to a wide arsenal of general scientific, natural scientific and historical methods proper. Deductive and inductive methods, systemic and constructive-morphological approaches are applicable from general scientific ones. The use of natural science methods (chemical, physical, biological, etc.) makes it possible to clarify certain aspects of material sources, to find out their physical and chemical characteristics. It is permissible to borrow from archaeology a typological method that is suitable for the historical and cultural study of things. Of the historical methods proper, the most suitable are the methods of historical-genetic, historical-comparative, descriptive and the method of historical analogy, thanks to which it is possible to identify the dependence of the evolution of things on natural and climatic conditions, the achieved technological level of production, functional purpose, folk traditions, aesthetic views. In addition, it is necessary to rely on a set of specialized methods and techniques that have developed within auxiliary historical disciplines. In most cases, a comprehensive interdisciplinary approach is needed, which lets organize the facts in order to comprehend concrete historical material and create a holistic picture of the existence of the material world of bygone historical epochs.

Specific methodological techniques are demonstrated on individual examples that allow dating things, determining the circle of authors/creators, belonging to a certain social or ethnic group, establishing gender aspects, the influence of cultural tradition and cross-cultural ties, etc.

Keywords: historical science, source studies, theoretical and methodological problems, material sources, methods and methodology of research.

For citation: Alekseev, VV 2022, 'Tasks, methods and methodological techniques of the source study of material sources', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 6–12, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-6-12> (in Russ.)

Information about the Author: Victor V. Alekseev – Associate Professor, PhD in History, Associate Professor of the Department of Source Studies, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119192, Russia.

Человек, как отдельно взятый индивидуум, так и социум в целом, живёт одновременно в двух средах – природной и искусственной, т. е. созданной им самим. Последнее означает, что люди окружают себя материальными рукотворными предметами, которые обладают собственной формой, и выполняют или применяются для исполнения определённых функций [7, с. 34]. Тем самым неодушевлённое вещество природы, преобразованное посредством присущей *homo sapiens* изобретательности и творческой деятельности, превращается в движимые и недвижимые объекты материальной культуры. Последняя, в свою очередь, детерминирована условиями исторического существования человеческого общества и находится в тесной связи с национальным характером (который формируется в определённой среде обитания), с историей быта и нравов различных социокультурных групп, их верованиями, традициями, привычками и господствующими вкусами и оценками, а также характерным для каждой данной эпохи художественным стилем [5, с. 9].

Непосредственными элементами материальной культуры являются вещи, воплощающие в себе самые разные стороны человеческого бытия. Научным синонимом понятия «вещь» выступает термин «артефакт», который обозначает любой целенаправленно созданный продукт человеческой деятельности. Артефакты, дошедшие до нашего времени от других эпох, взятые порознь или в совокупности, обычно называют вещественными памятниками. Они, будучи включёнными в контекст исторических исследований, становятся источниками информации о прошлом.

Вещественным источником следует считать аутентичный по происхождению, искусственно созданный из природного или синтетического субстрата материальный предмет, который обладает свойством длительной физической сохранности, имеет функционально-прикладное предназначение в качестве орудия труда или производства, а также элемента среды обитания человека и обеспечения его жизнедеятельности, и который одновременно выступает носителем семантической, социально-психологической и индивидуально-личностной информации. Специфика вещественных источников заключается в том, что они являются синкретическими носителями информации трёх типов: визуальной, т.е. о зрительно воспринимаемом образе вещи; тактильной, что даёт представление о материале, из которой вещь изготовлена; пространственной, которая передаёт трёхмерную объёмность вещи и её месторасположение в пространстве [6, с. 516].

Задачи источниковедческого изучения вещественных источников заключаются в том, чтобы на основе анализа сущностных характеристик отдельно взятой вещи или их целокупности извлечь максимум информации об обществе времени их бытования и о различных взаимоотношениях внутри социума конкретной исторической эпохи. Для этого требуется установить:

- подлинность и аутентичность вещи;
- правильное название предмета;
- степень сохранности (поскольку старые вещи не всегда сохраняются целиком, а пребывают в состоянии фрагментарности);
- его функциональное назначение;
- морфологию, материал и технику изготовления;
- такие объективные характеристики, как размер, вес, цвет и пр.;
- дату создания и хронологические рамки бытования;
- место/центр создания и ареал распространения;
- имя автора или именование изготовителя;
- принадлежность к определённой социальной среде и выполняемая роль.

Также необходимо генетически исследовать процессы, обуславливающие появление и дальнейшее существование конкретной вещи, поскольку для каждой эпохи вещи и их взаимодействие составляют некую социокультурную систему.

Процесс исследования вещественных источников сложен и многомерен. Надо прибегать к широкому арсеналу общенаучных, естественнонаучных и собственно исторических методов. Из общенаучных наиболее применимы дедуктивный и индуктивный методы, при помощи которых, прежде всего, можно выявить назначение вещи, её использование в реальной обстановке. Большое значение имеет системный подход, который предписывает рассматривать единичные вещи как компоненты более обширных систем материальной культуры в целом. При конструктивно-морфологическом подходе любую вещь рассматривают как некую конструкцию, составленную из набора частей, с применением определённых материалов и техник изготовления. Применение естественнонаучных методов (химических, физических, биологических и т. п.) даёт возможность уточнить отдельные аспекты вещественных источников, выяснить их физическо-химические характеристики. Например, использование рентгеноскопии позволяет получить представление о структурном устройстве, когда нет возможности разобрать какой-либо агрегат на составные части без нарушения его целостности; проведение химического состава материала, из которого изготовлен предмет, скажем металлического изделия, отсылает к конкретным рудным месторождениям, так как каждое из них за счёт уникального состава примесей обладает исключительными качествами, а тем самым появляется вероятность локализовать места производства вещей или проследить хозяйственные связи между различными регионами, странами. Тут главным становится выявление и сопоставление внутренней структуры материального объекта и его внешней формы. У археологии допустимо заимствовать типологический метод, который подходит для историко-культурного изучения вещей. Под типом археологи понимают «группу похожих вещей одинакового назначения, отличающихся друг от друга некоторыми второстепенными особенностями [или деталями]» [1, с. 12]. Внимание исследователя при этом сосредотачивается на материале, из которого предмет изготовлен, его функции, конструкции и форме, на декоре, времени и конкретной среде существования.

Источниковеды могут использовать данные наработки в рамках историко-генетического и историко-сравнительного методов, что способствует выявлению зависимости эволюции вещей от природно-климатических условий, достигнутого технологического уровня производства, функционального предназначения, народных традиций, эстетических взглядов. Допустимо прибегать к помощи описательного метода и метода исторической аналогии. Кроме того, историки опираются на комплекс специализированных методов и методик, сложившихся внутри вспомогательных исторических дисциплин: униформологии, вексиллологии, фалеристики, оружиеведения, торевтики, сфрагистики, нумизматики и т.д. Они способствуют решению задач атрибуции предметов, установления их предназначения, места бытования в материальной культуре своей эпохи.

При работе с каждой конкретной вещью начинать надо с её детального осмотра. Прежде всего, выясняется - является ли вещь монолитной или сложносоставной. Характерные следы технологии изготовления позволяют установить сделана ли она вручную, кустарным способом или это изделие промышленного производства. Затем надо постараться обнаружить какие-либо метки, пломбы, клейма, ярлыки или товарные знаки, которые использовались для маркировки однородных предметов, созданных теми или иными физическими лицами, промышленными предприятиями, торговыми фирмами. Запечатлённая на них информация обычно даёт возможность атрибутировать вещь с точки зрения конкретного установления авторства, места и времени производства. Для воссоздания полной картины действительности присутствующие конкретному предмету признаки сопоставляют, сравнивают с другими аналогичными и родственными ему предметами.

В случае, когда не удаётся выявить абсолютно точную дату изготовления, надо стараться по косвенным признакам осуществить относительное датирование в более или менее определённом хронологическом интервале. Так, например, доспехи готического типа были используемы преимущественно в XV в.; секундная стрелка на часах появляется не ранее 1760 г.; лампы-бульотки получили широкое распространение в России в конце XVIII – начале XIX в.; а популярные предметы из стекла с изображением мух и бабочек были в моде в первой трети XIX в.; складки-стрелки на брюках появились на рубеже XIX – начале XX в.; ёлочные игрушки с фигурками космонавтов и на космическую тематику не могли возникнуть раньше конца 1950 – 1960-х гг., т. е. начала до космической эры.

Обнаружение владельческих помет обеспечивает привязку вещи к конкретному собственнику или дарителю, позволяет уточнить стадии бытования предмета. Не надо, однако, упускать из виду, что «возраст» вещи может не всегда совпадать со временем фиксации её в документах, т.к. она нередко принадлежит и используется несколькими поколениями.

С учётом того, что часто, наряду с выполнением утилитарной функции, вещи декорируются, обеспечивая тем самым удовлетворение эстетических потребностей человека, надо прибегать к помощи художественно-стилистического анализа. Поскольку в каждой местности Европейской России выработались свои оригинальные художественные особенности ткачества, компоновки и украшения традиционного крестьянского костюма, то можно осуществлять локализацию одеяний в географическом пространстве с учётом этнической специфики и особенности отдельных регионов. Нередко та или иная вещь при определённых условиях превращается в знак, становится носителем какого-либо явного или, наоборот, сокрытого для посторонних смысла, реализуя тем самым аксиологические установки. А это открывает возможности для социальной, гендерной, религиозной или ритуальной идентификации. К примеру, в Китае при правящей маньчжурской династии Цин (середина XVII – начало XX вв.) рисунки нашивок на груди и спине церемониальных одеяний однозначно указывали на ранг чиновника в соответственной должности. Указ 1699 г., изданный Петром I, однозначно предписывал всем, за исключением священнослужителей и крестьян, носить платье европейского фасона. С этого момента наряды европейского кроя становятся неотъемлемым атрибутом дворянского сословия. Значимым элементом одежды в Средней Азии является кушак. При этом кушаком белого цвета нижний халат повязывали старики, синим – подпоясывались мужчины средних лет, красным же, малиновым и жёлтым – молодые люди и юноши. Кушак, висевший на шее концами вниз, означал, что данная особь переживает горе или отказывается от жизни в суетном мире. В культовых сооружениях иудаизма, в зависимости от принадлежности к местной религиозно-этнической группе, в ашкеназских синагогах свитки Торы хранятся в бархатных чехлах, а в сефардских – такие свитки вставляют в деревянные футляры, обтянутые шёлком с серебряным орнаментом¹.

При решении задач источниковедческой атрибуции вещественных источников дополнительную помощь оказывает обращение к другим типам источников. Большим подспорьем для определения назначения, датировки, места происхождения, авторства предметов и прочих аспектов выступают законодательные и нормативные акты, делопроизводственная документация (приказы о производстве, перечни номенклатуры изделий, артикулы, прејскуранты, каталоги), сочинения бытописателей, данные этнографических изысканий, различная справочная литература: монографии, справочники, определители, словари, путеводители. Полезно прибегать к помощи научно-справочного аппарата музеев, поскольку: «Каждый музейный предмет сопровождается “легендой” – личной карточкой, паспортом, содержащим подробное описание его характеристик, а также “частную” информацию» [4, с. 528]. Точно также

на каждое, появляющееся на антикварных рынках художественное произведение или вещь, как правило, составляется провенанс, где фиксируется история предмета, а именно – удостоверяется происхождение, статус бывших владельцев, прилагаются документы, призванные подтвердить подлинность: различные сертификаты, мнения экспертов, результаты научных исследований. Провенанс обычно приводится в аукционных каталогах.

Это важно потому, что не следует забывать о сознательных подражаниях и фальсификациях старинных вещей. Скажем, в XIX в. некоторые фарфоровые заводы, побуждаемые к тому оживлённым спросом, производили новые отливки посуды со старых, оставшихся с XVIII в. форм, что делалось с целью получения высокой прибыли на антикварном рынке. По этой причине в источниковедческом плане следует обращать внимание на то, чтобы материал фарфоровой массы, марка и вид декора изделия соответствовали друг другу. Настораживать должен факт наличия на предметах из твёрдого фарфора марки, относящейся к мягкому фарфору.

Иногда, недостаток данных побуждает историков и исследователей материальной культуры и повседневной прибегать к иконографическому материалу, когда в изобразительных источниках отображены реалии прошлой жизни.

Обращение к вещественным источникам затруднено тем, что они есть источники невербальные. В своё время академик И. Д. Ковальченко обратил внимание на то, что в вещах информация как результат практической деятельности людей выражена в объективно-синтаксическом смысле. Её необходимо перевести в более пригодную для познавательных целей синтаксически-субъективную форму, представить в доступной для восприятия иной знаковой системе – словесной, естественно-описательной, графически-изобразительной или иной [3, с. 121]. Думается, что в этом плане перспективными может стать использование мультимедийных технологий.

С точки зрения источниковедения вещь остаётся «безмолвной» до той поры пока в ходе интерпретации не будет восстановлен контекст породившей её культуры, история её бытования, среды использования. За каждым артефактом стоит технология его изготовления, а она немыслима в отрыве от сопутствующих производств и практического применения. Вот почему важен комплексный междисциплинарный подход. Он позволяет упорядочить факты, чтобы осмыслить конкретно-исторический материал и создать целостную картину существования вещного мира. Так или иначе, но полностью вещь может быть изучена только будучи вписанной в рамки конкретного явления, события, факта, соответствующего времени, пространства, межличностных и производственных отношений, т.е. в контекст истории как таковой [2, с. 3].

Примечания

1. Ашкеназы — этническая группа германоязычных евреев из Центральной Европы. Сефарды – субэтнос евреев, говорящих на языках романской группы, который сформировался на Пиренейском полуострове и затем распространился по странам Северной Африки, Апеннинскому полуострову, части Франции, Англии, Нидерландах, Балканах, Палестине, Малой Азии.

Список источников и литературы

1. Авдусин Д. А. Основы археологии. М.: Высшая школа, 1989. 335 с.
2. *Вещь в контексте культуры : материалы научной конференции, февр. 1994 г.* / науч. ред. и сост. Т. Н. Дмитриева, В. А. Хршановский. СПб.: [б. и.], 1994. 121 с.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

4. Кряжевских М. Ю., Кардопольцева В. Н. Способы экспонирования и интерпретации исторического материала в контексте литературного музея // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки : сборник статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Л. И. Бородин, А. Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 520–530.
5. Леонова Т. А. Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья. Уфа: Вагант, 2008. 320 с.
6. Шелегина О. Н. Вещественные источники по этнокультурному наследию Сибири: исследовательские и социокультурные практики // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки : сборник статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. М.: [б. и.], 2020. С. 515–525.
7. Щапова Ю. Л. Введение в вещьведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей : учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 144 с. (Труды исторического факультета МГУ).

References

1. Avdusin, DA 1989, *Osnovy arkheologii* (Fundamentals of archeology), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
2. Dmitrieva, TN & Khrshanovskiy, VA (eds) 1994, *Veshch' v kontekste kul'tury: Materialy nauchnoy konferentsii* (Thing in the context of culture: Proceedings of the scientific conference). RAN, Institut istorii material'noy kul'tury publ, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Koval'chenko, ID 1987, *Metody istoricheskogo issledovaniya* (Methods of historical research). Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
4. Kriyazhevskikh, MYu & Kardopol'tseva, VN 2015, 'Sposoby eksponirovaniya i interpretatsii istoricheskogo materiala v kontekste literaturnogo muzeiya' (Ways of exhibiting and interpreting historical material in the context of a literary museum) in EA Vorontsova, LI Borodkin & AD Janovsky (eds) *Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey* (Role of Museums in Information Support of Historical Science: a collection of articles), Eterna publ, Moscow, pp 520–530 (In Russ.)
5. Leonova, TA 2008, *Material'naya kul'tura Zapadnoy Evropy v kontekste istorii pousednevnosti Srednevekov'ya* (The material culture of Western Europe in the context of the history of everyday life in the Middle Ages), Vagant publ, Ufa. (In Russ.)
6. Shelegina, ON 2020, 'Veshchestvennye istochniki po etnokul'turnomu naslediyu Sibiri: issledovatel'skiye i sotsiokul'turnye praktiki' (Material sources on the ethno-cultural heritage of Siberia: research and socio-cultural practices), in EA Vorontsova, DM Bondarenko & DN Maslyuzhenko (eds) *Rol' veshchestvennykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statey* (Role of material sources in information support of historical science), Moscow, pp 515–525 (In Russ.)
7. Shchapova, YuL 2000, *Vvedeniye v veshchevedeniye: estestvennonauchnyy podkhod k izucheniyu drevnikh veshchey: uchebnoye posobiye* (Introduction to the science of things: a natural-scientific approach to the study of ancient things: a textbook), Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta publ, Moscow (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.02.2022
Одобрена после рецензирования: 11.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 25.02.2022
Approved after reviewing: 11.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-13-22>

«ДАЙ, И ТЕБЕ БУДЕТ ДАНО»: РЕЦИПРОКНОСТЬ В КУЛЬТОВО-РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИКАХ ОБСКИХ УГРОВ

**Елена Петровна
Мартынова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, er_martynova@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Аннотация. Дарообмен, функционирующий на основе принципа реципрокности, является одним из базовых показателей социальной жизни в традиционных обществах. Он охватывал все сферы жизни в таких культурах, включая взаимоотношения с потусторонним миром. На основе материалов о религиозных ритуалах и культах у обских угров (хантов и манси) в статье рассматриваются разные формы проявления принципа реципрокности при общении с духами и божествами. Основной формой взаимодействия с духами в обско-угорской традиции является жертвоприношение, в ходе которого осуществлялся дарообмен с духами и угощение. Дарами считались вещи (пушнина, одежда, ткани, монеты, посуда), которые обладали большой ценностью и выступали как предметы торговли и обмена. Ханты и манси прибегали к одариванию божеств и духов всех рангов и категорий: природных стихий (воды, леса, огня), верховных божеств, духов-хозяев местности, семейных и родовых покровителей. В качестве ответного дара от них ждали покровительства и помощи. Реципрокность в отношениях с духами могла проявляться не только в позитивной, но и негативной направленности: проявление недоброжелательности вызывало отрицательную реакцию духов, которые могли наказать посланием болезни или какого-либо несчастья. В случае несоблюдения потусторонними силами реципрокности духов наказывали. По логике реципрокности в религиозных представлениях обских угров отсутствовали четкие признаки отнесения духов к категории добрых или злых. Любое божество могло помочь в ответ на дар или покарать в ответ на его отсутствие или недостаток. Реципрокность при контактах с представителями сверхъестественного мира «привязывает» индивида к множеству божеств разного ранга и круга: верховным, духам-хозяевам, духам леса, воды, огня и т.п. В свою очередь, связи «по божеству» способствуют объединению людей. В обско-угорской традиции «родство по божеству (духу)» играло важную роль в культово-религиозных практиках, регулировании брачных контактов, а также способствовало осознанию общности происхождения.

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), реципрокность, дарообмен, мировоззрение, божества и духи, жертвоприношение, ритуалы.

Для цитирования: Мартынова Е. П. «Дай, и тебе будет дано»: реципрокность в культово-религиозных практиках обских угров // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 13–22. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-13-22>.

Сведения об авторе: Е. П. Мартынова – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-13-22>

"GIVE, AND IT WILL BE GIVEN TO YOU": RECIPROCITY IN CULT-RELIGIOUS PRACTICES OF THE OB-UGRIANS

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Abstract. Gift exchange, functioning on the basis of the principle of reciprocity, is one of the basic indicators of social life in traditional societies. It covers all spheres of life in such cultures, including relations with the otherworldly world. The article deals with various forms of manifestation of a reciprocity principle at contacts with spirits and deities on the basis of materials about religious rituals and cults at Ob Ugrians (Khanty and Mansi). The basic form of interaction with spirits in Ob-Ugric tradition is sacrifice during which the gift exchange with spirits and treating was carried out. Gifts were considered things (furs, clothes, fabrics, coins, utensils) which had a great value and acted as subjects of trade and exchange. Khanty and Mansi gifted deities and spirits of all ranks and categories: natural elements (water, forest, fire), supreme deities, spirits-owners of area, family and clan patrons. Patronage and help were expected from them as a reciprocal gift. Reciprocity in relations with spirits could be manifested not only in positive, but also in negative direction: display of unkindness caused negative reaction of spirits which could punish with sending illness or any misfortune. In case of non-observance by the extraterrestrial forces of reciprocity the spirits were punished. According to reciprocity in religious representations of Ob-Ugric, there were no clear signs of assignment of spirits to a category good or evil. Any deity could help in response to a gift or punish in response to its absence or lack. Reciprocity in contacts with representatives of the supernatural world "bound" the individual to a set of deities of different ranks and circles: supreme, spirits-hosts, spirits of wood, water, fire, etc. In turn, the connections "by deity" contributed to the unification of people. In the Ob-Ugric tradition "kinship by deity (spirit)" played an important role in cult-religious practices, regulation of marriage contacts as well as contributed to the awareness of common origin.

Keywords: Ob Ugri (Khanty and Mansi), reciprocity, gift exchange, worldview, deities and spirits, sacrifice, rituals.

For citation: Martynova, EP 2022, "Give, and it will be given to you": reciprocity in cult-religious practices of the Ob-Ugrians', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 13–22, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-13-22> (in Russ.)

Information about the Author: Elena P. Martynova – Doctor of Science (History), Professor of the Department of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Дарообмен является одним из базовых показателей социальной жизни в традиционных обществах. Реципрокность¹, на основании которой функционирует обмен дарами, начала активно изучаться антропологами после публикации «Очерка о даре» М. Мосса в 1925 г. Французский антрополог, показав, что дарообмен был базовым показателем социальной жизни в традиционных обществах, выделил три основных принципа дарообмена: обязанность давать – обязанность принимать – обязанность возвращать [12, с. 152–155, 203–212]. С его точки зрения особенно значимой является обязанность возмещать подаренное [12, с. 152]. Учёный обратил внимание на социальный аспект дара, поскольку дарение повышает статус дающего [12, с. 137–139, 141–143]. Анализом дарообменных отношений занимались такие выдающиеся антропологи, как Б. Малиновский, К. Поланьи, К. Леви-Стросс, М. Годелье. В их трудах концепция дарообмена была критически переосмыслена и получила дальнейшее развитие.

Для темы нашего исследования важно понимание того, что обмен дарами охватывает все сферы традиционного общества, включая взаимоотношения с потусторонними силами. Впервые принципы дарообмена в межличностных отношениях с духами у народов Сибири проанализировала Е. С. Новик [13]. Целью данной статьи является анализ различных проявлений форм реципрокности в религиозно-культурных практиках у обских угров (хантов и манси).

Материалы и методы

Основные сведения для анализа реципрокных отношений у обско-угорских народов были взяты из этнографических работ исследователей второй половины XIX – XX вв. (М. А. Кастрена, Н. Л. Гондатти, Турского, К. Ф. Карьялайнена, В. Н. Чернецова, В. М. Кулемзина, И. Н. Гемуева, А. П. Зенько и др.). Автор также основывалась на собственных полевых материалах, собиравшихся в период 1988 – 2002 гг. среди хантов и манси.

Методологическим руководством для исследования послужила работа Е. С. Новик «Принцип реципрокности и формы его проявления в архаической культуре», в которой проанализирована реципрокность во взаимоотношениях между людьми и сверхъестественными существами [13].

Результаты

В культово-религиозных практиках обских угров центральное место занимает жертвоприношение, которое является основной формой взаимодействия с верховными божествами и разными категориями духов. В литературе принято различать две его формы: в виде пищи (*поры*) и в виде кровавой жертвы (*йир поры*). Жертвоприношения могли быть коллективными (участвовали жители одного селения или нескольких), родовыми, семейными и индивидуальными.

Дарами (пожертвованиями) служили шкурки пушных зверей, одежда, ткани, монеты, посуда и некоторые вещи. К категории вещей, которые считались дарами, относились предметы, обладающие большой ценностью, одновременно они выступали и как товары, которые либо покупались, либо продавались. «Величина» жертвы определялась рангом и силой божества, а также значимостью просьбы. Самым ценным даром считались серебряные монеты, тарелки и блюда [11, с. 21]. Особенно высоко среди хантов и манси ценились изделия из серебра и золота, прежде всего посуда из этих металлов, которая не только преподносилась в качестве даров, но и использовалась во время ритуалов. В нее собирали кровь жертвенных животных, на нее раскладывалась пища, предназначенная для духов, хранились пожертвованные монеты [18, с. 575].

Во время церемонии божеств угощали пищей. В случае бескровного жертвоприношения (*поры*) ее приносили из дома, при кровавом (*йир поры*) на священном месте варили мясо жертвенных животных. Считалось, что духи питаются «паром»,

поднимающимся от еды во время ритуала. В обско-угорской традиции к жертвенным животным относились лошадь, баран, теленок, петух, олень. Обращаю внимание на то, что это домашние животные, лесных зверей в жертву не приносили. Жертвенную пищу не стоит расценивать как подарки духам. Б. Малиновский заметил, что угощение пищей и раздача продуктов питания всегда сопровождают дарообмен [25, р. 56].

Во время церемонии к божествам обращались с просьбами и одновременно преподносили дары, рассчитывая получить взамен содействие в промыслах, покровительство, защиту и т.п. Обращение выражалось в призывных песнях и молитвах, в которых излагались желания устроителей жертвы. Например: «Угощайся (ешь), Старик (имя духа)! Дай нам зверя, рыбы много. Помог в промысле. Защити от болезней». Факт преподнесения даров указывал на ожидание ответных милостей (действий) со стороны божества, поэтому в отдельных случаях вербальное общение со сверхъестественными существами могло пропускаться.

На принцип реципрокности в жертвенных ритуалах указывали многие авторы. М. А. Кастрен писал, что северные ханты рассматривали жертву как задаток божеству или благодарность за оказанную помощь [7, с. 189]. По словам Д. Турского, остяки не боятся своих богов, они приносят им жертвы и уверены, что боги должны исполнить их просьбу; они как бы подкупают их своими жертвами и дарами; получил бог подарок от остяка – должен отдарить, дать ему, о чем тот просит. Идет остяк на охоту, на рыбную ловлю, – он делает с богами договор: «если убью трех соболей, одного тебе, если шесть, то двух», «если тоня будет удачная, то самую большую рыбу тебе, иначе – ничего не получишь» [20, с. 27]. К. Ф. Карьялайнен отметил, что у обских угров отношения с духами основывались на принципе «Дай, и тебе будет дано» [24, р. 125].

Е. С. Новик обратила внимание на роль ментальной составляющей при коммуникации с духами, которая соединяет позиции «я» и «другого». Согласно принципу реципрокности, это «учитывание другого»: «другого как себя» и «себя как другого». Она привела примеры, в которых демонстрируется «учитывание потребностей духов» [13, с. 297]. Этнографические данные по обским уграм позволяют дополнить и расширить информацию.

Для достижения успехов в промыслах ханты и манси прибегали к одариванию божеств и духов разных рангов и категорий, ожидая в качестве ответного дара покровительства и помощи. В их мировоззрении большая роль отводилась духам воды и леса, поскольку рыболовство и охота играли ведущую роль в традиционной системе жизнеобеспечения. У всех групп было распространено представление о водном духе «Водном старике» – *Инк-вурт-ики* / *Инк-лунг* (ханты) или *Вит-хон* (манси). Он считался хозяином рыб, регулировал ее количество в водоемах, выделяя ту или иную часть людям. Перед началом рыболовного сезона ему приносили дары. По принципу реципрокности, тем, кто ему пожертвовал, он обязан был дарить много рыбы, а кто этого не сделал – лишь столько, чтобы остаться в живых [24, р. 234]. Иртышские ханты осенью жертвовали водному духу либо быка, либо жеребенка, либо петуха, причем коричневого цвета, а также монеты, печенье, кашу, брагу, вино, платки [24, р. 236]. Т.е. водному духу давали то, что не водилось в воде, покупные продукты, вещи. Жертвоприношение устраивалось также в летний период по случаю Петрова дня. Водный дух получал петуха, на шею которого было привязано семь аршин красных ниток с монетой. Вербальное обращение напрямую говорило об ожидаемом ответном даре: «Наш отец! Мы пожертвовали тебе ложку, полную крови, вылили ее в воду. Дай нам водных рыб, а если мы пойдем в лес – лесную добычу». После погружения жертвы в воду продолжали просить: «Когда мы поедем водой, когда мы спустимся рыбачить, не отнимай у нас водных рыб; когда мы пойдем в лес, не отнимай у нас дичь лесную» [24, р. 237]. Васюганские ханты приношением даров просили водного духа защищать от опасностей и несчастий на воде, для чего жертвовали весной трех кедровок. Они

верили, что этот дух может спасти от болезней, если в воду бросить ситец [24, р. 238].

Водную стихию, по представлениям хантов и манси, населяли и другие духи, от которых также зависел успех в добыче рыбы и безопасность на воде. Жертвоприношения им проводилось по похожим сценариям. Повсеместно в начале лета, во время первого спуска лодки в воду было принято бросать в реку кусочки пищи.

Лесные духи *Унт-ики* / *Унт-лунг* (ханты) обитали в лесах и обеспечивали успех в охоте. Считалось, что такие духи отвечают за определенные угоды. Для успешного промысла им приносили жертвы, обычно в начале осеннего охотничьего сезона (октябрь) и зимнего (конец января). Согласно К. Ф. Карьялайнену, лесным духам-хозяевам жертвовали барана, петуха, иногда жеребенка [24, р. 229]. Как видим, учитывая потребности духов, им жертвовали тех животных, которые не водились в лесу.

В религиозных представлениях обских угров большая роль отводилась духам-хозяевам, считавшимися покровителями определенной территории, в том числе и проживающих на ней людей. По классификации К. Ф. Карьялайнена, они относились к категории родовых и местных духов. Их «обязанностью» считалось оказание покровительства в промыслах и оленеводстве, а также обеспечение счастья, здоровья, благополучия. По логике реципрокности, «все это можно было выпросить и получить у духа» [24, р. 30]. К. Ф. Карьялайнен привел пример необычной просьбы к духу: в 1858 г. в хлебозапасном магазине на р. Вах власти установили высокую цену на муку, после этого остяки принесли в жертву своим божествам овец, телят и жеребят и просили заменить чиновников [24, р. 31].

Принцип реципрокности распространялся на магические действия с огнем, который ханты и манси одухотворяли, считали, что дух огня может разговаривать с людьми. Так, если огонь начинал «пищать», его «кормили» – бросали сушеную рыбу или кусочек другой пищи. Тем, кто кормил огонь, он помогал в промысле, и, наоборот, мог оставить без добычи тех, кто пренебрег просьбой.

У обских угров животные считались одушевленными существами, уподоблявшимися людям. О наличии у них души-тени и души-дыхания писали разные авторы [4, с. 39; 9, с. 156, 161; 22, с. 42; 5, с. 53]. Считалось, что животные могут понимать человеческую речь, поэтому во время охоты нельзя громко разговаривать, ругать животных. Обиженные звери могут обидеть охотников, что скажется на результате промысла. Подобные табу также объясняются принципом реципрокности: проявление враждебности по отношению к животным опасно негативной ответной реакцией. Среди хантов и манси был распространен обычай совместной трапезы по случаю первого добытого зверя: его мясо варили и накрывали стол, при этом для лесного духа ставилась отдельная посуда [19, с. 85; 23, р. 260; 9, с. 97].

Е. С. Новик отмечала, что реципрокность может реализовываться в негативном направлении: проявлении недоброжелательности может вызвать ответную реакцию духа. Подтверждение можно найти в материалах К. Ф. Карьялайнена: «глупый, пожертвовавший человек может получить больше, чем умелый охотник, не принесший жертву» [24, р. 229]. Отрицательная реакция духов могла проявиться в послании болезней несчастий, причем не только со стороны духов-болезней, но и духов-покровителей, если к ним отнеслись непочтительно. Наказать болезнью, т.е. проявить отрицательную реципрокность, могли местные, родовые, семейные и личные духи-покровители. Обиженные домашние духи могли пугать домочадцев. Такое случилось, когда в одной семье ваховских хантов духу-хозяйке дома (ее антропоморфному изображению) «сшили» одежду неподходящего размера, она обиделась и стала стучать по ночам [10, с. 158]. Несчастьем могло обернуться несоблюдения женщинами запретов по отношению к орудиям промыслов (им нельзя было переступать через ружье, ловушку, рыболовную сеть и т.п.). Нарушение табу могло повлечь за собой болезнь и даже смерть добытчика.

В случае несоблюдения принципа реципрокности с домашними духами особо не церемонились: «их просто выкидывают вон, если они плохо помогали хозяину и заменяют новыми куколками» [20, с. 27]. К. Д. Носилов привел слова вогула с р. Конда о том, что если охотник не находил в лесу никакой добычи, то, разозлившись, он бил дома духа кнутом, а затем ставил его в угол духов. Если и дальше видел, что пользы нет, «тогда берет его из угла и бросает в воду: плыви, куда хочешь, если не хочешь по-хорошему жить в юрте» [15, с. 181]. К. Ф. Карьялайнен также писал о наказаниях домашних духов за небрежность и равнодушие к делам хозяина: их оставляли голодными, могли побить или вообще изгнать [24, р. 21]. О «расправах» с домашними духами приходилось слышать от информантов: «Если домашний дух перестает работать, его в лес уносят, а себе нового делают».

У хантов и манси существовало представление о том, что в сверхъестественном мире вещи могут приобретать противоположное значение: то, что было маленьким, становится большим, отдельные части приобретают целостность. Этим можно объяснить многие поверья и магические действия, связанные с промысловым культом. Для обеспечения удачи в промысле ваховские ханты хранили кости и определенные части животных, нанизанными на заостренную палочку, аганские ханты обрезали убитым белкам и соболям лапки для того, чтобы они впредь плохо бегали и становились легкой добычей. Кости птиц и рыб нужно было складывать в определенное место или закапывать в землю, чтобы их количество не сокращалось в будущем [9, с. 83]. Такие меры предполагали учет интересов сверхъестественных существ, от которых ожидался ответный дар в виде добычи.

Е. С. Новик заметила, что принцип реципрокности позволяет понять, почему в представлениях сибирских народов отсутствуют четкие критерии, по которым духи делятся на добрых и злых [13, с. 299–300]. Обско-угорские материалы подтверждают этот тезис. Бог Нижнего мира *Куль-ики* / *Хынь-ики* не был олицетворением абсолютного зла. Согласно фольклорной традиции, он когда-то жил на небе и вместе с Торумом принимал участие в сотворении мира, хотя создал все «вредное» для людей. Будучи хозяином подземного мира, царства мертвых, он после получения жертвы может сдерживать помощников, насылающих болезни. Бартенев упоминал о том, что у бога Нижнего мира Куля можно выкупить больного или искупить вину перед небесными духами [1, с. 111]. У ляпинских манси он считается духом-покровителем селения Ясунт. В этом статусе он действовал, как и другие духи-хозяева местности, помогая людям [3, с. 37–46]. А. П. Зенько писал, что священное место Хынь-ики на р. Юган посещали в случае болезни и в целях профилактики. Возможность договорных отношений с ним говорит о том, что он выполнял возложенные на него функции. Доброе и злое начало, в представлениях хантов и манси, не разделены принципиальной границей, а действуют по-разному в разных ситуациях [5, с. 25].

Реципрокность проявляется в представлениях, связанных с избранничеством [13, с. 300]. Мужчины, погибшие на рыбалке или на охоте, считались избранниками соответствующего духа. Ханты и манси верили, что лесной дух может забирать людей для совместной жизни. Информанты так говорили про тех, кто заблудился и пропал в лесу. В таких случаях семья уведенного становилась успешной в ловле зверя и птицы, потому что уведенный посылал их под выстрел или направлял в ловушку. Т.е. души умерших принимали участие в распределении добычи.

В соответствии с принципом реципрокности общение с представителями потустороннего мира совершалось напрямую: дарующие люди и одариваемые духи контактировали лично, без посредников. Такие отношения во многом основываются на доверии и допускают отсрочку ответного дара (платежа). В литературе отмечалось, что во время религиозных ритуалов дарители заключают с духами своего рода сделки:

«Каждая вновь принесенная жертва в очередной раз разрушала барьер между человеком и духом. Из существа, стоящего над человеком, дух «превращался» в «делового партнера» [2, с. 175–176]. На договорной характер отношений хантов и манси с духами указывала Н. И. Новикова: для успешного промысла охотники и рыболовы заключали союз с духами [14, с. 231].

Реципрокность при контактах с представителями сверхъестественного мира «привязывает» индивида к множеству божеств разного ранга и круга: верховным, духам-хозяевам, духам леса, воды, огня и т.п. В свою очередь, связи «по божеству» способствуют объединению людей. К. Поланьи считал, что реципрокность выступает важным принципом социальной интеграции [16, с. 71]. В обско-угорской традиции «родство по божеству (духу)» играло важную роль не только в культово-религиозных практиках, но и в регулировании брачных контактов. Родственные объединения в хантыйском и мансийском языках обозначались термином *сыр / sir*. Казымские ханты говорили про них *торум сыр ёх* – «одинаковые с духом», поясняя, что они «считаются похожими на своего духа-покровителя». М. А. Кастрен писал, что у остяков «звеном соединения между отдельными лицами одного и того же рода служит единство религии. Каждый род издавна имеет своих идолов, которые часто сохраняются в одной и той же юрте и чествуются от всего рода жертвоприношениями и другими религиозными обрядами» [6, с. 277–278].

В религиозных представлениях хантов и манси распространены сюжеты о родственных и брачных отношениях между родовыми духами-покровителями, которые транслируются на членов соответствующих родов. В. Н. Чернецов, столкнувшись с таким явлением у северных манси, отметил, что «каждый *torum* (дух-покровитель - Е.М.) являлся тотемным предком какого-либо рода, и в то же время был связан с двумя-тремя или даже большим количеством других родов, где он также почитался в той или иной степени, причем предки этих родов считались его сыновьями и дочерьми... В сыновьих или родительских отношениях между тотемными предками отдельных родов мы действительно вправе видеть отражение существовавшей некогда генетической связи между этими родами» [21, с. 23–25]. Ритуалы почитания, в том числе и коллективные жертвоприношения духам-предкам объединяли потомков, закрепляли представления об общности происхождения.

Религиозно-культовое единство выступало важным фактором интеграции и на более высоком, по сравнению с родами, уровне. Известно, что накануне русского завоевания Западной Сибири у остяков и вогулов существовали «княжества» – военно-политические объединения. Перед началом военных действий на священных местах собирались представители разных селений для совершения жертвоприношений. Сибирские летописи сообщают о большом «мольбище» у Рачевых юрт, месте поклонения одноименному идолу: «Егда же доплыша до Рачева городища и ту котелние шейтанъщики збиратели со всех юрт на молбище к шейтану Рачю, и в зборе их многое» [17, с. 334]. Одно из самых крупных святилищ Нижнего Прибыя, привлекавшее «съезд великий» находилось в юртах Белогорских, служивших резиденцией князца Самара [17, с. 342]. Когда в 1585 г. воевода И. Мансуров построил городок «над рекою Обью против иртышского устья», к нему пришло ратью «множество остяков» и принесли с собой кумира. «Его же чтяху и поставиша его близь городка под деревом в низком месте и начаша пред ним жрети, чая себе нечистивши помощника христиан одолети и мечю их предати. Той же кумир поганым нарочит и славен, и мнози погании приносят ему дары из далних городов велми множество по все дни» [17, с. 340–341].

Таким образом, реципрокные связи поддерживали контакты не только между людьми и духами, но и способствовали интеграции коллективов людей, объединенных совместным религиозным культом и ритуалами по отношению к тому или иному божеству.

Заключение

Приведенные в статье материалы показывают, что через реципрокность можно описать разные формы взаимодействия между людьми и духами, в том числе и во время ритуалов жертвоприношений, которые считаются важнейшим элементом в религиозно-культовых практиках обских угров. «Укорененность» реципрокности в сознании хантов и манси можно объяснить тем, что в рамках традиционной картины мира, основывающейся на анимистических представлениях, дары позволяли охотникам и рыболовам уравнивать отношения с природой. И. И. Крупник показал, что северные народы осознавали разрушительное влияние своего хозяйства на используемые ресурсы, о чем свидетельствуют промысловые обряды, направленные на оберегание и «восстановление» дичи [8, с. 202]. Добытые во время промыслов мясо, рыбу, дичь, пушнину и пр. они воспринимали как дар от природы, который нужно было обязательно возместить путем отдаривания духов, ответственных за природные ресурсы и успех в промыслах.

Примечания

1. Реципрокность (англ. reciprocity – взаимность) – отношения, при которых две стороны совершают взаимные трансакции.

Список источников и литературы

1. *Бартенев В. В.* На крайнем Северо-Западе Сибири : (очерки Обдорского края). СПб.: Типолит. М. П. Пайкина, 1896. 148 с.
2. *Гемуев И. Н.* Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
3. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Религия народа манси: Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
4. *Гондатти Н. Л.* Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири : [из 8 кн. Трудов этнографического отделения Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии]. М.: тип. Е.Г. Потапова, 1888. 91 с.
5. *Зенько А. П.* Представления о сверхъестественном в традиционном представлении обских угров: структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.
6. *Кастрен М. А.* Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838-1844 гг. // Этнографический сборник РГО. СПб., 1858. Вып. 4. С. 219–320.
7. *Кастрен М. А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин землеведения и путешествий. М.: тип. А. Семена, 1860. Т. 6, ч. 2. 495 с.
8. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
9. *Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 192 с.
10. *Материалы по фольклору хантов / записи, введение и примеч. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной.* Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 216 с.
11. *Мифы, предания, сказки хантов и манси.* М.: Наука, 1990. 568 с.
12. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. М.: Книжный Дом Университет, 2011. С. 134–285.
13. *Новик Е. С.* Принцип реципрокности и формы его проявления в архаической культуре // Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004. С. 294–302.
14. *Новикова Н. И.* Договор в культуре обских угров // Homo Juridicus : материалы конференции по юридической антропологии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1987. С. 229–235.

15. Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1904. 255 с.
16. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2001. Т. 3, № 2. С. 62–73.
17. Сибирские летописи. СПб.: Импер. Археогр. комис., 1907. 397 с.
18. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
19. Старцев Г. Н. Остяки : социально-экономический очерк. Л.: Прибой, 1928. 151 с.
20. Турский Д. Остяки. М.: Тип. о-ва распространения полезных книг, 1898. 56 с.
21. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–42.
22. Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири : [дневники]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. 282 с.
23. Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Memories de la societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1958. Bd. 113. 443 s.
24. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki-Porvoo: Werner söderström osakeyhtio, 1922. Т. 2. 388 p.
25. Malinowski B. The Primitive Economics of the Trobriars Islanders // Culture of the Pacific / eds. Th. G. Hardy, B. J. Wallace. London: Collier-Macmillan Limited ; NewYork: The Free Press, 1970. P. 51–62.

References

1. Bartenev, VV 1896, *Na kraynem Severo-Zapade Sibiri (Ocherki Obdorskogo kraya)* (In the Extreme North-West of Siberia (Essays on Obdorsk Region)), Tipolitografiya M. P. Paykina publ, St. Petersburg. (in Russ.)
2. Gemuev, IN 1990, *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* (Mansi Worldview: Home and Cosmos), Nauka publ, Novosibirsk. (in Russ.)
3. Gemuev, IN & Sagalaev, AM 1986, *Religiya naroda mansi: Kul'tovyye mesta (XIX – nachalo XX v.)* (Religion of the Mansi People: Cult Places (19th - beginning of 20th century)), Nauka publ, Novosibirsk. (in Russ.)
4. Gondatti, NL 1888, 'Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri' (Traces of Paganism among the Peoples of Northwest Siberia), *Trudy etnograficheskogo otdeleniya Moskovskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii (Proceedings of the Ethnographic Department of the Moscow Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography Amateurs)*, vol. 8, Moscow. (in Russ.)
5. Zen'ko, AP 1997, *Predstavleniya o sverkh'estestvennom v traditsionnom predstavlenii ob-skikh ugrov: Struktura i variativnost'* (Representations of the Supernatural in the Traditional Representation of the Ob-Ugric: Structure and Variation), Nauka publ, Novosibirsk. (in Russ.)
6. Castren, MA 1858, *Etnograficheskiye zamechaniya i nablyudeniya Kastrena o loparyakh, karelaykh, samoyedakh i ostyakakh, izvlechennyye iz yego putyevykh vospominaniy 1838–1844 gg.* (Castren's Ethnographic Remarks and Observations on the Lapps, Karelians, Samoyeds, and Ostyaks, Extracted from his Travel Memoirs of 1838–1844), *Etnograficheskii sbornik RGO*. St. Petersburg, no. 4, pp. 219–320. (in Russ.)
7. Kastren M. A. *Puteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri, 1838–1844, 1845–1849.* [Travel to Lapland, Northern Russia and Siberia, 1838–1844, 1845–1849]. // *Magazin zemlevedeniia i puteshestvii*. Moscow: Tipogr. A. Semena, 1860. Т. 6. Ch. 2. 495 s. (in Russ.)
8. Krupnik, II 1989, *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli traditsionnogo prirodoopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenevodov Severnoy Evrazii* (Arctic Ethnoecology: Models of Traditional Environmental Management by Sea Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia), Nauka publ, Moscow. (in Russ.)
9. Kulemzin, VM 1984, *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* (Person and Nature in the Beliefs of the Khanty), Izdatel'stvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (in Russ.)
10. *Materialy po fol'kloru khantov* (Materials on Khanty Folklore) 1978, rev. VM Kulemzin & NV Lukina, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (in Russ.)
11. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* (Myths, Legends, Fairy Tales of the Khanty and Mansi) 1990, Nauka publ, Moscow. (in Russ.)

12. Mauss, M 2011, 'Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaicheskikh obshchestvakh' (The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies), *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* (Society. Exchange. Personality. Proceedings in Social Anthropology), trans. AB Gofman, Knizhnyi dom universitet publ, Moscow, pp 134–285. (in Russ.)
13. Novik, ES 2004, 'Printsip retsiprochnosti i formy ego proiavleniia v arkhaicheskoi kul'ture' (The Principle of Reciprocity and its Forms in Archaic Culture), *Obriad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur*. Vostochnaia literature publ, Moscow, pp 294–302. (in Russ.)
14. Novikova, NI 1987, 'Dogovor v kul'ture obskikh ugrov' (The Treaty in the Culture of the Ob-Ugric), *Homo Juridicus. Materialy konferentsii po yuridicheskoy antropologii* (*Homo Juridicus. Proceedings of the Conference on Legal Anthropology*), Institut etnologii i antropologii RAN publ, Moscow, pp 229–235. (in Russ.)
15. Nosilov, KD 1904, *U vogulov. Ocherki i nabroski* (The Voguls. Essays and Sketches), Tipografiya A.S. Suvorina publ, St. Petersburg. (in Russ.)
16. Polanyi, K 2001, 'Ekonomika kak institutsional'no oformlennyy protsess' (Trade and Market in the Early Empires; Economies in History and Theory), *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol 3, no 2, pp 62–73. (in Russ.)
17. *Sibirskie letopisi* (Siberian Chronicles) 1907, St. Petersburg. (in Russ.)
18. Sokolova, ZP 2009, *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* (Khanty and Mansi: A View from the 21st Century), Nauka publ, Moscow. (in Russ.)
19. Startsev, GN 1928, *Ostyaki: sotsial'no-ekonomicheskii ocherk* (Ostyaks: a Socio-Economic Sketch), Priboy publ, Leningrad. (in Russ.)
20. Turskii, D 1898, *Ostiaki* (Ostyaks), Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig publ, Moscow. (in Russ.)
21. Chernetsov, VN 1939, 'Fraternal'noye ustroystvo obsko-ugorskogo obshchestva' (The Fraternal Structure of Ob-Ugric Society), *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 20–42. (in Russ.)
22. Chernetsov, VN 1987, *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri: Dnevnik V.N. Chernetsova* (Sources on the Ethnography of Western Siberia: Diaries of V.N. Chernetsov), Izdatel'stvo Tomskogo universiteta publ, Tomsk. (in Russ.)
23. Kannisto, A 1958, 'Materialen zur Mythologie der Wogulen', *Memories de la societe Finno-Ougrienn*, vol. 113, Helsinki. (in German)
24. Karjalainen, KF 1922, *Die Religion der Jugra-Völker*, vol. 2, Werner söderström osakeyhtio, Helsinki-Porvoo. (in German)
25. Malinowski, B 1970, 'The Primitive Economics of the Trobriand Islanders', in ThG Hardy & BJ Wallace (eds.) *Culture of the Pacific*, Collier-Macmillan Limited, London; The Free Press, New York, pp. 51–62.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2022
Одобрена после рецензирования: 23.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 16.03.2022
Approved after reviewing: 23.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Научная статья

УДК 94(47).081+94(47).082

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-23-38>

ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КРЕСТЬЯН В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

**Никита Алексеевич
Биленко**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, nikitabilenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития торгового предпринимательства крестьян в Тульской губернии второй половины XIX в. Основу исследования составили массовые исторические источники – фискально-административная документация («Журналы генеральной проверки торговли и промышленных заведений»), созданные в результате проверок деятельности предпринимателей уездных городов Тульской губернии (локальных административных и экономических центров провинции, сочетавшей в себе черты Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов). Типовой формуляр Журналов позволил автоматизировать обработку больших массивов информации исторических источников путем создания источник-ориентированной машиночитаемой базы данных (на основе СУБД Microsoft Access 2007) и ответить на вопросы: «Каково значение уездных городов в становлении и развитии торгового предпринимательства крестьян во второй половине XIX в.?», «Существовала ли специфика торговой деятельности крестьян в уездных центрах по сравнению с их аналогичной хозяйственной активностью в губернских или столичных городах?», «Наблюдалась ли разница между торговым и, к примеру, промышленным крестьянским предпринимательством в плане организации “своего дела”, управления им в различных городах?». В результате исследования была установлена зависимость между крестьянской предпринимательской активностью в сфере торговли и экономико-географической характеристикой уезда, в котором располагался город. Формы торгового стационарного предпринимательства крестьян в уездных городах соответствовали аналогичным формам в губернском центре. В абсолютном большинстве случаев управление торговыми заведениями осуществляли сами собственники, что было связано с наличием малых капиталов и ориентацией на краткосрочную перспективу хозяйственной активности в сфере торговли. В отличие от промышленного предпринимательства крестьян в уездных городах, в управлении торговым заведением чаще участвовали родственники.

Ключевые слова: экономическая история, пореформенная Россия, город, крестьянство, торговля, массовые исторические источники.

Для цитирования: Биленко Н. А. Торговое предпринимательство крестьян в уездных городах Тульской губернии второй половины XIX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 23–38. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-23-38>.

Сведения об авторе: Н. А. Биленко – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(47).081+94(47).082
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-23-38>

COMMERCIAL ENTREPRENEURSHIP OF PEASANTS IN THE COUNTY TOWNS OF TULA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Nikita A. Bilenko

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, nikitabilenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4666-4553>

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of commercial entrepreneurship of peasants in the Tula province in the second half of the XIX century. The research was based on mass historical sources – fiscal and administrative documentation ("Journals of general verification of trade and industrial establishments"), created as a result of inspections of the activities of entrepreneurs of the county towns of Tula province (local administrative and economic centers of the province, which combined the features of the Central Industrial and Central Agricultural districts). The standard form of the Journals allowed automating the processing of large amounts of information from historical sources by creating a source-oriented machine-readable database (based on the Microsoft Access 2007 DBMS) and answering the questions: "What is the significance of county towns in the formation and development of commercial entrepreneurship of peasants in the second half of the XIX century?", "There was is the specificity of the commercial activity of peasants in county centers compared with their similar economic activity in provincial or metropolitan cities?", "Was there a difference between commercial and, for example, an industrial peasant entrepreneur in terms of organizing "his own business", managing it in various cities?". As a result of the study, a relationship was established between the peasant entrepreneurial activity in the field of trade and the economic and geographical characteristics of the county in which the city was located. The forms of stationary commercial entrepreneurship of peasants in the county towns corresponded to similar forms in the provincial center. In the absolute majority of cases, the management of trading establishments was carried out by the owners themselves, which was due to the presence of small capital and orientation to the short-term perspective of economic activity in the field of trade. In contrast to the industrial entrepreneurship of peasants in county towns, relatives more often participated in the management of a trading establishment.

Keywords: economic history, post-reform Russia, city, peasantry, trade, mass historical sources.

For citation: Bilenko, NA 2022, Commercial entrepreneurship of peasants in the county towns of Tula province in the second half of the XIX century, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 23–38, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-23-38> (in Russ.)

Information about the Author: *Nikita A. Bilenko* – PhD in History, Associate Professor of the Department of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Bilenko N. A., 2022

Введение

Изучение проблемы взаимоотношений крестьянства и города в России имеет давнюю историографическую традицию. Ученые, отмечая сложность и многогранность данного явления, рассматривают его через множество отдельных аспектов: через анализ численности и состава городского населения, механизмы и источники его пополнения [43; 45; 49; 51; 52], через хозяйственные связи, сложившиеся между деревней и городом (в частности, феномен отходничества) [39; 40; 41; 42; 47; 49; 50; 51; 53], через социокультурное влияние города на сельскую округу [54; 55] и т.д. При этом ученые характеризуют данные аспекты в рамках отдельных исторических периодов, оперируя такими понятиями как «феодальный» или «капиталистический» город, подчеркивающими специфику социально-экономических отношений как внутри города, так и города с сельской округой. Одним из таких особых периодов, является вторая половина XIX в. – эпоха существенных изменений в социальной и экономической жизни Российской империи, вызванных Великими реформами и их ближайшими последствиями. Его характерной чертой является относительно активный (по сравнению с предшествующими эпохами) процесс урбанизации в России, который проходил во многом за счет сельского населения – крестьянства. В данной связи целесообразно рассматривать стационарную крестьянскую торговлю в городах в качестве индикатора процесса урбанизации.

Несомненно, «проникновение» крестьян в города началось задолго до отмены крепостного права и Великих реформ [50; 52, с. 61–95], так же как и их торговая деятельность (например, в качестве участников ярмарочных торгов [1, с. 180–184]). Однако именно стационарные формы торгового предпринимательства: организация лавок, складов, магазинов – то, что позволяло крестьянам «зацепиться», «устроиться» в городе.

Историки традиционно характеризуют процессы урбанизации, хозяйственные связи между городом и деревней, развитие городского крестьянского предпринимательства на примере столичных городов (Петербурга и Москвы), а также губернских центров, где новые явления экономической и общественной жизни проявляются наиболее заметно. Но нерешенными остаются не менее важные вопросы: «Каково значение уездных городов в становлении и развитии торгового предпринимательства крестьян во второй половине XIX в.?», «Существовала ли специфика торговой деятельности крестьян в уездных центрах по сравнению с их аналогичной хозяйственной активностью в губернских или столичных городах?», «Наблюдалась ли разница между торговым и, к примеру, промышленным крестьянским предпринимательством в плане организации “своего дела”, управления им в различных городах?».

Настоящее исследование посвящено проблеме развития торгового¹ предпринимательства крестьян в период модернизации России второй половины XIX в. в уездных городах Тульской губернии – локальных административных и экономических центрах провинции Центральной России, граничившей с одной из столичных губерний – Московской – крупнейшим торгово-распределительным центром страны.

Материалы и методы

Анализ исследовательского опыта последних двух десятилетий свидетельствует о том, что наиболее результативными в изучении проблемы крестьянского предпринимательства являются региональный и даже локальный подходы. Их применение позволяет выявить специфику изучаемого явления в отдельных районах обширной Российской империи с её природным, климатическим и экономическим разнообразием. Поскольку Тульская губерния второй половины XIX в. относится исследователями к провинции, сочетавшей в себе черты социально-экономического развития одновременно двух экономических районов: Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого [54, с. 5–6], то для анализа в работе были отобраны

данные по нескольким уездным городам, сгруппированным в три типа: 1) городам северных (нечерноземных) уездов (Алексин); 2) городам средней полосы губернии (Белев, Венев); 3) городам южных (черноземных) уездов (Епифань, Ефремов, Чернь). Подробнее о характеристике уездов см.: картосхема 1 [3].

Источниковую базу исследования составили массовые исторические источники: фискально-административная документация – «Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений», которые ежегодно составлялись чиновниками особых поручений Казенных палат по результатам проведенных генеральных проверок торговли и промыслов при участии торговых депутатов в уездных городах. В работе использовались источники, созданные в 1872, 1876, 1880, 1884, 1888 гг., что обусловлено наибольшей степенью сохранности корпуса архивных документов. Кроме того, шаг в 4 года при определении выборки из всей генеральной совокупности источников позволяет установить динамику и выявить тенденции развития торгового предпринимательства крестьян в уездных центрах.

Журналы содержат сведения о формах и размерах торговых или промышленных заведений, их собственниках, лицах, непосредственно осуществлявших торговлю, масштабы торгов, ассортименте реализуемых товаров или производимых продуктов. Сведения Журналов достаточны, чтобы внешне охарактеризовать каждое торговое предприятие, что недостижимо при анализе обезличенных статистических сведений и обобщенной аналитической информации, содержащихся, к примеру, в отчетах губернаторов, Обзорах губерний или Памятных книжках.

Особенность источниковой базы определила методику проводимого исследования. Типовой формуляр Журналов позволяет автоматизировать обработку сведений массовых источников [10, л. 189–225; 277–310; 11, л. 2–34; 12, л. 2–54; 13, л. 3–76; 14, л. 2–20; 15, л. 2–24; 16, л. 2–50; 17, л. 2–27; 18, л. 2–16; 19, л. 2–51; 20, л. 2–13; 21, л. 2–13; 22, л. 2–36; 23, л. 87–107; 24, л. 1–13; 25, л. 2–36; 26, л. 46–54; 27, л. 3–29; 28, л. 15–64; 29, л. 10–45; 30, л. 16–46; 31, л. 166–180; 32, л. 6–29; 33, л. 1–42; 34, л. 9–35; 35, л. 12–30; 36, л. 9–36; 37, л. 3–104; 38, л. 3–35]. Для этой цели была создана машиночитаемая источник-ориентированная реляционная база данных на основе СУБД Microsoft Access 2007. Результаты обработки материалов источников представлены в диаграммах 1, 2, 3; таблицах 1 и 2.

Результаты

С принятием нового «Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 г. [48] возможность заниматься предпринимательской деятельностью, ее формы и масштабы в большей степени стали зависеть от экономических возможностей участников рыночных отношений, чем от их социальной принадлежности [7, с. 420]. В Тульской губернии крестьяне на протяжении всех 60-х гг. XIX в., преодолевая культурную элерию, обходя сословное законодательство все чаще и систематичнее втягивались в торгово-рыночные отношения. Об этом свидетельствует один из важнейших показателей – динамика численности торговых заведений², находившихся в их собственности (см.: диаграммы 1, 2, 3). В уездных городах наиболее отчетливо это видно на примере города Алексина, расположенного в северной части Тульской губернии (диаграмма 1). За полтора десятилетия – с 1872 г. по 1888 г. доля крестьянских торговых предприятий здесь увеличилась в пять раз: с 4 % до 23 %. Аналогичная тенденция прослеживается в уездном городе, относящемся к средней полосе губернии – Белеве (втором по уровню экономического развития населенном пункте провинции после губернского центра [54, с. 57–73.]). Здесь доля крестьянских торговых заведений постепенно увеличивалась с 13 % до 18 %. Однако иная – разнонаправленная динамика численности крестьянских торговых предприятий наблюдалась в Веневе, так же относящемся к уездным городам средней полосы Тульской губернии (см.: диаграмма 2)

**Экономико-географическая характеристика
Тульской губернии второй половины XIX века**

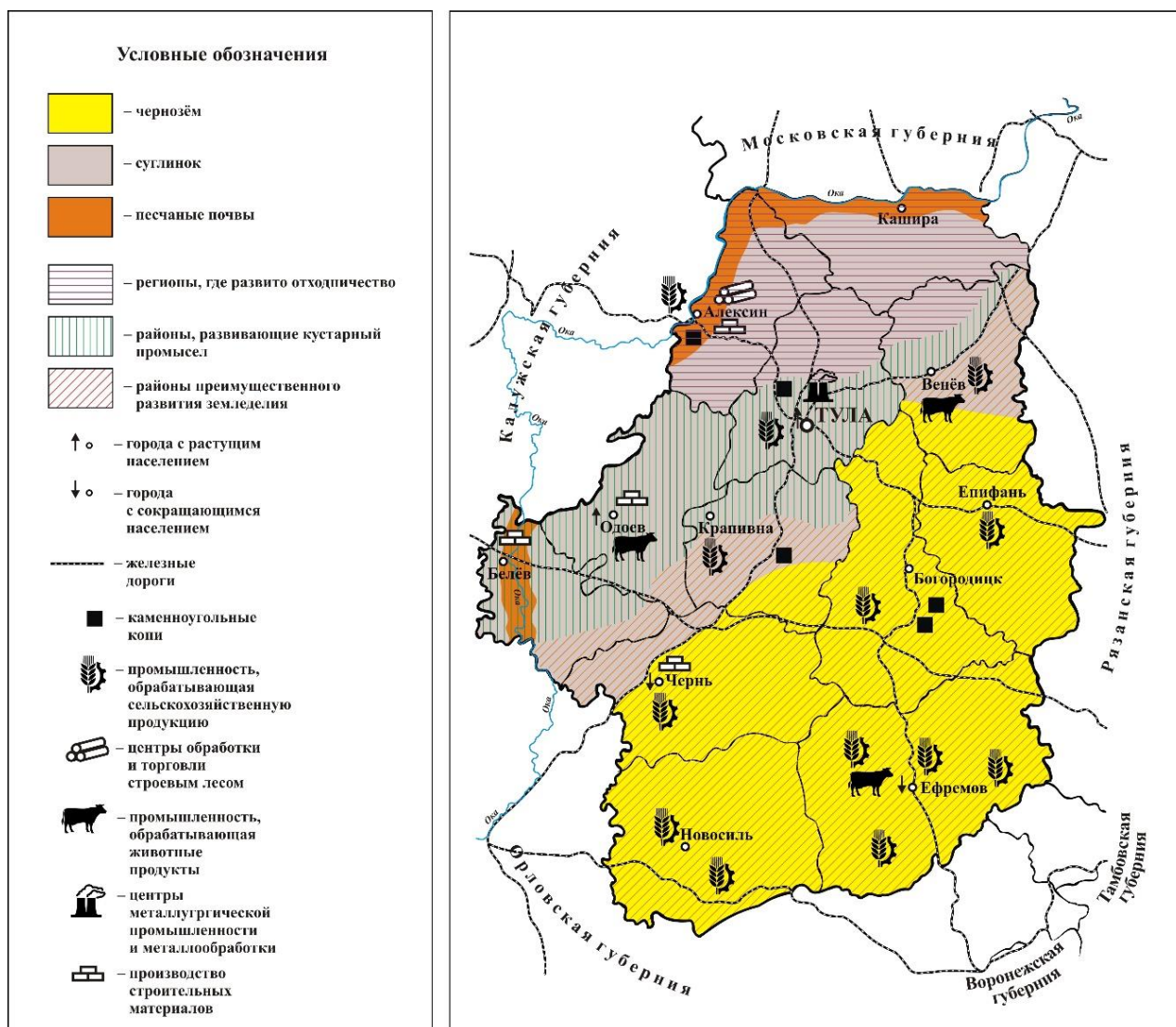

Диаграмма 1

**Доля торговых заведений, принадлежавших крестьянам,
в уездном городе Алексине во второй половине XIX века (в %)**

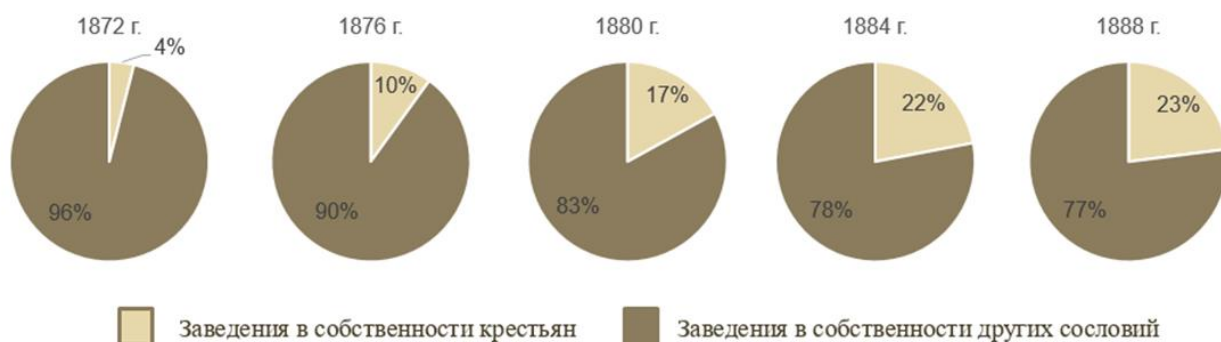
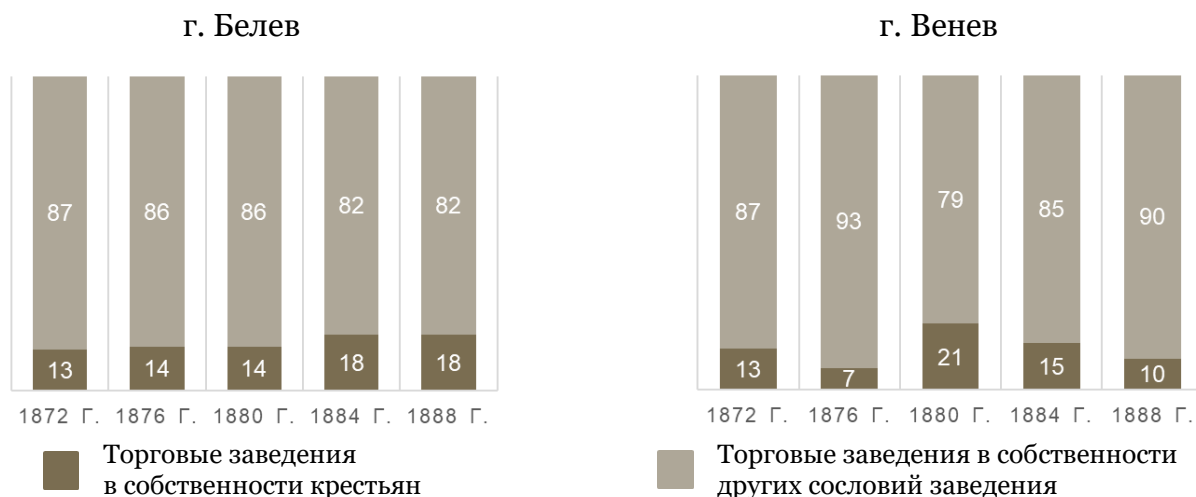

Диаграмма 2

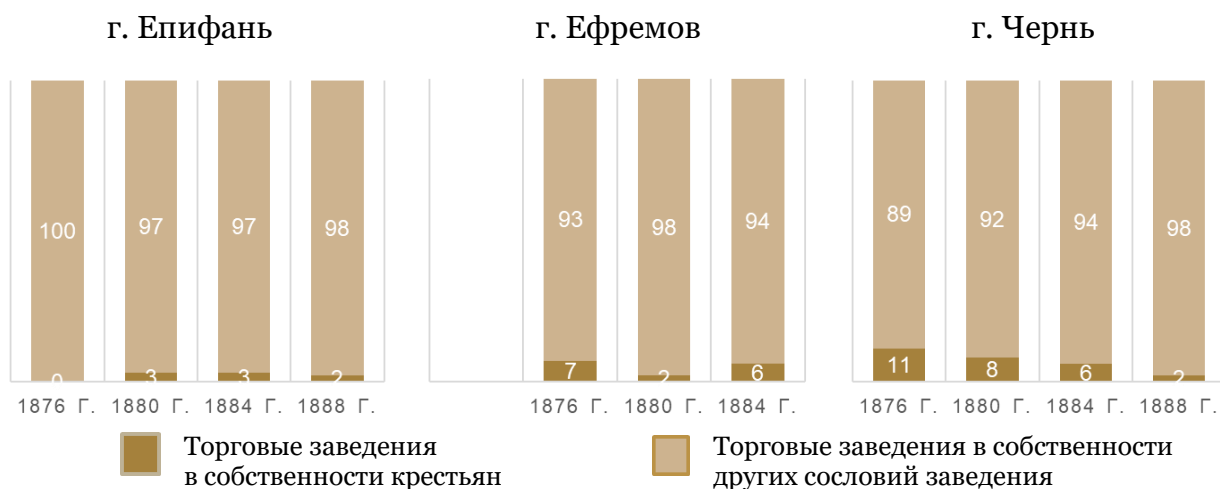
Доля торговых заведений, принадлежавших крестьянам, в уездных городах средней полосы Тульской губернии – Белеве и Веневе во второй половине XIX века (в %)

Совершенно иная динамика численности крестьянских торговых заведений наблюдалась в уездных городах южной (черноземной) полосы Тульской губернии – Епифани, Ефремове и Черни (диаграмма 3). По сравнению с Алексиным, городами средней полосы провинции крестьянские цензовые предприятия были представлены или единично (Епифань), или их численность существенно колебалась в пределах 4 лет (Ефремов), или вовсе динамика отличалась отрицательной направленностью (Чернь).

Диаграмма 3

Доля торговых заведений, принадлежавших крестьянам, в уездных городах южной (черноземной) полосы Тульской губернии – Епифани, Ефремове и Черни во второй половине XIX века

Соотнесение установленной динамики численности крестьянских торговых заведений в уездных городах Тульской губернии с материалами картосхемы 1 позволило выявить ряд определенных закономерностей. Во-первых, положительная динамика участия крестьян в организации торговых предприятий наблюдалась в городах тех уездов, где почва не отличалась плодородием и в тех районах, где были развиты отходничество или кустарные промыслы. В тех местностях, где преобладал чернозем, где преимущественным занятием населения являлось земледелие, наблюдалось либо эпизодичное вовлечение крестьян в стационарное торговое предпринимательство, либо совершенно отрицательная динамика. Во-вторых, различные модели динамики численности торговых предприятий крестьян соответствуют тенденциям роста/падения численности городского населения уездных центров. Так, отрицательная динамика численности крестьянских торговых заведений в г. Чернь соотносится с сокращением численности населения самого города; а разнонаправленная динамика численности торговых предприятий в Епифани – стагнации численности населения города.

Не менее важным является вопрос о том, в каких формах крестьяне занимались торговым предпринимательством в уездных городах. Журналы генеральной поверки содержат внешние описания торговых заведений (что было обусловлено спецификой налогообложения) и позволяют отметить, что в Алексине – уездном городе нечерноземной полосы наиболее стабильно развивалась лавочная торговля (см.: таблица 1). В городах средней полосы, тяготевших к губернскому центру, соседствовали совсем простые формы организации торговли – палатки, мелочные лавочки и «полноценные» лавки. В уездных городах южной (черноземной) полосы провинции крестьяне также ориентировались на организацию простейших форм торговых предприятий. Подобные малые формы торгового предпринимательства связаны в первую очередь с наличием малых капиталов у крестьян, с другой стороны – с эпизодичностью вовлечения в рыночные отношения (что особенно заметно на примере уездных городов черноземного юга Тульской губернии). Иными словами, крестьяне здесь ориентировались на краткосрочную перспективу торговой деятельности, что определяло масштабность их хозяйственной деятельности. Малые формы организации торговли позволяли быстро организовать «свое дело» и также быстро его свернуть в случае необходимости. Косвенным подтверждением этому служит ассортимент реализуемых в торговых заведениях товаров: во всех уездных центрах он был практически идентичным: зелень, домашняя утварь, табак, веревки, мука, крупы.

Таблица 1

**Формы торгового предпринимательства крестьян в уездных городах
Тульской губернии второй половины XIX века***

Города	Формы торговых заведений	Торговые заведения в собственности крестьян									
		1872 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Города северных (нечерноземных) уездов губернии											
Алексин	палатка	-	-	-	-	-	-	2	3	3	2
	мелочная лавочка	1	-	-	-	-	-	1	6	-	2
	лавка	1	-	7	-	8	2	2	-	6	2
	ренсковый погреб	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-

Таблица 1 (продолжение)

Города	Формы торговых заведений	Торговые заведения в собственности крестьян									
		1872 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Города средней полосы губернии											
Белев	палатка	18	1	19	-	13	-	19	1	26	3
	мелочная лавочка	1	2	1	2	2	2	5	2	-	-
	лавка	1	-	2	-	7	2	2	-	7	2
	модный магазин	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
	лесной склад	-	-	1	-	-	-	3	-	5	-
Венев	палатка	2	-	3	-	4	-	3	-	2	-
	мелочная лавка	4	-	-	-	2	-	4	-	-	2
	лавка	3	1	3	-	8	-	2	-	3	-
	ренсковый погреб	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Города южных (черноземных) уездов губернии											
Епифань	палатка	Данные отсутствуют	-	-	-	-	1	-	-	-	
	мелочная лавочка		-	-	-	-	1	-	1	-	
	лавка		--	-	1	-	-	-	-	-	
	ренсковый погреб		-	-	1	-	-	-	-	-	
Ефремов	палатка	Данные отсутствуют	9	-	1	-	2	-	-	-	
	мелочная лавочка		-	-	-	-	6	-	1	-	
	лавка		2	-	1	-	1	-	-	-	
Чернь	палатка	Данные отсутствуют	-	-	1	-	-	-	-	-	
	мелочная лавочка		1	1	-	1	1	-	-	1	
	лавка		-	1	-	1	1	-	-	-	

*Посчитано и составлено по данным журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений [10, л. 189–225; 277–310; 11, л. 2–34; 12, л. 2–54; 13, л. 3–76; 14, л. 2–20; 15, л. 2–24; 16, л. 2–50; 17, л. 2–27; 18, л. 2–16; 19, л. 2–51; 20, л. 2–13; 21, л. 2–13; 22, л. 2–36; 23, л. 87–107; 24, л. 1–13; 25, л. 2–36; 26, л. 46–54; 27, л. 3–29; 28, л. 15–64; 29, л. 10–45; 30, л. 16–46; 31, л. 166–180; 32, л. 6–29; 33, л. 1–42; 34, л. 9–35; 35, л. 12–30; 36, л. 9–36; 37, л. 3–104; 38, л. 3–35].

Важным показателем успешности стационарного торгового предпринимательства крестьян являлось то, кто и каким образом управлял торговым заведением. Таблица 2 содержит сведения о том, кто именно находился за торговым прилавком. Так, во всех уездных городах Тульской губернии в абсолютном большинстве палаток, мелочных лавочках, лавках и магазинах торг осуществляли сами собственники предприятий. В ряде случаев (например, в Алексине) крестьяне прибегали к помощи своих родственников. Практически в единичных случаях присутствовали приказчики – наемные работники.

Материалы таблиц 1 и 2 свидетельствуют так же о том, что в качестве собственников торговых заведений практически не выступали представительницы слабого пола. Это связано с господствовавшими патриархальными отношениями в крестьянской среде. Так, семейно-брачная модель у крестьян в южных черноземных уездах и уездах средней полосы Тульской губернии соответствовала модели черноземных гу-

берний (Курской, Орловской, Воронежской). К примеру, историк З. З. Мухина отмечает, что большую часть отходников в Курской губернии составляли мужчины [46, с. 67]. Мужчины – главы семей распоряжались и имуществом семьи, определяли занятия каждого ее члена. Отсюда, крестьянки-собственницы торговых заведений, самостоятельные управительницы – редкое явление. Таковыми выступали либо вдовы, либо «старые девы».

Таблица 2

Способы управления крестьянами своими торговыми заведениями в Тульской губернии второй половины XIX века**

Города	Способ управления заведениями	Промышленные заведения в собственности крестьян									
		1872 г.		1876 г.		1880 г.		1884 г.		1888 г.	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Города северных (нечерноземных) уездов губернии											
Алексин	самостоятельно	1	-	5	-	6	2	3	8	9	6
	с приказчиком	-	-	1	-	1	-	1	1	1	-
	с родственни-ками	1	-	1	-	1	-	1	-	-	-
Города средней полосы губернии											
Белев	самостоятельно	18	3	23	2	22	4	29	2	37	5
	с приказчиком	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-
	с родственни-ками	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Венев	самостоятельно	7	-	6	-	11	-	8	-	5	2
	с приказчиком	1	1	-	-	2	-	2	-	-	-
	с родственни-ками	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Города южных (черноземных) уездов губернии											
Епифань	самостоятельно	Данные отсут-ствуют	-	-	1	-	1	-	1	-	
	с приказчиком		-	-	-	-	1	-	-	-	
	с родственни-ками		-	-	1	-	-	-	-	-	
Ефремов	самостоятельно	Данные отсут-ствуют	9	-	2	-	6	-	1	-	
	с приказчиком		-	-	-	-	3	-	-	-	
	с родственни-ками		-	-	-	-	-	-	-	-	
Чернь	самостоятельно	Данные отсут-ствуют	1	1	1	1	1	-	-	1	
	с приказчиком		-	-	-	1	1	-	-	-	
	с родственни-ками		-	1	-	-	-	-	-	-	

**Посчитано и составлено по данным журналов генеральной поверки торговли и промышленных заведений [10, л. 189–225; 277–310; 11, л. 2–34; 12, л. 2–54; 13, л. 3–76; 14, л. 2–20; 15, л. 2–24; 16, л. 2–50; 17, л. 2–27; 18, л. 2–16; 19, л. 2–51; 20, л. 2–13; 21, л. 2–13; 22, л. 2–36; 23, л. 87–107; 24, л. 1–13; 25, л. 2–36; 26, л. 46–54; 27, л. 3–29; 28, л. 15–64; 29, л. 10–45; 30, л. 16–46; 31, л. 166–180; 32, л. 6–29; 33, л. 1–42; 34, л. 9–35; 35, л. 12–30; 36, л. 9–36; 37, л. 3–104; 38, л. 3–35].

Обсуждение

Несмотря на то, что уездные города законодательно определялись городами, т.е. административными центрами и местами концентрации промышленного производства и торговли, они в десятки раз уступали губернскому центру как по численности населения, так и по количеству торгово-промышленных заведений. Отсюда – различие в «бойкости» торгового оборота. Тем не менее возможно провести некоторые

параллели между торговым предпринимательством крестьян в уездных городах и губернском центре – Туле. Как и в Туле, доля крестьянских торговых предприятий в уездных городах относительно общего количества подобных заведений редко превышала 20 % [4]. Небольшая численность крестьянских предприятий была обусловлена, с одной стороны – нехваткой капиталов у крестьян, с другой – сложностью «попадания» сельского человека в город. Здесь стоит отметить, что подобные сложности были типичны и для крестьян, ориентированных на работу в столицах. Историк Л. Я. Лурье, характеризуя механизм открытия крестьянином-отходником «своего дела» в Петербурге, указывает на сложности накопления переселенцами капитала для начала торгового дела, т.к. большую долю заработанного в городе крестьянин отправлял в деревню. Однако можно было воспользоваться и капитализацией земляческих связей: «Крестьяне часто отправлялись в Петербург не просто к землякам, а к дядьям, двоюродным братьям, шуринам...», которые могли предоставить кредит на «первоначальное обустройство» [45, с. 172–173]. Но не у всех крестьян были родственники в городе.

Крестьяне в гражданско-правовом отношении оставались самым неполноправным слоем населения. До отмены крепостной зависимости в империи продолжала действовать жесткая паспортная система. В соответствии с законом 1857 г. крестьяне обязаны были проживать там, где они были записаны в подушный оклад. Оставлять места постоянного проживания им разрешалось в целях торговли, но в пределах 30 верст. В иных случаях крестьяне обязаны были получать паспорта или билеты на гербовой бумаге, а также виды на жительство от помещиков на срок от 1 до 6 месяцев. После крестьянской реформы в закон были внесены небольшие изменения. В частности, выдавать паспорта и увольнительные билеты стали сельские старосты и волостные старшины, а документы теперь выдавались на срок от 6 месяцев до 3 лет. Самовольный уход крестьян рассматривался в качестве побега, то есть влек за собой поиски и возвращение. Такая «приписка» к земле фактически просуществовала до 1906 г. [43, с. 580]. Но, по сравнению с паспортной системой, еще большим тормозом явилось сохранение крестьянской общины. А. Гершенкрон отмечал, что отмена крепостного права могла бы создать благоприятные условия для последующей индустриализации, а малое количество земли, доставшейся крестьянину, плохое её качество способствовали бы ускорению процесса урбанизации, притоку рабочей силы в промышленность [8, с. 149]. Однако покидавший общину обязан был навсегда отказаться от своего надела земли, выплатив за него не менее половины суммы выкупного платежа, после – погасить все недоимки казенных, земских и мирских сборов, а также уплатить все окладные сборы за всех членов его семьи до 1 января последующего года. После многочисленных выплат крестьянин должен был заручиться разрешением родителей и решением схода об обеспеченности нетрудоспособных членов семейства. Кроме того, покидавший общину обязан был предоставить приемный договор того общества, в которое стремился перейти. Выполнение всех этих условий делало практически невозможным выход из общины. Даже если крестьянин собирал необходимые денежные средства, главы семейства неохотно давали разрешения на уход членам семьи. Периодически проводившееся перераспределение земли в общине находилось в зависимости от количества рабочих рук в отдельных хозяйствах. Выход члена семьи означал уменьшение надела, поэтому, по замечанию А. Гершенкрона, «каждому отдельному хозяйству приходилось сохранять избыточный фактор, т.е. количество рабочих рук, как условие получения недостаточного фактора, то есть земли» [8, с. 150].

«Подвешенное» состояние крестьян, вынужденных «разрываться» между городом и деревней, определяли возможность организации торговли лишь в малых формах. Так, в уездных городах преобладали малые формы стационарной торговли (палатки, мелочные лавочки), что соответствует тенденциям, которые наблюдались и в губернском центре [4].

Видимой особенностью крестьянского торгового предпринимательства в уездных городах в отличие от промышленного было более широкое привлечение родственников именно к торговой деятельности [6, с. 17]. Видимо, занятие ремеслом или организация и управление более крупным промышленным производством требовало специальных знаний, носителями которых выступили сами собственники заведений.

Заключение

Таким образом, масштабность и формы торгового крестьянского предпринимательства в уездных городах во многом зависели от экономико-географических условий местности, где располагался сам уездный город. Краткосрочная перспектива работы крестьянских торговых заведений, зависимость от качества земли в уездах и преимущественных форм занятости населения на ней (земледелие или участие в, отхожих, кустарных промыслах) заставляют сделать вывод о вынужденном характере торговой деятельности крестьян в городах. Долгосрочному существованию стационарных крестьянских торговых предприятий в уездных городах препятствовало наличие крестьянской общины, которая сковывала горизонтальную и вертикальную мобильность социального слоя. В отличие от промышленного предпринимательства, в сфере торговли крестьяне в большей степени прибегали к помощи родственников в ходе организации «своего дела».

Примечания

1. В исторической науке существует проблема применения в современных исследованиях термина «торговля» [5]. В настоящий момент «торговля» или «торговая деятельность» – это вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров [9]. Законодательство же Российской империи второй половины XIX в. определяло термин «торговля» несколько шире. Кроме самого процесса купли-продажи товаров к торговым действиям приравнивались, к примеру, денежные переводы на русские и иностранные города, содержание страховых и справочных контор, содержание ремесленных предприятий, фабрик и заводов, банковская деятельность [48]. В результате, в Империи сложилось два смысловых значения термина – обыденное и юридическое. Используемый в законодательстве термин «торговля», «торговая промышленность» равнозначен (или, по крайней мере, близок) современному – «предпринимательская деятельность». В настоящем исследовании под торговым предпринимательством подразумевается деятельность крестьян по приобретению (изготовлению) и перепродаже товаров с целью извлечения прибыли, т.е. торговля в современном значении.
2. В настоящей работе учету и анализу подверглись только т.н. «цензовые» торговые заведения, которые облагались налогами и, соответственно, нашли отображение в фискально-административной документации. Перечень видов торговой деятельности, которую могли осуществлять крестьяне без уплаты налогов приведен в «Положении о пошлинах за право торговли и других промыслов» [48].

Список источников и литературы

1. Бочарова С. Е. Ярмарки Тульской губернии в XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бочарова Светлана Евгеньевна. Тула, 2016. 298 с.
2. Биленко Н. А. Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений как исторические источники по изучению внутреннего рынка Российской империи второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 4–9.
3. Биленко Н. А. Историко-географическая характеристика Тульской губернии второй половины XIX в. (к проблеме функционирования местного товарного рынка) // Университет XXI века: научное измерение: Материалы науч. конф. науч.-пед. работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 422–433.

4. *Биленко Н. А.* Крестьянское предпринимательство в губернском городе Туле второй половины XIX века: формы, масштабы, тенденции развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/053-008.pdf>.
5. *Биленко Н. А.* Понятие «торговля» и «торговец» в пореформенной России: проблемы интерпретации в современных исторических исследованиях // Платоновские чтения. Материалы и доклады XX Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2015. С. 112–114.
6. *Биленко Н. А.* Промышленное предпринимательство крестьян в уездных городах Тульской губернии второй половины XIX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11. С. 12–19.
7. *Биленко Н. А.* Торговая правосубъектность подданных Российской империи во второй половине XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI – XIX вв. : сборник материалов Четвертой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.) / [ред.-сост. А. И. Раздорский ; редкол.: В. Н. Беляева (пред.) и др.]. Нижний Новгород, 2018. С. 416–422.
8. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 535 с.
9. *ГОСТ р 51303 – 2013.* Торговля: термины и определения. М., 2014.
10. *Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»* (далее – ГУ ГАТО) Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17596.
11. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17598.
12. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17599.
13. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17602.
14. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 17646.
15. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18138.
16. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18139.
17. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18141.
18. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18142.
19. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18143.
20. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18148.
21. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18684.
22. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18685.
23. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18689.
24. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18692.
25. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18693.
26. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18697.
27. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19328.
28. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19329.
29. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19336.
30. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19337.
31. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19338.
32. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19343.
33. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20317.
34. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20318.
35. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20320.
36. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20324.
37. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20326.
38. *ГУ ГАТО.* Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 20328.
39. *Егоров В. Г., Зозуля О. А., Моркунцов С. А., Петряев С. В.* Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб.: Алетейя, 2013. 272 с.
40. *Егоров В. Г., Зозуля О. А., Палеолог М. В.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М.: Ин-т диаспоры и интеграции (Ин-т стран СНГ), 2011. 446 с.
41. *Егоров В. Г., Зозуля О. А., Сарыков Е. С.* Кустарные промыслы Курской губернии второй половины XIX – начала XX вв. СПб.: Алетейя, 2016. 206 с.

42. Зозуля О. А., Антонов О. Ю., Егоров В. Г. Кустарные промыслы Воронежской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб.: Алетейя, 2014. 349 с.
43. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 732 с.
44. Лобачева И. Н. Хозяева и управляющие: анализ социального и гендерного состава предпринимателей Тульской губернии в конце 60-х гг. XIX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. № 1(5). С. 6–23. [Электронный ресурс] URL: http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf
45. Лурье Л. Я. Соседский капитализм. Крестьянские землячества Петербурга конца XIX – начала XX века. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 370 с.
46. Мухина З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299 с.
47. Никулин В. Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 416 с.
48. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов // Уставы торговый, фабричной и заводской промышленности и ремесленный с дополнениями и изменениями по продолжениям 1863, 1864, 1868 и 1869 годов и позднейшими узаконениями. СПб.: Типография Юлия Андр. Бокрама, 1870.
49. Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: Социально-экономическая литература, 1958. 624 с.
50. Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории: Краткий очерк экономической истории России. М.: ЛИБРОКОМ, 2017. 88 с.
51. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М.: Наука, 1983. 269 с.
52. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с.
53. Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М.: Наука, 1966. 261 с.
54. Симонова Е. В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула: [б.и.], 2005. 237 с.
55. Смурова О. В. Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – нач. XX вв.). Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. 203 с.

References

1. Bocharova, SYe 2016, Yarmarki Tul'skoy gubernii v XIX – nachale XX vv. (Fairs of the Tula province in the 19th – early 20th centuries), PhD thesis, Belgorod State National Research University, Belgorod. (in Russ.)
2. Bilenko, NA 2018, 'Zhurnaly general'noy poverki trgovli i promyshlennykh zavedeniy kak istoricheskiye istochniki po izucheniyu vnutrennego rynka Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX veka' (Journals of general check of trade and industrial institutions in Tula Governorate as the historical sources on studying the domestic market of the Russian Empire in the 2nd half of 19th century), *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* (Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities), no 1, pp. 4–9. (in Russ.)
3. Bilenko, NA 2018, 'Istoriko-geograficheskaya kharakteristika Tul'skoy gubernii vtoroy poloviny XIX v. (k probleme funktsionirovaniya mestnogo tovarnogo rynka)' (Historical and geographical characteristics of the Tula province in the second half of the 19th century (on functioning of the local commodity market)), *Universitet XXI veka: nauchnoye izmereniye: Materialy nauch. konf. nauch.-ped. rabotnikov, aspirantov i magistrantov TGPU im. L.N. Tolstogo*. Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo publ, Tula, pp 422–433. (in Russ.)

4. Bilenko, NA 2018, 'Krest'yanskoye predprinimatel'stvo v gubernskom gorode Tule vtoroy poloviny XIX veka: formy, masshtaby, tendentsii razvitiya' (Peasant entrepreneurship in the provincial city of Tula in the second half of the 19th century: forms, scales, development trends), *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 4 (48), <http://scientific-notes.ru/pdf/053-008.pdf>. (in Russ.)
5. Bilenko, NA 2015, 'Ponyatiye «torgovlya» i «torgovets» v poreformennoy Rossii: problemy interpretatsii v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh' (The concept of "trade" and "merchant" in post-reform Russia: problems of interpretation in modern historical research), *Platonovskiye chteniya. Materialy i doklady XX Vserossiyskoy konferentsii molodykh istorikov. (Platonov readings. Materials and reports of the XX All-Russian Conference of Young Historians)*, Samara, pp. 112–114. (in Russ.)
6. Bilenko, NA 2021, 'Promyshlennoye predprinimatel'stvo krest'yan v uyezdneykh gorodakh Tul'skoy gubernii vtoroy poloviny XIX veka' (Industrial entrepreneurship of peasants in the county towns of Tula province in the second half of the 19th century), *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* (Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities), no 11, pp. 12–19. (in Russ.)
7. Bilenko, NA 2018, 'Torgovaya pravosub'yektnost' poddannyykh Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX v.' (Trade legal personality of subjects of the Russian Empire in the second half of the 20th century), in AI Razdorskiy & VN Belyayeva (eds.) *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii XVI – XIX vv.* (Fourth International Scientific Conference "Trade, Merchants and Customs in Russia in the 16th – 19th Centuries"), 28–30 September 2017, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, pp. 416–422. (in Russ.)
8. Gershenkron, A 2015, *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspective* (Economic underdevelopment in a historical perspective) Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS publ, Moscow. (in Russ.)
9. *GOST r 51303 – 2013. Torgovlya: terminy i opredeleniya* (GOST r 51303 - 2013. Trade: terms and definitions) 2014, Moscow. (in Russ.)
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO)* (State Archive of Tula Oblast (SATO)), fund 118, inventory 1, vol. 8, file 17596. (in Russ.)
11. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 17598. (in Russ.)
12. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 17599. (in Russ.)
13. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 17602. (in Russ.)
14. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 17646. (in Russ.)
15. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18138. (in Russ.)
16. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18139. (in Russ.)
17. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18141. (in Russ.)
18. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18142. (in Russ.)
19. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18143. (in Russ.)
20. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18148. (in Russ.)
21. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18684. (in Russ.)
22. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18685. (in Russ.)
23. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18689. (in Russ.)
24. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18692. (in Russ.)
25. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18693. (in Russ.)
26. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 8, file 18697. (in Russ.)
27. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19328. (in Russ.)
28. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19329. (in Russ.)
29. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19336. (in Russ.)
30. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19337. (in Russ.)
31. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19338. (in Russ.)
32. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 19343. (in Russ.)
33. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20317. (in Russ.)
34. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20318. (in Russ.)
35. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20320. (in Russ.)
36. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20324. (in Russ.)
37. *GATO (SATO)*, fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20326. (in Russ.)

38. GATO (SATO), fund 118, inventory 1, vol. 9, file 20328. (in Russ.)
39. Yegorov, VG, Zozulya, OA, Morkuntsov, SA & Petryayev, SV 2013, *Kustarnyye promysly Nizhegorodskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* (Handicrafts of the Nizhny Novgorod province of the second half of the 19th - early 20th century). Aleteyya publ, St. Petersburg. (in Russ.)
40. Yegorov, VG, Zozulya, OA & Paleolog, MV 2011, *Kustarnyye promysly nechernozemnoy derevni vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. (na materialakh Moskovskoy gubernii)* (Handicrafts of a non-chernozem village in the second half of the 19th - early 20th centuries (on the materials of the Moscow province)), In-t diaspory i integratsii (In-t stran SNG) publ, Moscow. (in Russ.)
41. Yegorov, VG, Zozulya, OA & Sarykov, YeS 2016, *Kustarnyye promysly Kurskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* (Handicrafts of the Kursk province in the second half of the 19th - early 20th centuries), Aleteyya publ, St. Petersburg. (in Russ.)
42. Zozulya, OA, Antonov, OYu & Yegorov, VG 2014, *Kustarnyye promysly Voronezhskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* (Handicrafts of the Voronezh province of the second half of the 19th - early 20th century), Aleteyya publ, St. Petersburg. (in Russ.)
43. Ivanova, NA & Zheltova, VP 2010, *Sosloynoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachala XX veka)* (Estate society of the Russian Empire (18th - early 20th century)), Novyy khronograf publ, Moscow. (in Russ.)
44. Lobacheva, IN 2021, 'Khozyayeva i upravlyayushchiye: analiz sotsial'nogo i gendernogo sostava predprinimateley Tul'skoy gubernii v kontse 60-kh gg. XIX v.' (Owners and stewards: analysis of social and gender composition of the entrepreneurs of the Tula Province of the late 60s of the 19th century), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no 1(5), pp. 6–23, http://tula-vestnik.ru/pdf/2021/vipusk_5_31_03_21.pdf (in Russ.)
45. Lur'ye, LYa 2020, *Sosedskiy kapitalizm. Krest'yanskiye zemlyachestva Peterburga kontsa XIX – nachala XX veka* (Neighborhood capitalism. Peasant associations of St. Petersburg in the late 19th - early 20th century), Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ, St. Petersburg. (in Russ.)
46. Mukhina, ZZ 2012, *Semeynyy byt i povsednevnost' krest'yan Kurskoy gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoy Rossii* (Family life and everyday life of the peasants of the Kursk province: traditions and dynamics of change in post-reform Russia), IEA RAN publ, Moscow. (in Russ.)
47. Nikulin, VN 2017, *Krest'yanskiye promysly na Severo-Zapade Rossii (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka)* (Peasant crafts in the North-West of Russia (second half of the 19th - early 20th centuries)), Dmitriy Bulanin publ, St. Petersburg. (in Russ.)
48. 'Polozheniye o poshlinakh za pravo trgovli i drugih promyslov' (Regulations on duties for the right to trade and other crafts) 1870, *Ustavy torgovyy, fabrichnoy i zavodskoy promyshlennosti i remeslenny s dopolneniyami i izmeneniyami po prodolzheniyam 1863, 1864, 1868 i 1869 godov i pozdneyshimi uzakoneniymi* (Charters of trade, factory and factory industry and handicraft with additions and changes in the continuations of 1863, 1864, 1868 and 1869 and later legalizations), Tipografiya Yuliya Andr. Bokrama publ, St. Petersburg. (in Russ.)
49. Rashin, AG 1958, *Formirovaniye rabochego klassa Rossii. Istoriko-ekonomicheskiye ocherki* (Formation of the working class of Russia. Historical and economic essays), Sotsial'no-ekonomicheskaya literatura publ, Moscow. (in Russ.)
50. Rozhkov, NA 2017, *Gorod i derevnya v russkoy istorii: Kratkiy ocherk ekonomicheskoy istorii Rossii* (City and Village in Russian History: A Brief Outline of the Economic History of Russia), LIBROKOM publ, Moscow. (in Russ.)
51. Ryndzyunskiy, PG 1983, *Krest'yane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX veka (Vzaimootnosheniya goroda i derevni v sotsial'no-ekonomicheskom stroye Rossii)* (Peasants and the city in capitalist Russia in the second half of the 19th century (Relationships between the city and the countryside in the socio-economic system of Russia)), Nauka publ, Moscow. (in Russ.)
52. Ryndzyunskiy, PG 1958, *Gorodskoye grazhdanstvo doreformennoy Rossii* (Urban citizenship of pre-reform Russia), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (in Russ.)

53. Ryndzyunskiy, PG 1966, *Krest'yanskaya promyshlennost' v poreformennoy Rossii* (Peasant industry in post-reform Russia), Nauka publ, Moscow. (in Russ.)
54. Simonova, EV 2005, *Provintsial'nyye goroda Tul'skoy gubernii v XIX veke* (Provincial towns of the Tula province in the 19th century), Tula. (in Russ.)
55. Smurova, OV 2008, *Mezhdugorodom i derevney: (obraz zhizni krest'yanina-otkhodnika vo vtoroy polovine XIX – nach. XX vv.)* (Between the city and the countryside (the way of life of a peasant – seasonal worker in the second half of the 19th - early 20th centuries)), Izd-vo KGTU publ, Kostroma. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.03.2022
Одобрена после рецензирования: 23.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 10.03.2022
Approved after reviewing: 23.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Научная статья

УДК 93

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54>

АРХЕТИП ПРАЗДНИКА В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.

**Анастасия Юрьевна
Сизова**

Российский государственный гуманитарный
университет,
Москва, Россия, nastasya-ya@yandex.ru

Аннотация. Статья освещает социальные революционные процессы февраля – октября 1917 г. сквозь призму антропологических исследований и теорию психоанализа, выявляя и анализируя иррациональные модели поведения масс. В основе своей иррациональная, толпа становится главным политическим актором в 1917 году, являясь проводником бессознательных архетипичных моделей поведения. Понимание механизмов формирования этих моделей открывает новый взгляд на многие социально-политические процессы революционного года. Одна из важных целей доклада – сделать шаг к интеграции конкретно-исторических исследований и исследований в области антропологии и психологии, что существенно расширит методологическую базу и откроет такие возможности для исследователя, которые в узких рамках конкретно-исторической науки не достижимы.

В статье исследуются общественно-политические события российской революции 1917 г. сквозь призму антропологических исследований праздничной культуры человечества. Выявляются основные признаки праздника в революционных событиях, такие как: карнавальный антураж, расточительство, употребление опьяняющих веществ, сексуальное освобождение, слом норм социального поведения, нарушение запретов, смена социальных ролей, эскалация насилия. Будучи зашифрованы в бессознательном культурном коде народа, эти «праздничные» модели поведения выходят на поверхность как эмоциональные, бессознательные реакции на революционный слом рационалистических опор социума и, по мнению автора, становятся определяющими развитие социально-политического процесса в России в революционный период. Однако, в отличие от праздника, хронологические рамки которого всегда известны заранее, революция не имеет прогнозируемых временных границ, что делает ее непредсказуемой и опасной, т.к. общество, однажды вышедшее за грань социальных норм поведения, испытывает большие трудности с возвращением к привычной жизни без принуждающего внешнего фактора.

Ключевые слова: Россия, революция, 1917 год, массы, психология толпы, праздник, архетипичное поведение.

Для цитирования: Сизова А. Ю. Архетип праздника в революционных событиях 1917 г. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 39–54. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54>.

Сведения об авторе: А. Ю. Сизова – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России новейшего времени, Исторический факультет, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

Scientific Article

UDC 93

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54>

THE ARCHETYPE OF THE "FEAST" IN THE 1917 REVOLUTION

Anastasiia Yu. Sizova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, nastasya-ya@yandex.ru

Abstract. The article sheds light on the social revolutionary processes of February–October 1917 through the lens of anthropological research and the theory of psychoanalysis, identifying and analyzing the irrational patterns of mass behavior. Fundamentally irrational, the crowd became the main political actor in 1917, being the conductor of unconscious archetypal patterns of behavior. Understanding the mechanisms of these models opens up a new look at many socio-political processes of the revolutionary year. One of the important goals of the report is to take a step towards the integration of specific historical research and research in the field of anthropology and psychology, which will significantly expand the methodological base and open up opportunities for the researcher that are not achievable within the narrow framework of specific historical science.

The article examines the socio-political events of the Russian Revolution in 1917 through the prism of anthropological studies of the human festive culture. The paper reveals the main features of a feast in revolutionary events, such as: carnival entourage, wastefulness, the use of intoxicating substances, sexual liberation, breaking the norms of social behavior, violation of prohibitions, changing social roles, escalation of violence. Being encrypted in the unconscious human cultural code, these "feast" patterns of behavior come to the surface as emotional, unconscious reactions to the revolutionary demolition of the rationalistic pillars of society and, according to the author, become determining of the development of the socio-political process in Russia during the revolutionary period. However, unlike a real feast, the chronological framework of which is always known in advance, revolution does not have predictable time frames, which makes it unforeseeable and dangerous, because a society that once went beyond the social norms of behavior experiences great difficulties in returning to its daily life without a coercive external factor.

Keywords: Russia, revolution, 1917, masses, crowd psychology, feast, archetypal behavior.

For citation: Sizova, AYu 2022, 'The archetype of the "feast" in the 1917 Revolution', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 39–54, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-39-54> (in Russ.)

Information about the Author: *Anastasiia Yu. Sizova* – PhD in History, Associate Professor, Chair of Contemporary History of Russia, Department of History, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Ploshchad Sq. 6, Moscow, 125047, Russia.

*Рациональное создает науку,
иррациональное направляет историю.
Гюстав Лебон*

Уникальность революционного периода заключается в том, что главным актором политики и творцом истории становится уличная толпа. Февральская революция в России – не исключение. Это был редкий момент, когда политика вершилась на улицах. Поэтому изучение массовых революционных движений в 1917 г. являет собой важнейший аспект изучения истории революции.

Социально-политические и экономические причины и движущие силы российской революции на сегодняшний момент неплохо изучены. Однако на взгляд автора, очевидно, что человек рационален лишь отчасти, мотивы его поведения далеко не всегда можно объяснить только политическими и экономическими причинами, а значит и понимание исторического процесса без изучения иррациональных аспектов поведения людей всегда будет неполным. Особенно демонстративно иррациональное проступает в моменты острых социально-политических кризисов, чем и является революция.

В массовых революционных движениях зачастую прослеживается нечто очевидно безумное, не поддающееся логическому осмыслению. «Когда бунтующие толпы шествовали по Невскому проспекту, то им, казалось, доставляло особенное удовольствие разбивать все стекла в пределах досягаемости. По-видимому, они хотели не ограбить магазины, а просто уничтожить» - свидетельствует наблюдавшая революционный процесс со стороны американская журналистка Флоренс Харпер [42, с. 39]. Действительно, поведение толп в ходе Февральской революции совсем не походило на организованные действия революционеров. Все стратегически важные городские пункты: вокзалы, мосты, железные дороги, телеграф не интересовали революционеров. Зато толпа первым делом бросилась громить магазины, в том числе винные, склады, в том числе книжные [3, с. 88], музеи и скульптурные композиции; останавливать и переворачивать трамваи; жечь книги, ноты, музыкальные инструменты, произведения искусства, постельное белье, гобелены; бить фарфор [30, с. 39; 36, с. 373; 44, с. 264–265].

Иногда поведение толпы противоречит даже элементарной логике голодных людей, страдающих от продовольственных трудностей. В Петрограде во время погрома в лавке на углу Среднего проспекта и 18-й линии Васильевского острова толпа попросту выбросила весь хлеб на мостовую [44, с. 264–265]. Юнкер Голубинцев свидетельствует, что «над Обводным каналом пылало зарево от горевших барж с зерном» [10, с. 177].

Не отставали в своем безумии и солдаты на фронте, поджигая лазареты Красного Креста вместе с больными и ранеными однополчанами [8, с. 300]. Ф. Харпер, работавшая волонтером Красного Креста на Западном фронте, пишет о том, что через несколько месяцев после свершившейся революции «несколько лучших врачей и хирургов России вышвырнули из военных лагерей, а кое-кто из них вообще едва унес ноги, бросив все свое имущество. В госпиталях не осталось ни одного квалифицированного врача» [42, с. 124].

Революционные солдаты и матросы в Гельсингфорсе, изгнав прежних обитателей из царского дворца на Северной Эспланаде, первым делом запустили в него свиней и кур и держали их там несколько революционных месяцев [13, с. 45].

Ничуть не менее безумным выглядит и поведение крестьян. Громя помещичьи усадьбы, они порой просто так уничтожали все то, что не могло пригодиться в хозяйстве – интерьеры, посуду, музыкальные инструменты, разбирали кирпичную кладку [38, с. 150]. При этом они вовсе не стремились занять помещичью усадьбу. Все, что не

могло быть разрушено и сожжено, просто оставляли гнить [36, с. 373]. В помещичьих садах вырывали деревья с корнями и бросали на месте [12, с. 353]. Совершенно дикий рассказ помещика о погроме его хозяйства приводит Ф. Харпер: «Они открыли стойла и истязали скот. Некоторых лошадей закопали заживо; коров выпустили после ужасных издевательств над ними. Одних расчленили, у других отрезали вымя. Против меня лично они не испытывали никакой злобы. Отношение к ним всегда было хорошим. Один старик, приехавший в Петроград по делам, рассказал мне об этом, по его лицу при этом катились слезы, хотя он сам принял самое деятельное участие в этом погроме» [42, с. 186–187].

Отчасти эти феномены объясняет психология толпы. Родоначальником ее изучения является Гюстав Лебон. Выдвинутая им еще в конце XIX в. теория неоднократно находила свое подтверждение в XX в., в последствии она была конкретизирована Габриэлем Тардом, Зигмундом Фрейдом и Сержем Московичи. Все исследователи сходятся в том, что ключевым отличием человека толпы от индивида является его повышенная эмоциональность и пониженные когнитивные способности и, как следствие, тотальный иррационализм поведения, а также стремительное понижение социальной ответственности и высокая степень эмоциональной «заражаемости». Попадая в толпу, человек неизбежно теряет свою индивидуальность и превращается как бы в «клетку» единого организма, спаянного общей эмоцией. Эмоция моментально передается от одного к другому, усиливаясь до колоссальных размеров. При этом интеллект остается невостребованным, поскольку интеллектуальная деятельность рассыпает толпу, а спаивает ее общее эмоциональное состояние, которое перестает быть контролируемым в виду отсутствия интеллекта и мощи эмоциональной «заразы». «Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии – в дикую ненависть», – пишет З. Фрейд [40, с. 18]. Каждый человек в толпе ощущает себя частью огромного целого, а значит и ответственность за действия как будто распределяется на всех, то есть, фактически не лежит ни на ком. Это толкает толпу на те поступки, которые человек никогда бы не совершил в одиночестве. Еще одной важной характеристикой толпы, связанной со всеми предыдущими, является «внушаемость». Г. Лебон и З. Фрейд проводят прямые параллели между состоянием человека толпы и человеком, находящимся под гипнозом: и в том и в другом случае сознательная личность совершенно теряется, воля и способность различения отсутствуют. Человек больше не сознает своих действий. Все его чувства и мысли ориентированы в направлении, указанном гипнотизером или вождем. При этом у человека некоторые «способности могут быть изъяты, а другие доведены до степени величайшей интенсивности». Под влиянием внушения человек в непреодолимом порыве может приступить к выполнению определенных действий, даже не успев осознать этого. По мнению исследователей, это неистовство у масс еще непреодолимее, чем у загипнотизированного, поскольку степень внушения возрастает в силу взаимодействия индивидов между собой [26, с. 140–141; 40, с. 15–16].

Эффект эмоциональной «заражаемости» и «внушаемости» констатируют многие очевидцы и участники революционных событий 1917 г. Побывавший на митинге корреспондент «Раннего утра», недоумевал: «Каким чудом эта масса лиц, еще вчера далеких друг другу, сегодня вдруг объединилась в одно целое, высказывает одинаковые мысли, идет в одном и том же направлении?!» [21, с. 17]. Молодой офицер Н. Реден, описывая солдатский бунт в первые дни революции, пишет о том, что по одиночке солдаты подчинялись приказам, но «когда собирались в больших количествах, то становились упрямыми и злобными» [33, с. 64]. Неизвестно, читал ли помощник Обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахов Г. Лебона, но он прямо сравнивает поведение революционной толпы с «картиной массового гипноза» [14, с. 61]. С. П. Мельгунов

объясняет массовый арест чиновников в Петрограде в марте именно «массовой психологией», фактически, эмоциональной «заразой», приводя в пример то, что ничего подобного в Москве, например, не было [28, с. 166].

Не стоит думать, что влиянию толпы подвергались только малообразованные слои населения. Многие представители интеллигенции также констатируют, что испытали влияние толпы на себе. «Клич изо дня в день растущий в народе: «Не доверяйте людям образованным, интеллигентным, студентам!» Еще мгновение – и, кажется, веришь в это и готов сжечь свои книги, рукописи...», – пишет о себе М. Пришвин [30, с. 80]. Ф. Шаляпин в своих воспоминаниях признает, что надел красную ленточку только потому, что ее носили все, впоследствии он раскаивался в том, что пошел на поводу у масс [45, с. 464]. З. Гиппиус повествует о знакомом студенте, известном своими индивидуалистическими взглядами, который в мартовские дни пребывал «в экстазе, забыл весь свой индивидуализм» [9, с. 73]. «Это было проявление того чувства имитативности, почти физического стремления слиться с массой и быть заодно с ней, которое может быть названо революционным психозом», – свидетельствует С. П. Мельгунов [28, с. 62].

Еще одной важнейшей характеристикой толпы, на которую указывают все исследователи, является ее консерватизм [26, с. 158; 29, с. 77–78, 86; 40, с. 19]. Посему кажущийся прогресс революционного движения – лишь видимость. Для прогресса необходим здравый смысл и развитие науки. Масса же, выходящая на арену политической жизни в эпоху революции, действует на основании образов, вызываемых эмоцией, и эти образы являются ничем иным, как архаическими пластами, хранимыми в народной памяти, закрепленными обычаем и традицией. «По ту сторону сознания, когда барьеры уничтожены, существует темный мир, который сформировался в давние времена. Он оставил следы на нашем теле и в нашей памяти. Ему достаточно небольшого сдвига, чтобы взять реванш. Он переворачивает вверх дном представление о психической и социальной норме», – пишет С. Московичи [29, с. 182]. Этим сдвигом и становится революция, как фактор тотальной нестабильности, когда в один миг оказываются сломлены вся государственная структура, традиционный жизненный уклад, вся привычная картина мира. Человеческое сознание, как бы повисает в пустоте, ему больше не за что держаться, и оно оказывается в оцепенении, и тогда на арену выходит бессознательное, транслируемое через чувственный, эмоциональный канал человеческой психики, многократно усиливаясь «заражаемостью» толпы.

«Сфера рационального в такие периоды сужается, размывается, возрастает роль чувственно-эмоционального восприятия. Актуализируются архаические пласты человеческого мышления», – пишет Б. И. Колоницкий [19, с. 12]. В. П. Булдаков называет российскую революцию «бунтом замаскированной архаики» [7, с. 34], а очевидец событий З. Гиппиус формулировала свое видение происходящего так: «Нет сейчас в мире народа более безгосударственного, бессовестного и безбожного, чем мы. Свалились лохмотья почти сами, и вот, под ними голый человек, первобытный» [9, с. 104–105].

Одним из лежащих на поверхности примеров «бунта замаскированной архаики» является торжество крестьянской общины в 1917 г. приведшее к уничтожению практически всех фермерских хозяйств в ущерб здравому смыслу и прогрессу.

Для того чтобы выявить глубинные архаичные пласты человеческого поведения в революционных событиях 1917 г. обратимся к понятию «архетип», впервые введенному в научный оборот К. Г. Юнгом. Создав концепцию коллективного бессознательного, Юнг теоретически обосновал наличие в ней архетипов. Коллективное бессознательное Юнг понимал как некий субстрат психического бытия людей, общий для всех и передаваемый из поколения в поколение, – коллективную память челове-

чества. Архетипы представляют собой структурные элементы, скрытые в коллективном бессознательном. Архетип является смыслообразующей формой, хранящей в себе повторяющийся из раза в раз опыт многих поколений людей. Наполнение же в нее поставляет окружающая реальность. Поступающая извне информация наполняет форму и выходит наружу в виде стереотипных эмоциональных реакций, шаблонов поведения и мифологических представлений. Архетипичные мифы красной нитью проходят сквозь культуру мировых цивилизаций, а когда складываются актуализирующие их исторические условия, выходят на арену социально-политической жизни.

Одной из фундаментальных архетипических конструкций является *мифология смерти*, распространенная в культуре народов всей планеты.

Каждый вечер солнце садится за горизонт и воцаряется ночь, олицетворяющая первоначальный хаос, каждое утро из этого хаоса вновь рождается день, новое утро рождает новое солнце – символ космогонии. И снова творится мир, до тех пор, пока не будет вновь разрушен смертью, но лишь для того, чтобы вновь породить жизнь. Также интерпретируется и смена времен года. При этом смерть несет важную функцию обновления и очищения. Воссоздаваясь заново, мир возвращает себе юность и творческую энергию, растрченную в процессе старения. Таким образом, миф о смерти являет собой и миф о возрождении жизни, обновленной и очищенной, то есть *миф о воскрешении*. Смерть – это абсолютный хаос, ничто, но в нем содержится зародыш жизни – семя, в котором скрыта информация о жизни.

С мифологией смерти напрямую связан *миф об апокалипсисе*, как смутное предчувствие конца света. Румынский антрополог Мирча Элиаде пишет, что миф о конце мира встречается у многих примитивных народов, и повторяется во всех великих исторических цивилизациях [47, с. 283]. «В течение тысячелетий неоднократно проповедуется одна и та же идея: этот мир несправедлив, отвратителен, отдан на откуп дьяволу; и, к счастью, он уже на грани полного разложения, процесс катастрофического распада начался, старый мир трещит по всем швам, в самом скором будущем он будет уничтожен, силы тьмы будут окончательно побеждены, праведники восторжествуют, и врата рая откроются для них» [46, с. 163]. Для того, чтобы процесс обновления произошел, и человек получил возможность вернуться в изначально райское состояние, необходимо, чтобы разрушение омраченного и нечистого мира было тотальным, т.к. только за смертью следует новая жизнь, и только из хаоса рождается новая космогония.

«Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» – этот призыв связан, как известно, не только с российской революцией, а с революцией вообще. С рациональной точки зрения разрушать предыдущую цивилизацию «до основанья» глупо и даже опасно, поскольку только при опоре на прошлое возможно поступательное развитие истории, но с мифологической точки зрения все прямо наоборот. Если не уничтожить все до основания, строительство нового «райского» мира будет невозможно, так как ядовитые миазмы прошлого разрушат «дивный новый мир» в зародыше.

С мифологией смерти напрямую связан и *архетип праздника*. Праздник – древнейший спутник человечества, присутствующий во всех без исключения культурах народов мира. Атрибуты праздника прослеживаются уже в эпоху палеолита и даже на еще более ранних стадиях – вплоть до гоминид [24, с. 272; 39, с. 331]. Предположки ритуального праздника можно наблюдать даже в обезьяньих сообществах [23, с. 48–49]. Не углубляясь в эту тему, признаем лишь, что праздник это не то, что было однажды изобретено, праздник был всегда.

В качестве основной характеристики древнего праздника исследователи выделяют – нарушение запретов. Это сакральное время, в течение которого позволено все.

Семейные и социальные иерархии отменяются, или переворачиваются. Низы общества больше не подчиняются верхам. Дети не повинуются родителям, слуги – хозяевам, вассалы – сеньорам. Люди получают возможность называть друг друга смешными и злыми словами, неприемлемыми в обычных условиях. Во время праздника терпят и поощряют самые противоестественные соединения, самые невероятные встречи. Повсюду прекращается работа, все предаются чрезмерному потреблению и даже коллективному истреблению припасов, накопленных за долгие месяцы и неумеренному употреблению опьяняющих веществ. Разрешена, а в некоторых обществах и обязательна полная сексуальная свобода, что зачастую приводит к массовым оргиям, или инцестам. Наружу выходят все страсти, в обычной жизни сдерживаемые правилами и традициями. На время праздника законы перестают работать, их нарушение становится не только приемлемым, но и обязательным. Допускается и даже поощряется проявление взаимной агрессии.

Все это совмещается с эстетическим антуражем: обращением к маскараду, использованием в одежде и обиходе ярких, контрастных цветов, присутствием шутов с их пестрыми костюмами и «дурацкой» болтовней, всевозможными шумовыми приспособлениями [5, с. 179; 15, с. 159; 17, с. 218–219, 221; 41, с. 390, 618–619, 620–621, 630–631].

Праздник опирается на иррациональные, чувственные пласты человеческой психики, стирая различия в обществе, он являет собой погружение человека в некий «докосмогонический хаос» [47, с. 87], и в этом его сакральный смысл. Задача праздника – ритуально вернуть общество к хаотичному состоянию смерти, и тем самым очистить его от всего отжившего, загрязненного и ненужного, накопившегося за год. Как бы «перезапустить» жизнь и начать ее с чистого листа [1, с. 228; 17, с. 217; 22, с. 27]. Самый главный праздник – солнцеворот, время, когда «умирает» прежнее солнце и «рождается» новое. Французский антрополог Рене Жирар дает психологическое объяснение празднику и полагает, что основная его цель – дать выход накопившимся эмоциям, в обычной жизни сдерживаемым социальными и ритуальными запретами, потому праздник является психологической разрядкой для общества и приводит к последующему эмоциональному умиротворению. Эта точка зрения не лишена здравого смысла, тем более, что кульминацией любого архаического праздника является ритуальное жертвоприношение, в котором обязаны участвовать все, без исключения, члены общины, которое Жирар также интерпретирует в данном ключе.

«Праздничный» антураж Февральской революции достаточно очевиден. В марте 1917 г., ощущение праздника грянуло на всю страну. Надев красные банты, горожане устремились на улицы, чтобы приветствовать свободу, всеобщую, великую и неделимую. Массовые шествия по улицам, бесконечные революционные славословия, братания и лобызания. Праздное гуляние по улицам от митинга к митингу стало главным занятием горожан. Незнакомые друг с другом прохожие сразу заводили дружбу, целовались и обнимались [28, с. 60; 33, с. 70].

О приподнятом радостном настроении городов свидетельствуют практически все мемуаристы. Интересно, что многие из них говорят о сакральном отношении к революции, проявившемся спонтанно в первые же дни марта. Повсеместно встречаются сравнение революции со святым праздником Пасхи, а российского народа – с воскресшим Христом [2, с. 50; 18, с. 200; 19, с. 25–26, 79–82; 21, с. 16; 28, с. 60; 30, с. 35, 36; 35, с. 89].

Маскарадно-карнавальные черты Февральской революции повсеместно присутствуют в массовых народных движениях. Одним из наиболее явных признаков карнавала стал красный цвет, которым запестрели городские улицы, площади и проходные. Красный цвет мгновенно превратился в главный символ революции. Не было никого, кто бы не надел на себя красную ленточку или бант. Красными полотнами

украшаются здания и паровозы, красными флагами снабжаются даже памятники, в том числе царям, и иконы в церквях [12, с. 343; 19, с. 65, 134; 21, с. 9]. Первое, что исчезло из магазинов, была красная материя и бумага, после чего в ход пошли красные блузки, юбки, платки, фартуки, разрывающиеся на множество красных лоскутов [19, с. 24, 27, 235]. Красные ленты вплетались в хвосты и гривы казачьих коней [19, с. 25]. Красными бантами украшают себя даже офицеры, священники, бывшие жандармы. Поговаривали даже, что сам Великий князь Кирилл Владимирович хаживал по улицам с красным бантом, а известный черносотенец В. М. Пуришкевич прикрепил на свой костюм красную гвоздику [19, с. 29, 30, 65; 28, с. 61]. Конечно для многих «бывших» это было жизненно важным вопросом маскировки, т.к. выйти на улицу без красного символа было опасным признаком контрреволюции.

Анекдотичный случай приводит Ф. Харпер. Когда в момент массовых арестов «бывших» в Петрограде в комнату к иностранным гостям в гостинице Астория врываются вооруженные солдаты, единственным их спасением неожиданно оказывается красная печать в дипломатическом паспорте американского дипломата Клифорта. Солдаты не сумели ничего понять в паспорте, однако красный цвет печати их немедленно успокоил, и ситуация благополучно разрешилась [42, с. 60].

Новую жизнь получает в февральско-мартовские дни художественное творчество, которое впервые приобретает площадные масштабы. Профессия художника становится одной из самых востребованных. Плакатами, транспарантами, знаменами повсеместно украшаются здания и площади городов, они становятся важными атрибутами всех уличных шествий [25, с. 68–73].

Карнавальным вид всему происходящему добавляли и театры, также вышедшие на площади со своими экстравагантными представлениями с прожекторами, фейерверками, сотнями участников и тысячами зрителей. Особое место заняли т.н. «митинги-концерты», совмещавшие в себе политическую составляющую и карнавальное дух [20, с. 333–334; 36, с. 376, 396, 400–401, 404]. Не отставала и русская традиционная балаганно-смеховая культура, где место главного шута – Петрушки занимают царь Николашка и Гришка Распутин [2, с. 53].

Ну и, конечно, наряду с красным цветом, главным признаком революционного времени становится песня. Революционные песни скрепляют массовые шествия, вдохновляют их и придают смысл всему действию. Без революционных песен не обходится ни одно сколько-нибудь массовое собрание. Зачастую песни сопровождалось оркестровыми аранжировками, придавая революции особо праздничный вид [9, с. 91; 13, с. 44; 19, с. 16; 27, с. 73–111].

Нельзя не упомянуть и еще об одной традиционной форме праздничной культуры – ряженых, о которых напоминает новая революционная мода в одежде. Самыми известными ее носителями стали матросы. Матрос в брюках клеш с «декольте» и фуражкой набекрень стал символом революции. Внешний вид солдат и матросов стал выглядеть максимально небрежно при одновременном стремлении украшать себя перстнями, хлыстами и даже соломенными шляпами. Они перестали стричь волосы, «кок» на голове становится особым шиком. В их внешнем облике перемешивается гражданский и военный стиль, форменная одежда нивелируется и вскоре становится не вполне понятно, кто именно перед тобой [19, с. 152, 179]. Это касалось не только военных. «Проходит перед моими окнами с красным флагом сельское население на «митинг», одеты они так, будто вот сейчас разграбили какой-то город и надели на себя кто что смог утащить: один в крестьянских сапогах и в сюртуке, другой надел на голову цилиндр, девушки в шляпах», - пишет о крестьянах своей деревни М. Пришвин [10, с. 96]. А вот как описывает митинг домашней прислуги Ф. Харпер: «Это были самые разные женщины, сходные только в одном – все они носили цветные

чулки. Излюбленным оттенком был пурпурный. Следом за ним шел электрик. На одной пожилой даме были чулки в разноцветную полоску, изумрудно-зеленую и ярко-красную. Простые черные или белые чулки не носила ни одна из женщин, которых я видела» [42, с. 163].

Дополняли празднично-балаганное представление и всевозможные шумовые эффекты революции: скандирование, фейерверки, стрельба.

Важным признаком праздника является расточительство. Плодородие рождается из неумеренности – таков главный императив всех архаических праздников. «Сбережение, накопление, мера характеризуют собой ритм профанной жизни, а расточительство и неумеренность – ритм праздника, этой экзальтированно-сакральной жизни, которая прерывает ход обычной жизни и сообщает ей юность и здоровье» [17, с. 238]. В архаических обществах месяцы тратились на то, чтобы скопить припасы, которые беспощадно транжирились в течение праздника. Неразрывно с праздником связано и употребление опьяняющих веществ, которые стимулировали «неправильное» праздничное поведение, а также мобилизовали творческую энергию, необходимую для обновления мира [4, с. 249].

Признаки непомерного расточительства демонстрирует и Февральская революция. Грабежи и погромы продуктовых и винных лавок были легитимизированы революцией. Революционные массы не считали это преступлением, напротив, это стало признаком проявления истиной революционности. Повсеместно в городах создавались питательные пункты, где раздавали по большей части реквизированные продукты питания. Когда еще, как ни в дни мартовской революции можно было бесплатно отведать на улице жареного гуся или колбасу? [2, с. 50]. Солдаты же рассудили, что революция даровала им право бесплатного проезда в общественном транспорте [21, с. 35].

О случаях массового пьянства в 1917 г. написано много. Хотя русский народ и раньше не отличался трезвостью, с началом революции массовое пьянство, погромы винных складов и заводов принимают беспрецедентные масштабы [7, с. 229, 248–249, 250–252; 8, с. 300–301; 16, с. 104; 21, с. 96; 44, с. 276, 284]. Появляется даже выражение «напиться по-революционному» [7, с. 250]. Солдаты напрямую ассоциируют безудержное пьянство со свободной жизнью [8, с. 302–303].

Особое сакральное место в архаическом празднике занимают сексуальные оргии. Их смысл также в том, чтобы вернуть общину в докосмогоническое состояние хаоса, из которого будет сотворена новая плодородная жизнь [17, с. 236; 47, с. 216–217].

Половые акты, совершаемые на улицах на глазах у гогочущей толпы – один из признаков февральско-мартовских дней 1917 г. Проститутка же обретает статус мученицы, угнетенной старым режимом [6, с. 215–216]. Как только доктрина «все люди равны» достигла фронта, это немедленно вылилось в массовые сексуальные домогательства солдат к медсестрам. Многие медсестры против этого не возражали, свидетельствует с Западного фронта Ф. Харпер [42, с. 86–90, 103, 123].

Праздник – это время хаоса, где все переворачивается «с ног на голову». Все, что в обыденной жизни выглядит однозначным и незыблемым, во время праздника теряет свое значение или обретает противоположное. Революция являет собой именно такое время. В театрах и вузах шли бесконечные политические митинги, учебные помещения вузов использовались под общежития и столовые для солдат, склады оружия, санчасти для жертв революции. Вообще признаком времени становится самовольный захват чужих помещений [21, с. 32; 34, с. 130–132]. Из тюрем выпущены все заключенные, включая уголовников, а там, где они сохранились, были сломаны замки, а заключенные занимаются самоуправлением и вместе со своими конвоирами организуют собственные митинги в поддержку революции [19, с. 35–36].

Люди перестают ходить по тротуарам, предпочитая перемещаться теперь исключительно по мостовой, улицы и общественные места приобрели омерзительно грязный вид. Шелуха от семечек, которой оказалось засыпано буквально все, становится неотъемлемым признаком времени [2, с. 50; 7, с. 227; 9, с. 93–94, 116; 21, с. 31]. Даже штаб новой революционной власти – Таврический дворец буквально за несколько революционных дней превратился в проходной двор. «Везде окурки, грязь, вороха грязной посуды и спитых чайных стаканов. Кое-кто пальцами, без ножей и вилок, на бумажках, ест что-то. Женщина из простых с грохотом собирает посуду. Я помню, как меня поразило, что эта баба, нисколько не стесняясь, через всю комнату крикнула: «Эй, Павел, что кипятилок-то еще будет?» В углу на полу, на разостланном пальто кто-то спал». Такие воспоминания оставил сын бывшего министра И. Л. Горемыкина, без труда проникший в Таврический дворец, вслед за арестованным отцом [11, с. 201].

Повседневная работа несовместима с культурой праздника, поэтому рутиной больше не интересовался никто, ни рабочие, ни студенты, ни дворники, ни прислуга, ни вагоновожатые. Даже пожарные вместо того, чтобы тушить пожар, предпочитали, украсившись красными бантами, пить водку с рабочими и орать революционные песни [10, с. 178]. Поэтому вузы были отданы под митинги, фабрики остановились, трамваи перестали ходить, а города пришли в запустение.

Главное ритуальное действие праздника – нарушение запретов. Российское общество в 1917 г. во-многом напоминает детей, вырвавшихся из-под контроля родителей, когда внезапно становится можно все то, что было запрещено. М. Пришвин приводит характерный случай в трамвае, когда одна женщина из простого сословия подошла к даме интеллигентного вида и пощупала ее вуаль. «Вот как они понимают свободу! – сказала барыня» [30, с. 172]. Поведение крестьян, описанное княжной Грузинской напоминает школьный буллинг. «Мальчишки и даже взрослые входили ежеминутно в дом даже когда помещики обедали, смотрели, что они едят, посмеиваясь над ними, и делали их жизнь невыносимой» [12, с. 353]. Примерно о том же пишет и помещик Д. Путилов: «Крестьянская молодежь при нашем появлении в деревне или просто на дороге часто отпускала обидные и прямо оскорбительные замечания, бывало, вдогонку летели камни» [31, с. 375]. Солдаты в поездах, вовсе не желавшие теперь платить за проезд, лезли именно в те вагоны, в которых им ранее ехать запрещалось [7, с. 223]. Монахини отказывались соблюдать правила монастырского устава, требуя права принимать гостей в позднее время [21, с. 18], и т.д. Бесчисленное множество хулиганских действий толпы, носящих демонстративно противоправный характер перечислить невозможно. Эта ситуация нашла свое отражение и в городском фольклоре, главным романтическим героем которого становится вор, грабитель или убийца, в крайнем случае мелкий жулик или проститутка [32, с. 423].

Связанным с отменой запретов способом разрушения социальной реальности во время праздника является смена социальных ролей. В этой связи нельзя не вспомнить об одном из самых известных праздников в греко-латинской культуре – римских сатурналиях, в честь которых были названы аналогичные праздники у современных европейских народов. Они выглядят как прямой прототип революции и характеризуются всеми вышеперечисленными аспектами массовой разнузданности, но хотелось бы выделить один важный обычай этого праздника. Это свобода, дававшаяся на это время рабам. Раб получал возможность сидеть за столом господина, оскорблять его, напиваться и вообще совершать любые поступки, за которые в обычное время был бы непременно казнен. Господа же, наоборот, не только не имели права попрекать рабов, но и обязаны были им прислуживать. Рабы на время праздника получали возможность распоряжаться господами, могли даже занимать государственные должности и

устанавливали законы. Точно такая же традиция была и на сакейских праздниках в Вавилоне [17, с. 239; 41, с. 648–649].

Смена социальных ролей – главный итог революции. Царские чиновники и жандармы оказались в тюрьме и подверглись всенародному радостному оскорблению и поношению, заключенные же были выпущены из тюрем. Приказ № 1 сделал солдат настоящими хозяевами воинских частей. Помещики были максимально унижены, а крестьяне сделались хозяевами положения в деревне и т.д. Все эти процессы подробно описаны в историографии и общеизвестны. «Кто был ничем, то станет всем» – ключевая мечта революционного праздника, казалось, в полной мере воплощалась в жизнь.

Таким образом, революция имела все черты архетипичного праздника, за исключением одного. Любой праздник, в отличие от революции, имеет четко очерченные границы своего начала и конца. Точное время окончания праздника необходимо, во-первых, за тем, чтобы вовремя вернуть общество к созидательной жизни, ради которой праздник и совершался, а во-вторых потому, что праздник – это всегда эскалация агрессии, которое необходимо в конечном итоге обуздать ради элементарного выживания сообщества. Кульминацией всех архаических праздников является ритуальное жертвоприношение. Одна из важнейших функций жертвы, а согласно Р. Жирару, основная, – аккумуляция на себе всех агрессивных эмоций сообщества. Выплескивая всю накопившуюся агрессию на одну жертву, общество приходит к умиротворению. Поэтому важным требованием к выбору жертвы является ее незащищенность. Чтобы пресечь насилие необходимо, чтобы за жертву некому было мстить, в противном случае ситуация будет чревата кровной местью. Поэтому жертву выбирали среди военнопленных, или оторвавшихся от сообщества королей, иногда из непрощедших инициацию детей, иногда жертва заранее покупалась и проч. [15, с. 75–76, 360; 41, с. 481–482]. Со временем человеческие жертвоприношения были заменены животными, а в высокоразвитых культурах – символами, как сжигание чучела на масленицу или символическое вкушение крови и плоти Христа. Жертвоприношение являлось окончанием праздника, после чего жизнь снова входила в обычное русло.

Однако так бывало не всегда. Были и ситуации «плохо кончившегося праздника», когда праздник приводил не к ожидаемому умиротворению, а, напротив, к дальнейшей эскалации насилия. Р. Жирар приписывает такие ситуации больным обществам, находящимся на стадии разложения. В этом случае в древнем обществе на сцену выходит такая опасная социальная болезнь, как кровная месть. Такие общества, как правило, находятся в состоянии непрерывных войн с соседями, или подвержены внутриобщинным распрям, что приводит к их быстрому распаду и уничтожению [15, с. 167–168].

К осени 1917 г. ситуация в России очень напоминала «плохо кончившийся праздник», и бессознательный поиск «жертвы отпущения» начался именно среди самых на тот момент незащищенных «очкариков», «толстопузых» и прочих чистоплюев. Осенью 1917 г. выйти на улицу в слишком чистой одежде или в очках было небезопасно для жизни. В-сущности, большевики, известные своим виртуозным умением чувствовать и манипулировать настроениями масс, в итоге принесли одну часть общества в жертву другой, однако избежать массового кровопролития не удалось.

Социально-политическая жизнь, безусловно, сложнее мифа, она имеет много граней, в том числе экономического и политического характера. Избежать Гражданской войны было невозможно по целому ряду политических причин. Однако и человек сложнее, чем его рациональная составляющая, поскольку помимо сознания, он имеет чувства и эмоции, а значит носит в себе огромный пласт бессознательного. Что

из этого в наибольшей степени мотивирует поведение людей, и соответственно приводит в движение исторический процесс, большой вопрос. Однако упускать из виду иррациональный аспект истории было бы ошибкой.

Список источников и литературы

1. *Алексеева Е. В.* Архетипы в сценариях праздничной культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. № 4. С. 223–230.
2. *Архипов И. Л.* Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.
3. *Бакулин В. И.* Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 81–95.
4. *Бочаров В. В.* Праздник, харизматическая власть и опьяняющие вещества // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы : XII конгресс антропологов и этнологов России. Москва: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 249.
5. *Бочаров В. В.* Русская празднично-питейная культура и власть (антропологический аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4 (87). С. 178–192.
6. *Булдаков В. П.* Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 208–218.
7. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Москва: РОССПЭН, 2010. 967 с.
8. *Булдаков В. П.* Революционная наркотизация: параметры проблемы // Историческая наука и образование на рубеже веков. Москва: Собрание, 2004. С. 300–313.
9. *Гиппиус З.* Дневники. Москва: Захаров, 2002. 364 с.
10. *Голубинцев С. В.* Февраль – глазами юнкера // Февраль 1917 глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 175–184.
11. *Горемыкин М. И.* 2 марта 1917 г. в Государственной Думе // Февраль 1917 глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 201–209.
12. *Грузинская Н. П.* Записки контрреволюционерки // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 342–371.
13. *Дубровская Е. Ю.* Городское пространство Гельсингфорса глазами российских военных и символический переворот революции 1917 года // Известия Российского Государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 38–51.
14. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода // Февраль 1917 глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 55–70.
15. *Жирар Р.* Насилие и священное. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 448 с.
16. *Ильюхов А. А.* Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 95–107.
17. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. Москва: ОГИ, 2003. 293 с.
18. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Санкт-Петербург: Глаголь, 1994. С. 188–203.
19. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. Санкт-Петербург: Лики России, 2012. 318 с.
20. *Колоницкий Б. И.* Спрос на революцию: политические символы и массовая культура в 1917 г. // Россия в контексте мировой истории : сборник статей. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 331–340.
21. *Коробков Ю. Д.* Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2000. 128 с.

22. *Кэмпбел Дж.* Тысячеликий герой. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 352 с.
23. *Лавик-Гудолл Дж.* В тени человека. Москва: Мир, 1974. 207 с.
24. *Лазарева Л. Н.* Праздник как архетип и архетип в празднике // Культура-искусство-образование: взаимозависимость результатов науки и практики : XXXIII науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава академии. Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2012. Ч. 1. С. 272–277.
25. *Лапишин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Москва: Сов. художник, 1983. 496 с.
26. *Лебон Г.* Психология народов и масс. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 272 с.
27. *Марков И.* Как произошла революция // Февраль глазами очевидцев. Москва: АЙРИС-пресс, 2017. С. 70–115.
28. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Москва: Вече, 2016. 576 с.
29. *Московичи С.* Век толп. Москва: Центр психологии и психотерапии, 2008. 480 с.
30. *Пришвин М.* Революция – это месть за мечту. Из дневника 1917–1918. Санкт-Петербург: Росток, 2018. 407 с.
31. *Путилов Д.* На обломках старого мира. Воспоминания бывшего помещика о положении в деревне в 1918–1919 гг. // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 371–388.
32. *Раку М.* «Музыка революции» в поисках языка // Антропология революции. Москва: Новое лит. обозрение, 2009. С. 400–435.
33. *Реден Н.* Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина 1914–1919. Москва: Центрполиграф, 2006. 286 с.
34. *Сизова А. Ю.* Российская высшая школа в 1917 г.: между самодержавием и большевизмом. Москва: Проспект, 2017. 192 с.
35. *Сорокин П. А.* Долгий путь : автобиографический роман. Сыктывкар: Союз журналистов Коми ССР, 1991. 302 с.
36. *Стайтс Р.* Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Санкт-Петербург: Глаголь, 1994. С. 372–383.
37. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М.: АСТ, 2021. 264 с.
38. *Телицын В. Л.* Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция от новых источников к новому осмыслению. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. С. 143–159.
39. *Топоров В. Н.* Праздник // Мифы народов мира. Т.2. Москва: Сов. энцикл., 1980. Т. 2. С. 329–331.
40. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. 192 с.
41. *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. Москва: Политиздат, 1980. 831 с.
42. *Харпер Ф.* Неудержимая Россия // Россия 1917 года в эго-документах. Записки репортера. Москва: РОССПЭН, 2016. С. 12–242.
43. *Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории, 1997. С. 95–109.
44. *Ходнев Д.* Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 250–293.
45. *Шалыпин Ф.* Маска и душа. Москва: ПРОЗАиК, 2013. 621 с.
46. *Элиаде М.* Аспекты мифа. Москва: Инвест-ППП, 1995. 238 с.
47. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. Москва: REFL-book ; Киев: Ваклер, 1996. 288 с.
48. *Юнг К. Г.* О психологии бессознательного. Москва: Канон, 1994. 317 с.

References

1. Alekseeva, EV 2007, 'Arkhetipy v stsenariyakh prazdnichnoy kul'tury' (Archetypes in holiday culture scenarios), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta (Vestnik of Saint Petersburg University)*, series 6, no 4, pp. 223–228. (in Russ.)
2. Arkhipov, IL 1994, 'Obshchestvennaya psikhologiya petrogradskikh obyvateley v 1917 godu' (Social Psychology of Petrograd Commoners in 1917), *Voprosy istorii (Issues of History)*, no 7, pp. 49–58. (in Russ.)
3. Bakulin, VI 1998, 'Stikhiyno-anarkhicheskiy komponent sobytiy 1917 goda v Vyatskoy gubernii' (Spontaneous anarchic component of the events of 1917 in Vyatka Governorate), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 81–95. (in Russ.)
4. Bocharov, VV 2017, 'Prazdnik, kharizmaticheskaya vlast' i op'yanyayushchiye veshchestva' (Feast, charismatic power and intoxicating substances), *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennye vyzovy. XII kongress antropologov i etnologov Rossii* (Mission of anthropology and ethnology: scientific traditions and contemporary challenges. 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia), Institut etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk publ, Moscow- Izhevsk. (in Russ.)
5. Bocharov, VV 2016, 'Russkaya prazdnichno-piteynaya kul'tura i vlast' (antropologicheskiy aspekt)' (Russian festive drinking culture and power: anthropological perspective), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* (Journal of Sociology and Social Anthropology), vol 19, no 4 (87), pp. 178–192. (in Russ.)
6. Buldakov, VP 1997, 'Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psikhologii "cheloveka s ruzh'em"' (The origins and consequences of a soldier's riot: To the issue of the psychology of a «Man with a rifle»), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. February revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 208–218. (in Russ.)
7. Buldakov, VP 2010, *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* (The Red Cloud: Nature and Consequences of Revolutionary Violence), ROSSPEN publ, Moscow. (in Russ.)
8. Buldakov, VP 2004, 'Revolutsionnaya narkotizatsiya: parametry problem' (Drug revolution: the dimensions of the problem), *Istoricheskaya nauka i obrazovaniye na rubezhe vekov* (Historical science and education at the turn of the century), Sobraniye publ, Moscow, pp. 300–313. (in Russ.)
9. Gippius, Z 2002, *Dnevnik* (Journal), Zakharov publ, Moscow. (in Russ.)
10. Golubintsev, SV 2017, 'Fevral' – glazami yunkera' (February viewed by Junckers), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev* (February 1917 viewed by witnesses), AIRIS-press publ, Moscow, pp. 175–184. (in Russ.)
11. Goremykin, MI 2017, '2 marta 1917 goda v Gosudarstvennoy Dume' (2 March 1917 in the State Duma), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev* (February 1917 viewed by witnesses), AIRIS-press publ, Moscow, pp. 201–209. (in Russ.)
12. Gruzinskaya, NP 1998, 'Zapiski kontrrevolyutsionerki' (Notes of counter-revolutionary), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 342–371. (in Russ.)
13. Dubrovskaya, EYu 2010, 'Gorodskoye prostranstvo Gel'singforsa glazami rossiyskikh voyennykh i simvolicheskiy perevorot revolyutsii 1917 goda' (City space of Helsingfors viewed by Russian militaries and symbolic coup in 1917 revolution), *Izvestiya Rossiyskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* (News of the Russian State Pedagogical University) № 124, Saint Petersburg. pp. 38–51. (in Russ.)
14. Zhevakhov, ND 2017, 'Vospominaniya tovarishcha ober-prokurora Sv. Sinoda' (Memoirs of the Deputy Head of St. Synod), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev* (February 1917 viewed by witnesses), AIRIS-press publ, Moscow, pp. 55–70. (in Russ.)

15. Zhirar, R 2000, *Nasiliye i svyashchennoye* (Violence and the Sacred), Novoye literaturnoye obozreniye publ, Moscow. (in Russ.)
16. Il'yukhov, AA 1998, 'Rol' soldat v revolyutsii 1917 g., ili kto "delal" revolyutsiyu v Smolenskoj gubernii' (Role of soldiers in the 1917 Revolution, or who "made" revolution in Smolensk province), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 95–107. (in Russ.)
17. Caillois, R 2003, *Mifi chelovek. Chelovek i sakral'noye* (Myth and Man. Man and Sacred), OGI publ, Moscow. (in Russ.)
18. Kolonitskiy, BI 1994, 'Antiburzhuaznaya propaganda i "antiburzhuyskoye" soznaniye' (Anti-bourgeois propaganda and «anti-bourgeois» consciousness), *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* (Anatomy of the Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power), Glagol publ, Saint Petersburg, pp. 188–203. (in Russ.)
19. Kolonitskiy, BI 2012, *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* (Symbols of Power and the Struggle for Power: To Study the Political Culture of the Russian Revolution 1917), Liki Rossii publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
20. Kolonitskiy, BI 2002, 'Spros na revolyutsiyu: politicheskiye simvoly i massovaya kul'tura v 1917 godu' (Demand for revolution: political symbols and popular culture in 1917), *Rossiya v kontekste mirovoy istorii* (Russia in the context of world history), Nauka publ, Saint Petersburg, pp. 331–340. (in Russ.)
21. Korobkov, IuD 2000, *Mezhdu dvuglavyim orlom i krasnym znamenem. Obshchestvennoye soznaniye rossiyskogo obshchestva v 1917 godu* (Between the two-headed eagle and the red flag. The public consciousness of Russian society in 1917), Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta publ, Magnitogorsk. (in Russ.)
22. Campbell, J 2018, *Tysyachelikiy geroy* (The Hero with a Thousand Faces), Piter publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
23. Lawick-Goodall, J 1974, *V teni cheloveka* (In the Shadow of Man), Mir publ, Moscow. (in Russ.)
24. Lazareva, LN 2012, 'Prazdnik kak arkhetyip i arkhetyip v prazdnike' (A Feast like an archetype and an archetype in a feast), *Kul'tura-iskusstvo-obrazovaniye: vzaimozavisimost' rezul'tatov nauki i praktiki. Chast' 1* (Cultural-artistic education: interdependence of science and practice. Part 1), Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv publ, Chelyabinsk. (in Russ.)
25. Lapshin, VP 1983, *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvyy i Petrograda v 1917 godu* (Art life in Moscow and Petrograd in 1917), Sovetskiy khudozhnik publ, Moscow. (in Russ.)
26. Lebon, G 2008, *Psikhologiya narodov i mass* (The Psychology of Peoples и The Crowd), TERRA-Knizhnyy klub publ, Moscow. (in Russ.)
27. Markov, I 2017, 'Kak proizoshla revolyutsiya' (How there was a revolution), *Fevral' 1917 glazami ochevidtsev* (February 1917 viewed by witnesses), AIRIS-press publ, Moscow, pp. 70–115. (in Russ.)
28. Mel'gunov, SP 2016, *Martovskiye dni 1917 goda* (March days in 1917), Veche publ, Moscow. (in Russ.)
29. Moskovichi, S 2008, *Vek tolpy* (The Age of the Crowd), Tsentr psikhologii i psikhoterapii publ, Moscow. (in Russ.)
30. Prishvin, M 2018, *Revolutsiya – eto mest' za mechtu. Iz dnevnika 1917–1918* (The revolution is revenge for a dream. From the journal 1917–1918), Rostok publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
31. Putilov, D 1998, 'Na oblomkakh starogo mira. Vospominaniya byvshego pomeshchika o polozhenii v derevne v 1918–1919 godov' (On the wreckage of the old world. Former landowner's memories of the village in 1918–1919), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii, Moscow, pp. 371–388. (in Russ.)
32. Raku, M 2009, '"Muzyka revolyutsii" v poiskakh yazyka («Music of the Revolution» in search of language), *Antropologiya revolyutsii* (Anthropology of revolution), Novoye literaturnoye obozreniye publ, Moscow, pp. 400–435. (in Russ.)

33. Reden, N 2006, *Skvoz' ad russkoy revolyutsii. Vospominaniya gardemarina 1914–1919* (Through the Hell of the Russian Revolution. Memories of the midshipman 1914–1919), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (in Russ.)
34. Sizova, AYu 2017, *Rossiyskaya vysshaya shkola v 1917 godu: mezhdru samoderzhaviyem i bol'shevizmom* (Russian Higher School in 1917: between autocracy and Bolshevism), Prospekt publ, Moscow. (in Russ.)
35. Sorokin, PA 1991, *Dolgiy put': Avtobiograficheskiy roman* (The Long Journey: Autobiographical Novel), Soyuz zhurnalistov Komi SSR publ, Syktyvkar. (in Russ.)
36. Staits, R 1994, *Russkaya revolyutsionnaya kul'tura i yeye mesto v istorii kul'turnykh revolyutsiy* (Russian revolutionary culture and its place in the history of cultural revolutions), *Anatomiia revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* (Anatomy of the Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power), Glagol publ, Saint Petersburg, pp. 372–383. (in Russ.)
37. Tard, G 2021, *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* (The crowd and the public), AST publ, Moscow. (in Russ.)
38. Telitsyn, VL 1998, *Oktyabr' 1917 goda i krest'yanstvo: povedencheskiy imperativ i khozyaystvennaya obuslovlennost'* (October 1917 and peasantry: behavioural imperative and economic conditionality), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. October's revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 143–159. (in Russ.)
39. Toporov, VN 1980, 'Prazdnik' (Feast), *Mify narodov mira* (Myths of nations of the world), Sovetskaya entsiklopediya publ, Moscow, pp. 329–331. (in Russ.)
40. Freud, S 2008, *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo 'Ya'* (Group Psychology and the Analysis of the Self), Izdatel'skiy dom 'Azbuka-klassika' publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
41. Frazer, JG 1980, *Zolotaya vetv'* (The Golden Bough), Izdatel'stvo politicheskoy literatury publ, Moscow. (in Russ.)
42. Harper, F 2016, 'Neuderzhimaya Rossiya' (Runaway Russia), *Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh. Zapiski reportera* (Russia 1917 in ego-documents. Reporter's notes), ROSSPEN publ, Moscow, pp. 12–242. (in Russ.)
43. Khasegava, Ts 1997, *Fevral'skaya revolyutsiya: konsensus issledovateley?* (February Revolution: the consensus of researchers?), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. February revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 95–109. (in Russ.)
44. Khodnev, D 1997, 'Fevral'skaya revolyutsiya i zapasnoy batal'on leyb-gvardii Finlyandskogo polka' (February Revolution and Reserve Battalion of the Finnish Guard), *1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu* (1917 in the fate of Russia and the world. February revolution from new sources to new thinking), Institut rossiyskoy istorii publ, Moscow, pp. 250–293. (in Russ.)
45. Shalyapin, F 2013, *Maska i dusha* (Mask and soul), PROZAIK publ, Moscow. (in Russ.)
46. Eliade, M 1995, *Aspekty mifa* (Aspects of the myth), Invest-PPP publ, Moscow. (in Russ.)
47. Eliade, M 1996, *Mify, snovideniia, misterii* (Myths, Dreams and Mysteries), REFL-book publ, Vakler publ, Moscow. (in Russ.)
48. Jung, CG 1994, *O psikhologii bessoznatel'nogo* (Psychology of the Unconscious), Kanon, Moscow. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 17.01.2022
Одобрена после рецензирования: 04.02.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 17.01.2022
Approved after reviewing: 04.02.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Научная статья

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>

«КАЖДУЮ НОЧЬ НАДО БЫЛО ИДТИ К ТРЕМ СЛЕДОВАТЕЛЯМ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ...»: МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ФИЛЬТРАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН 1941 – 1953 ГГ.

***Никита Сергеевич
Курганов***

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, nkurganov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности воспоминаний о фильтрации советских граждан с 1941 по 1953 гг. как исторического источника и репрезентация процесса проверки в зависимости от времени и обстоятельств их появления. Выявлены основные черты мемуаров и интервью, записанных и опубликованных в различные периоды отечественной истории, а также характеристики их авторов в зависимости от персональной судьбы, политических убеждений и возраста. Проанализированы взаимоотношения между вернувшимися из немецкой неволи советскими гражданами между собой в зависимости от судьбы во время пребывания на территории противника, служащими лагерей, а также с простыми советскими гражданами. Определены важнейшие ситуации и события, повлиявшие как на жизнь репатриантов непосредственно во время пребывания в фильтрационных учреждениях, так и в последующие периоды, среди которых имидж спецслужб, основанный на методах ведения допроса (который мог включать в себя психологическое и даже физическое насилие, пытки) и жесткости режима содержания, различные слухи, бытовые условия, досуг (организованные как самим контингентом во время проверки, так и представителями советской администрации), формы труда и профессии советских граждан во время проверки, признание заслуг в ходе Великой Отечественной войны. Выявлены характерные умонастроения и мнения как репатриантов различных категорий, так и некоторых сотрудников спецслужб, занимавшихся фильтрацией. Сделан вывод, что воспоминания являются важным источником о процессе фильтрации, вследствие включения важных компонентов, составляющих повседневность прохождения государственной проверки, но, по различным причинам, отсутствующим в делопроизводственной документации.

Ключевые слова: государственная проверка, Великая Отечественная война, военнопленные, коллаборационизм, репатриация.

Для цитирования: Курганов Н. С. «Каждую ночь надо было идти к трем следователям по отдельности...»: мемуарные источники о фильтрации советских граждан 1941 – 1953 гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 55–65. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>.

Сведения об авторе: Н. С. Курганов – студент факультета истории и права, Тульский государственный педагогический университет, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 94(47).084.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>

“EVERY NIGHT I HAD TO GO TO THREE INVESTIGATORS SEPARATELY...”: MEMOIRS ABOUT THE FILTRATION OF SOVIET CITIZENS IN 1941 – 1953

Nikita S. Kurganov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, nkurganov@mail.ru

Abstract. The article deals with the features of memories of the filtration of Soviet citizens during the period of 1941 till 1953 as a historical source and a representation of the verification process depending on the time and circumstances of their appearance. The article reveals the main features of memoirs and interviews recorded and published in different periods of Russian history, as well as the characteristics of their authors depending on personal fate, political beliefs and age. The article analyzes the relationship between Soviet citizens who returned from German captivity, depending on the fate during their stay in the territory of the opponents, between themselves, with the employees of the camps, as well as with the ordinary Soviet citizens. The author identifies the most important situations and events that influenced both the lives of repatriates directly during their stay in filtration institutions and in subsequent periods. They include the image of the special services based on the methods of interrogation (which could include psychological and even physical violence, torture) and the rigidity of the detention regime, various rumors, living conditions, leisure (organized both by the contingent during the check and by the representatives of the Soviet administration), forms of work and professions of Soviet citizens during the check, recognition of merits during the Great Patriotic War. The work reveals characteristic mindsets and opinions of both repatriates of various categories, as well as some employees of the special services involved in filtering. The author concludes that memories are an important source of information about the filtering process. They include the important components that make up the daily routine of passing the state screening, but for various reasons, that are missing from the clerical documentation.

Keywords: state screening, the Great Patriotic War, prisoners of war, collaborationism, repatriation.

For citation: Kurganov, NS 2022, “Every night I had to go to three investigators separately...”: memoirs about the filtration of Soviet citizens in 1941 – 1953’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 55–65, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-55-65>. (in Russ.)

Information about the Author: *Nikita S. Kurganov* – Student of the Faculty of Russian Philology and Documentary, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

© Kurganov N. S., 2022

Введение

Актуальность исследования определяется высоким интересом исследователей и любителей истории Великой Отечественной войны к судьбам советских военнослужащих, побывавших в плену или в окружении, а также репатриантов из числа гражданских лиц после освобождения и возвращения на подконтрольную Советскому Союзу во время прохождения государственной проверки (филтрации) с целью выявления и последующих изоляции и наказания шпионов (завербованных как нацистами, так и западными союзниками), дезертиров, военных преступников, коллаборационистов, а также тех, чье мировоззрение и политические взгляды в результате жизни без бдительного контроля со стороны политических и контрразведывательных органов изменились [1, с. 207].

Важным историческим источником о процессе филтрации являются воспоминания тех, кто проходил проверку, а также персонала лагерей. Изучение мемуаров дает возможность рассмотреть события и явления, которые могли быть зачастую не отражены в документации: взаимоотношения со следователями и другими репатриантами, применяемые методы допроса, условия труда и жизни, в том числе практики для обеспечения благосостояния, досуг тех, кто оказался в таких лагерях, их подлинные умонастроения, отношение к происходящему, слухи, курсировавшие среди контингента, различные происшествия и ситуации.

Воспоминания являются крайне субъективным источником, мнение автора воспоминаний зачастую вытекает из личного опыта, включающего в себя как события, происходившие в течение всей жизни, так и непосредственно в процессе филтрации. Трудности и лишения, плохие бытовые условия, негативное отношение со стороны отдельных чиновников и государства, а также репрессии, примененные к мемуаристу, его близким, а также тем, кого он уважал, в целом могли предопределить отрицательное отношение как к советскому государству и его отношению к репатриантам в общем, так и процессу филтрации в частности.

Целью данной работы является выявление главных особенностей отражения процесса филтрации в мемуарах и интервью, записанных и опубликованных в разные эпохи периоды отечественной истории, а также определение и анализ наиболее характерных для режима содержания контингента в ходе проверки черт, включающих в себя личное отношение к различным ситуациям и явлениям, происшествия, взаимоотношения, в том числе с сотрудниками спецслужб, методы ведения следствия, прохождения допросов, и иные компоненты, составляющих повседневность прохождения государственной проверки.

Метод

При достижении поставленной цели был использован историко-типологический метод, посредством которого выделен ряд однородных групп мемуарных источников в зависимости от места и времени появления, а также судьбы и роли автора в процессе филтрации. Для изучения особенностей повседневных практик государственной проверки выявлены различные виды событий, в которых могли оказаться репатрианты.

Был использован также историко-сравнительный метод, заключающийся в сопоставлении мнений, основанных на персональном опыте, различных людей в одинаковых ситуациях, возникавших в ходе процесса филтрации, а также сравнений воспоминаний, записанные в различные периоды и, следовательно, мемуаристами в разном возрасте.

Применение историко-генетического метода обусловлено необходимостью рассмотрения истории появления и записи личных свидетельств о государственной проверке в различные исторические эпохи, начиная с послевоенного времени.

Анализ

В сталинский период публикация воспоминаний о государственной проверке была невозможна. Существовали попытки тщательного скрывания фактов массовой проверки репатриантов, а, следовательно, и важных деталей фильтрации, в том числе и произвола: проверявшихся заставляли давать подписку о неразглашении всего услышанного и увиденного [2, с. 268]. Опасаясь репрессий, бывшие пленные предпочитали молчать о своем жизненном пути.

Про свой опыт фильтрации могли рассказать бывшие военнопленные из числа эмигрантов-невозвращенцев. Например, некоторые перемещенные лица в ходе интервьюирования в рамках Гарвардского проекта по советской социальной системе сообщали сведения о ходе государственной проверки, обращая внимание, прежде всего, на принуждение и жестокое отношение со стороны спецслужб. Особенностью данных сведений являются относительно молодой возраст участников событий, который предопределял насыщенность воспоминаний деталями, относительная близость к событиям, что способствовало отсутствию глубокой рефлексии, а также негативный опыт респондентов, что формировало, как правило, антисоветские взгляды.

В период «оттепели» появился ряд публикаций, косвенно поднимавших тему личного опыта репатриантов, прошедших фильтрацию, среди которых важное место занимала книга С. С. Смирнова «Брестская крепость». Тем не менее, государственной проверке практически не уделялось внимание, например, при составлявшемся по итогу непосредственных бесед описании судьбы Героя Советского Союза П. М. Гаврилова лишь коротко сказано об успешной проверке [3, с. 145]. При этом многие воспоминания не содержали в себе упоминания фильтрации вообще или же заканчивались на прибытии в СССР, так как проверка воспринималась цензорами как слишком негативное явление [4].

Лишь немногие воспоминания бывших узников нацизма, вышедшие в советские годы, включали какие-либо детальные описания фильтрации. Например, моряк-артиллерист А.Н. Белов, находившийся в плену с 1941 по 1944 год, оставил мемуары «Три года в лагерях смерти», вышедшие в 1961 году, где, в том числе, содержится описание фильтрации.

Некоторые ветераны описывали свой жизненный путь на бумаге, руководствуясь стремлением освободить память от тягостных воспоминаний, а также сохранить свою историю для самых близких людей, без расчета когда-либо опубликовать мемуары для широкой общественности. Например, В. Н. Вахромеев, бывший военнопленный, бежавший из немецкого лагеря в Швейцарию, а затем репатриированный в СССР, во время тяжелой болезни по совету жены стал записывать воспоминания в 1970-е годы [5, с. 7]. Особенностью данных воспоминаний является их насыщенность подробностями, а также попытка осмыслить произошедшее в тяжелый период жизни.

С конца 1980-х годов появилась возможность свободно обсуждать многие ранее табуированные темы, в том числе фильтрацию советских перемещенных лиц.

В современный период появилось большое количество публикаций воспоминаний прошедших фильтрацию, как в форме отдельных книг, так и записей интервью. Появились мемуары коллаборационистов, которые после государственной проверки, были либо сосланы, либо осуждены. Нетипичный взгляд на данные события, позволяющий понять мотивы, действия, а также трудности организации фильтрационных мероприятий, содержится в воспоминаниях служащих фильтрационных лагерей.

К сожалению, многие мемуары и интервью записывались в тот момент, когда участники событий были уже в преклонном возрасте, а потому, несмотря на возмож-

ность излагать действительно свободно, многие детали были забыты, а также последующие годы определили наличие анахронизмов и целого ряда фактических ошибок, неточностей.

В период войны условия боевых действий не всегда позволяли обеспечить проведение государственной проверки на должном качественном уровне. Например, будущий Герой Советского Союза С. М. Крамаренко после плена не столкнулся с сотрудниками спецслужб вообще [6, с. 13].

Боевые действия также могли способствовать не только безразличию, но и повышению уровня жестокости и произвола. Анонимный бывший военнопленный красноармеец, бежавший из лагеря и добравшийся до родного населенного пункта, вспоминал об избиениях после прихода Красной Армии [7, с. 45].

Перед началом государственной проверки настроения репатриантов, не имевших точных сведений о собственном будущем варьировались от уверенности и мечты скорее вернуться домой до полной неопределенности и даже опасений. Бывший военнопленный Ю. В. Владимиров вспоминал ощущение неуверенности и беспокойства за благополучное возвращение домой и дальнейшую жизнь [8, с. 436]. У В. Н. Вахромеева репатриация вызвала воодушевление и восторг [5, с. 217]. Были и те, кто в момент возвращения испытывал страх перед репрессиями и неприятием общества [9].

Беспокойство репатриантов о дальнейшей судьбе подогревалось оскорблениями и угрозами со стороны советских граждан. Ю. В. Владимиров вспоминал гневную реплику, услышанную от случайно советского военнослужащего: «...вы – сволочи! Отсиделись у немцев в плену, а мы кровь свою проливали! Вот вам покажут дома на лесоповалах Сибири и в рудниках, кто вы такие!». После этого, политработник разрядил обстановку [8, с. 438].

Особое волнение вызывало желание как можно быстрее увидится с родными. В ряде случаев была возможность написать письмо без указания обратного адреса. Зачастую же в условиях проверки не всегда можно было отправить даже весточку. В. Н. Вахромеев также вспоминал о том, что некоторые встречи с членами семьи могли проходить нелегально [5, с. 220].

Процесс фильтрации прежде всего опирался на допрос, который предполагал ответы на вопросы, четко зафиксированные в протоколах. Результатом такой проверки в случае компетентности сотрудников могли быть важные сведения о ситуации на территории противника в целом. А. Н. Белов вспоминал о ходе подобного детального допроса [10, с. 163–164].

Положительное мнение автора о деятельности проверяющих обусловлено как уважительным отношением, так и демонстрацией эффективности работы спецслужб, успешным прохождением фильтрации мемуаристом и его товарищами.

При тщательной проверке, осуществленной компетентными сотрудниками, могла быть восстановлена справедливость, а также появлялись условия для складывания положительного имиджа соответствующих органов. Герой Советского Союза летчик-штурмовик С. А. Купцов вспоминал с восхищением о работе спецслужб [11].

Исход фильтрации мог напрямую зависеть от личного отношения сотрудника, которое определялось его мировоззрением и характером. Казак-коллаборационист В. Г. Пивоваров вспоминал, что пройти первоначальную проверку относительно успешно ему помог неизвестный советский полковник, узнавший о месте рождения пособника, и, возможно, являвшийся его земляком. Офицер помог добыть гражданскую одежду и дал рекомендации, каким образом можно обмануть и разжалобить проверяющих: «Иду дальше, гляжу – за столом чекистня сидит. «Где служил?» «Да нигде не служил, в обозе я хны, хны, хны, да копал хны, хны, хны...» «А чего хромаешь?» «Да это американцы с самолёта хны, хны, хны». «А чего плаксивый такой?»».

Так ведь: «хны, хны, хны...» «Иди на ... отсюда!» И полковник тот, смотрю, тоже подходит: «А ну вали, пока палкой не схлопотал!» Спас он меня тогда» [11]. Проверка послевоенные годы позволила выяснить истинные обстоятельства службы В. Г. Пивоварова (непосредственное участие в боевых действиях, награды от нацистов), а потому было вынесено более суровое наказание.

В ходе следствия часто применялись самые жесткие методы допросов, когда проверяемым в том числе задавались вопросы, явно нарушавшие презумпцию невиновности, или даже применялось психологическое насилие, а также методы физического воздействия – пытки.

Во время проверки представители органов стремились лишить репатриантов комфорта, выбирая самое неудобное время для взаимодействия, требовали многократно повторять одни и те же сведения, стремясь найти противоречия в рассказе. Бывший военнопленный В. Н. Нестеров вспоминал: «Допросы вели только по ночам, и каждый раз разные следователи... Каждую ночь надо было идти к трем следователям по отдельности. Потом все трое суммируют, что этому сказал, что этому сказал, - и потом они уже "общий знаменатель" находят» [12]. Тем не менее, в данном случае наиболее вопиющие нарушения прав человека отсутствовали: «Нет, кулаком об стол не были. Если сравнить, как было в Германии, то это день и ночь. Может, тем, кто врал и "давали перца", не знаю. Мне было скрывать нечего, я сказал, как было дело, - и так до конца и лупил» [12].

Проверка могла быть тщательной и быть основана на анализе как показаний, так и различных документов. М. И. Лукинов вспоминал о таком подходе [13].

Бывший военнопленный летчик-штурмовик В.И. Беликин, вспоминая, возмущался провокационным вопросом: «У нас был «смерш». Отличный человек. Но и он тоже спрашивал: «Почему ты не застрелился?» А я ему говорю (я же его хорошо знал): «А чего ты такие глупые вопросы задаёшь? Я же всё-таки пользу принёс. А если бы я застрелился?! Вот у меня написано в моём офицерском личном деле в Министерстве обороны: сколько я после своего пленения уничтожил фашистов! Вот почему я не застрелился. Чтобы помочь своей Родине, где бы я ни находился» [14].

Предвзятое и негативное отношение, заключающееся в обесценивании действий, могло исходить и от тех, кто должен был вести агитационную работу, что вызывало возмущение. Вместе с тем репатрианты зачастую со смехом относились к громким заявлениям [13].

В ходе проверки презрительное отношение к репатриантам могло проявиться в отдельных, но показательных действиях сотрудников спецслужб. В. Н. Вахромеев вспоминал: «На прощание командир (французского) партизанского отряда передал нам красное знамя, отбитое у немцев в бою... Забегая вперед, хочу сказать, что я видел это знамя, постеленное на столе у следователя НКВД в Сталине на госпроверке. Как это было обидно! Сколько крови и жизней отдано за этот кусок бархата... А теперь оно служит скатертью какому-то безумному лейтенанту, не нюхавшему пороха» [5, с. 210].

Характерно, что риторика спецслужб во время фильтрации вызывала у бывших военнопленных, которые действительно участвовали в боевых действиях в тяжелейшие периоды войны, неприязнь и презрение, основанную на службе вдали от передовой тех, кто требовал исключительного самопожертвования.

Особое подозрение вызывали те, кто побывал под влиянием вооруженных сил или спецслужб западных стран. Существовали опасения, что такие репатрианты могут быть завербованы для вредительской деятельности, а также могли пропагандировать «американскую демократию» [1, с. 208]. Подобные подозрения, несмотря на негативное отношение к жестокостям и несправедливостям проверки, высказал в своих воспоминаниях сотрудник фильтрационного лагеря Ю. Р. Пореш [16].

В. Н. Вахромеев, находившийся в Швейцарии после побега из нацистского лагеря, вспоминал особое подозрение к нему в связи с этим, а также незнание сотрудниками спецслужб о статусе и географическом положении данной страны [5, с. 219].

Ю. Р. Пореш вспоминал о некоторых категориях проверяемых, которые подвергались явной дискриминации вследствие недоверия к ним. Среди этих людей были герои французского Сопротивления из числа бежавший советских военнопленных, а также чудом уцелевшие евреи. В конечном счете, это вызвало неприязнь к фильтрационным мероприятиям и желании скорее покинуть данную службу [16].

Бывший боец партизанского отряда «Красный Сталинград», действовавшего в Аджимушкайских каменоломнях Д. С. Блохин вспоминал о пытках, которые применялись к нему с целью выбить признание в сотрудничестве с нацистами [16].

Побои применялись и в качестве наказания, о чем вспоминал М. И. Лукинов [15].

Одним из последствий ведения проверки репатриантов провокационными методами в свою очередь являлись самые разнообразные негативные слухи о политике советской власти, которые курсировали затем долгие годы. Н. Ф. Нестеров вспоминал: «Мы тоже по-сталински назывались изменниками Родины. Сталин сказал: "У меня нет пленных, у меня есть только изменники Родины"» [13]. Д. С. Блохин после реабилитации также пытался выяснить истоки жестокого отношения, а потому собирал любые сведения, в том числе и слухи [16].

Режим содержания во время фильтрации в воинских подразделениях отличался жесткой дисциплиной, а также дополнительными мерами по наблюдению, с целью не допустить самовольного ухода. Ю. В. Владимиров вспоминал о суровом режиме в течение всего дня [8, с. 436].

Казарменная жизнь отличалась скукой и рутинной. Ю. В. Владимиров вспоминал об однообразии, вгонявшем в уныние, изо дня в день [8, с. 433]. В. Н. Вахромеев также страдал от тоски [5, с. 219].

В ПФЛ условия содержания были близки к местам заключения или лагерям военнопленных, что возмущало В. Н. Вахрамеева [5, с. 218].

Лагерный режим, колючая проволока, конвоиры с собаками вызывали у бывших военнопленных ощущение, что они снова оказались узниками. В. Н. Вахрамеев вспоминал о своих ощущениях: «Мы поняли, что, вернувшись домой, здесь вновь стали арестантами» [5, с. 218].

В фильтрационных лагерях военнопленные, сохранившие верности присяге, и коллаборационисты, в том числе носители антисоветских взглядов содержались вместе. В таких условиях были неизбежны конфликты. В. Н. Вахромеев вспоминал о столкновениях с украинскими националистами [5, с. 219].

Вместе с тем, поведение репатриантов также отличалось высоким уровнем реактивности, которая ярче всего проявлялась в зачастую необдуманном использовании стрелкового оружия. Вероятность подобных действий вызывала у сотрудников фильтрационных лагерей серьезные опасения [16]. Репатриант В. Н. Вахромеев также вспоминал об использовании оружия в состоянии эйфории во время возвращения [5, с. 217]. В конечном счете, репатрианты были разоружены практически сразу же после прибытия.

Сотрудники спецслужб также стремились не допустить того, чтобы с территории других стран были привезены различные объекты, бытование которых в СССР было под запретом, например, порнографические открытки [18].

Существование в период проверки, когда многие репатрианты сталкивались со страхом неопределенности, требовало с целью поддержания порядка и пресечения какого-либо протеста определенного преодоления путем организации досуга и веде-

ния культмассовой работы. Ярким проявлением этого стала самодеятельность, в частности театральные постановки и художественное чтение. О курьезном случае, который также свидетельствует о недоверии к репатриантам, вспоминал Н. Ф. Нестеров: «Был такой момент: я играл роль немецкого офицера, потому что я мог делать акцент, - я ведь фактически не чисто русский. И старший политрук, который заведовал культмассовой работой, дал мне свой пистолет. А комиссар лагеря сидел во втором ряду, у самой сцены. Он смотрит, что у меня настоящий наган в руках, – и вот он с места соскакивает, прыгает на сцену, хватает меня за руку и отбирает наган. "Продолжайте дальше!" Постановка шла дальше, - но этот наган он у меня отобрал, а политрука сняли с работы» [13].

Были распространены, особенно еще на территории Европы, и самостоятельно организованные развлечения, такие как демонстрация простых фокусов [15].

При скоплении людей, которым являлись фильтрационные лагеря и специальные воинские подразделения, а также при перемещении репатриантов особое значение приобретали вопросы гигиены с целью профилактики различных заболеваний, прежде всего, вшей. Ю. В. Владимиров вспоминал об установленных условиях: «В конце коридора находились умывальник с действующим водопроводом и туалетная комната... Один раз нам дали помыться в душе и устроили прожарку одежды от вшей» [8, с. 252].

Воспоминания содержат ценные сведения о блюдах, составлявших питание, и отношении к имеющемуся рациону со стороны репатриантов. Несмотря на явную скудность и однообразие пищи, бывшие военнопленные, прошедшие голод в нацистских лагерях, были рады и этому [13]. Тем не менее, многие репатрианты находились в состоянии дискомфорта вследствие недоедания и даже голода, что отметил в воспоминаниях Ю. В. Владимиров [8, с. 445].

Для удовлетворения потребности в курении выдавали махорку, но бумагу приходилось как-либо образом добывать [8, с. 436].

Репатрианты в период фильтрации приняли участие в восстановлении страны после войны, являясь по существу бесплатной или дешевой рабочей силой на самых тяжелых работах таких как, например, строительство, добыча угля в шахтах, разгрузка кораблей. Государство было крайне заинтересовано в рабочих руках в условиях разрухи, причем, чтобы повысить производительность труда, было готово к материальному стимулированию, которое, однако, могло насаждаться посредством принуждения. Шофер при советской миссии в Италии Н. Воронов вспоминал, что даже бывшим коллаборационистам сначала добровольно предлагали подписать многолетний контракт для отправки на работу на Урал, а в случае отказа жестоко избивали [7, с. 252]. Нахождение под подозрением определяло принудительный характер труда. Работать приходилось с огромными затратами сил, а также с нарушением техники безопасности, о чем вспоминал М. И. Лукинов [15].

Заключение

Воспоминания репатриантов, а также тех, кто проходил службу в учреждениях для проверки, являются важным источником о процессе фильтрации.

Главными особенностями отражения процесса фильтрации в мемуарах и интервью является высокий уровень субъективности, обусловленный личным опытом, который определял дальнейшую судьбу, возраст мемуариста на момент написания воспоминаний, а также обстоятельства записи: мотивы автора, господствующие в обществе политические веяния, влияющие на содержание.

Воспоминания также содержат ценные сведения о личном мироощущении в различных ситуациях и явлениях, а также описания происшествий, взаимоотношений, в том

числе с сотрудниками спецслужб, методах ведения следствия, прежде всего применение физического насилия, прохождения допросов, и иных компонентов, составляющих повседневность государственной проверки.

Список источников и литературы

1. *Земсков В. Н.* Сталин и народ: почему не было восстания. М.: Родина, 2018. 240 с.
2. *Бичехвост А. Ф.* К истории создания специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для советских военнопленных и организации в них «государственной проверки» // История пенитенциарной системы в России в 20 веке : сб. матер. междунар. науч. сем. Вологда: Вологод. ин-т права и экономики, 2007. С. 255–277.
3. *Смирнов С. С.* Брестская крепость. М.: Дет. лит., 1969. 384 с.
4. *Литвиненко С. Н.* Завещаю непримиримость: (Свидетельство человека, пережившего свою смерть) / лит. запись И. Минутко. Тула: Приок. кн. изд-во, 1965. 48 с.
5. *Вахромеев В. Н.* Выжить и вернуться : одиссея советского военнопленного, 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2011. 223 с. (На линии фронта. Правда о войне).
6. *Зиновьев М. В.* Последние Герои о войне. Т. 2. М.: Гласность, 2020. 408 с.: ил.
7. *Гарвардский проект : рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне* / сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М.: Полит. энцикл., 2019. 493 с.
8. *Владимиров Ю. В.* Как я был в немецком плену. М.: Вече, 2007. 480 с.
9. «58-я. Неизъятые» Лев Нетто. Книжка с адресами восставших / Елена Рачева, Анна Артемьева // Новая газета : офиц. сайт. 2011. 16 нояб. (№ 128). URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2011/11/16/46808-171-58-ya-neiz-yatoe-187-lev-netto-knizhka-s-adresami-vocstavshih> (дата обращения: 04.03.2022).
10. *Белов А. Н.* Три года в лагерях смерти. Тула: Тул. кн. из-во, 1963. 168 с.
11. *Летчики-штурмовики: Купцов Сергей Андреевич* / интервью и лит. обработка А. Драбкин // Я помню : интернет-проект : [воспоминания и интервью с ветеранами и участниками Великой Отечественной войны] / гл. ред. Артем Драбкин ; Фонд сохранения исторической памяти «Я помню». Дата публикации: 26.03.2011. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/kuptsov-sergey-andreevich/> (дата обращения: 04.03.2022).
12. *Рассказ старого казака Василия Григорьевича Пивоварова* // КИАЦ : Межрегиональная общественная организация «Объединенная редакция казачьих средств массовой информации «Казачий Информационно-Аналитический Центр» : офиц. сайт. Дата публикации: 17.06.2013. URL: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/zarubezhnoe_kazachestvo/rasskaz_starogo_kazaka_vasilija_grigorevicha_pivovarova/154-1-0-710 (дата обращения: 04.03.2022).
13. *Гражданские: Нестеров Николай Федорович* / интервью А. Драбкин; лит. обработка С. Анисимов // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 21.02.2007. URL: <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/nesterov-nikolay-fedorovich> (дата обращения: 04.03.2022).
14. *Летчики-штурмовики: Беликин Валентин Иванович* / интервью Н. Аничкин; лит. обработка А. Рыков // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 04.12.2017. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/belikin-valentin-ivanovich/> (дата обращения: 04.03.2022).
15. *Артиллеристы: Лукинов Михаил Иванович* // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 22.07.2006. URL: <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/lukinov-mikhail-ivanovich/> (дата обращения: 04.03.2022).
16. *Пехотинцы: Пореш Юрий Рейгольдович* / интервью и лит. обработка М. Свириденков // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 20.10.2006. URL: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/poresh-uriy-reyngoldovich/> (дата обращения: 04.03.2022).

17. Блохин Дмитрий Савельевич : [воспоминания о Великой Отечественной войне] // Керчь – это мой город : интернет-проект. Дата публикации: 27.05.2003. URL: <https://kerch.com.ua/articleview.aspx?id=942> (дата обращения: 04.03.2022).
18. Артиллеристы: Рутштейн Константин Абрамович / интервью и лит. обработка Г. Койфман // Я помню : интернет-проект. Дата публикации: 20.10.2013. URL: <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/rutshteyn-konstantin-abramovich/> (дата обращения: 04.03.2022).

References

1. Zemskov, VN 2018, *Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya* (Stalin and the people: why there was no uprising), Rodina publ., Moscow. (In Russ.)
2. Bichekhvost, AF 2007, 'K istorii sozdaniya spetsial'nykh i proverchno-fil'tratsionnykh lagerey dlya sovetskikh voyennoplennyykh i organizatsii v nikh «gosudarstvennoy proverki»' (On the history of the creation of special, screening and filtration camps for Soviet prisoners of war and the organization of "state screening" in them), *Istoriya penitentsiarnoy sistemy v Rossii v 20 veke : sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* (History of the penitentiary system in Russia in the 20th century: collection of materials of the international scientific seminar), RIO Vologodskogo instituta prava i ekonomiki publ., Vologda, pp. 255–277. (In Russ.)
3. Smirnov, SS 1969, *Brestskaya krepost'* (Brest Fortress), Detskaya literature publ., Moscow. (In Russ.)
4. Litvinenko, SN & Minutko, I (ed.) 1965, *Zaveshchayu neprimirimost': (Svidetel'stvo che-loveka, perezvivshego svoyu smert')* (I bequeath no reconciliation (Testimony of a survivor)), Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., Tula. (In Russ.)
5. Vakhromeev, VN 2011, *Vyzhit' i vernut'sya : odisseya sovetskogo voyennoplennogo, 1941-1945* (Survive and Return: The Odyssey of a Soviet Prisoner of War, 1941-1945), Tsentrpoligraf publ., Moscow. (In Russ.)
6. Zinov'yev, MV 2020, *Posledniye Geroi o voyne* (The last Heroes telling about the war), vol. 2, Glasnost' publ., Moscow. (In Russ.)
7. Budnitskiy, OV & Novikova, LG (eds.) 2019, *Garvardskiy proyekt: rassekrechennyye svi-detel'stva o Velikoy Otechestvennoy voyne* (Harvard Project: Declassified Evidence of the Great Patriotic War), Politicheskaya entsiklopediya publ., Moscow. (In Russ.)
8. Vladimirov, YuV 2007, *Kak ya byl v nemetskom plenu* (I was in German captivity), Veche publ., Moscow. (In Russ.)
9. Racheva, E & Artem'yeva, A 2011, '«58-ya. Neiz'yatoye» Lev Netto. Knizhka s adresami voss-tavshikh' ("58th. Unseized" Lev Netto. Book with the addresses of the rebels), *Novaya gazeta*, no. 128, 16 November, viewed 04 March 2022, <https://novayagazeta.ru/articles/2011/11/16/46808-171-58-ya-neiz-yatoye-187-lev-netto-knizhka-s-adresami-vocstavshih>. (In Russ.)
10. Belov, AN 1963, *Tri goda v lageryakh smerti* (Three years in the death camps), Tul'skoye knizhnoye izdatel'stvo publ., Tula. (In Russ.)
11. Drabkin, A (ed.) 2011, 'Letchiki-shturmoviki: Kuptsov Sergey Andreevich' (Fighter pilots: Kuptsov Sergey Andreevich), *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veter-anami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: mem-ories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 26 March, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/kuptsov-sergey-andreevich/>. (In Russ.)
12. 'Rasskaz starogo kazaka Vasiliya Grigor'yevicha Pivovarova' (The story of the old Cossack Va-sily Grigorievich Pivovarov) 2013, *Ob'yedinennaya redaktsiya kazach'ikh sredstv massovoy informatsii «Kazachiy Informatsionno-Analiticheskiy Tsentr»* (Joint Edition of the Cossack Mass Media "Cossack Information and Analytical Center"), 17 June, viewed 04 March 2022, https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/zarubezhnoe_kazachestvo/ras-skaz_starogo_kazaka_vasilija_grigorevicha_pivovarova/154-1-0-710. (In Russ.)

13. Anisimov, S 2007, 'Grazhdanskiye: Nesterov Nikolay Fedorovich' (Civilians: Nesterov Nikolay Fedorovich) Interview by A. Drabkin for *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 21 February, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/nesterov-nikolay-fedorovich> (In Russ.)
14. Rykov, A 2017, 'Letchiki-shturmoviki: Belikin Valentin Ivanovich' (Fighter pilots: Velikin Valentin Ivanovich) Interview by N. Anichkin for *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 04 December, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/belikin-valentin-ivanovich/>. (In Russ.)
15. Artilleristy: Lukinov Mikhail Ivanovich (Artillerymen: Lukinov Mikhail Ivanovich) 2006, *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 22 June, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/lukinov-mikhail-ivanovich/>. (In Russ.)
16. Sviredenkov, M (ed.) 2006, 'Pekhotintsy: Poresh Yuriy Reygol'dovich' (Infantrymen: Poresh Yuri Reogoldovich), *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 20 October, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/poresh-uriy-reyngoldovich/>. (In Russ.)
17. Blokhin Dmitriy Savel'yevich : vospominaniya o Velikoy Otechestvennoy voyne (Blokhin Dmitry Savelyevich: memories of the Great Patriotic War) 2003, *Kerch' – eto moy gorod : internet-proyekt* (Kerch is my city : internet project), 27 May, viewed 04 March 2022, <https://kerch.com.ua/articleview.aspx?id=942>. (In Russ.)
18. Koifman, G (ed.) 2013, 'Artilleristy: Rutshteyn Konstantin Abramovich (Artillerymen: Rutshteyn Konstantin Abramovich)' Interview by G. Koifman for *Ya pomnyu: internet-proyekt: vospominaniya i interv'yu s veteranami i uchastnikami Velikoy Otechestvennoy voyny* (I remember: Internet project: memories and interviews with veterans and participants of the Great Patriotic War), 20 October, viewed 04 March 2022, <https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/rutshteyn-konstantin-abramovich/>. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.03.2022
Одобрена после рецензирования: 23.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 15.03.2022
Approved after reviewing: 23.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 66–74.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 1 (9). P. 66–74.

Научная статья

УДК 94(430)87+94(470)084.9

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-66-74>

РЕШЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАСПАДА СССР

**Юрий Владиславович
Родович**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, yura.rodovich@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи – показать, что решение германской проблемы явилось одной из предпосылок распада Советского Союза. В статье отмечается, что ликвидация ГДР в процессе объединения Германии означала для СССР потерю существенной части экономического потенциала, необходимого для дальнейшего развития. «Выпадение» Германской Демократической Республики и ее Вооруженных Сил из Организации Варшавского Договора подрывало безопасность советского государства. Отмена прав и четырех держав, в том числе СССР, в отношении Германии в целом в соответствии с Договором от 12 сентября 1990 г. об окончательном урегулировании в отношении Германии, согласие М. С. Горбачева на вывод из Восточной Германии боеспособной Западной группы войск и лишение недвижимости ЗГВ в регионе ослабляло позиции Советского Союза как великой державы. Слабость федерального Центра, неспособного отстаивать общегосударственные интересы внутри страны и на международной арене и обеспечивать сохранение суверенитета своего важнейшего союзника – ГДР способствовали ориентации руководства союзных республик СССР на обретение независимости и статуса в рамках какого-то нового объединения страны. В условиях создания Союза Суверенных Государств в ноябре 1991 г. руководство ФРГ, сделало ставку на национальные элиты. Об этом свидетельствует установление в результате встречи канцлера Германии и президента России прямых двусторонних контактов между ФРГ и РФ. Это приближало оформление распада СССР в декабре 1991 г.

Ключевые слова: СССР, ГДР, ФРГ, германский вопрос, перестройка.

Для цитирования: Родович Ю. В. Решение германского вопроса как предпосылка распада СССР // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 66–74. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-66-74>.

Сведения об авторе: Ю. В. Родович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 94(430)87+94(470)084.9

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-66-74>

THE SOLUTION OF THE GERMAN QUESTION AS A PREREQUISITE FOR THE COLLAPSE OF THE USSR

Yuri V. Rodovich

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, yura.rodovich@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to show that the solution of the German problem was one of the prerequisites for the collapse of the Soviet Union. The article notes that the liquidation of the GDR in the process of German unification meant the loss of a significant part of the economic potential necessary for further development for the USSR. The "fallout" of the German Democratic Republic and its Armed Forces from the Warsaw Treaty Organization undermined the security of the Soviet state. The abolition of the rights of the four Powers, including the USSR, in relation to Germany as a whole in accordance with the Treaty of September 12, 1990 on the final settlement with respect to Germany, Mikhail Gorbachev's consent to the withdrawal of a combat-ready Western group of troops from East Germany and the deprivation of real estate in the region weakened the position of the Soviet Union as a great power. The inability of the federal Center to defend national interests both within the country and in the international arena, and ensure the preservation of the sovereignty of its most important ally, the GDR, contributed to the orientation of the leadership of the Union republics of the USSR to gain independence and status within the framework of some new unification of the country. In the context of the creation of the Union of Sovereign States in November 1991, the leadership of the Federal Republic of Germany relied on national elites. This is evidenced by the establishment of direct bilateral contacts between Germany and the Russian Federation as a result of the meeting between the German Chancellor and the Russian President. This brought closer the registration of the collapse of the USSR in December 1991.

Keywords: USSR, GDR, FRG, German question, perestroika.

For citation: Rodovich, YuV 2022, 'The solution of the German question as a prerequisite for the collapse of the USSR', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 66–74, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-66-74> (in Russ.)

Information about the Author: *Yuri V. Rodovich* – Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

В декабре 1991 г. в результате подписания Беловежских и Алма-Атинских соглашений произошел трагический распад Советского Союза. О предпосылках этого процесса написано немало работ. Однако до сих пор не все возможные предпосылки обстоятельно изучены. Видный историк – германист, доктор исторических наук А. А. Ахтамзян отметил, что решение германского вопроса создало предпосылки для целенаправленного разрушения Советского Союза [1, с. 171]. Он обратил, в частности, внимание на высказывание доктора исторических наук И. Ф. Максимычева, советника-посланника СССР в Берлине, о том, что Советского Союза не стало политической карте мира через год с небольшим после исчезновения ГДР [11, с. 174].

В этой связи автор настоящей статьи поставил перед собой цель – аргументированно, на документальной основе, обосновать правомерность этих суждений.

Обсуждение

Для распада СССР имелись серьезные внутренние причины. Административно-командная система уже не соответствовала потребностям общества. Советский Союз отставал от США в компьютерной технике, микроэлектронике, производстве станков с числовым программным управлением, робототехнике и др. [7, с. 681].

Начавшаяся после 1985 г. непродуманная ломка всего механизма народного хозяйства (принятие законов о госпредприятии, о кооперации и др.) привела в итоге к кризису всей системы. В 1988 – 1989 гг. темпы экономического роста замедлились, а в 1990 г. впервые после Великой Отечественной войны началось падение производства. Дефицит государственного бюджета в 1991 г., по оценке Всемирного банка, достиг 30,9 % от уровня ВВП [16]. Объемы производства товаров народного потребления не соответствовали объему возросшей денежной массы в условиях роста средней заработной платы. Стали пустеть полки магазинов. В 1989–1990 гг. во многих городах и посёлках страны были введены продовольственные талоны. Проводившаяся с 1985 г. антиалкогольная кампания привела к огромным потерям госбюджета. Внешний долг СССР за годы «перестройки», по данным заместителя министра финансов С. А. Сторчака, вырос более чем в три раза: с 31 до 96,6 млрд. долл. США [5].

Руководители союзных республик видели путь к улучшению экономической ситуации в децентрализации управления, расширении экономических возможностей для регионов в целях решения на местах экономических и социальных проблем.

Имевшая в целом позитивное значение политика гласности в то же время способствовала росту разногласий среди в руководстве страны и обществе относительно целей и методов осуществления перестройки. В марте 1990 г. орган представительной и законодательной власти III внеочередной съезд народных депутатов СССР учредил новую государственную должность – Президента страны и избрал на эту должность М.С. Горбачева. Было принято решение об отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС в обществе. Тем самым был нанесен сильнейший удар по цементирующему страну ядру политической системы СССР.

В стране происходил «парад суверенитетов». Начали его республики Прибалтики и Азербайджан. 12 июня 1990 г. Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин провозгласил суверенитет России и приоритет Конституции и других законодательных актов РСФСР над законодательными актами СССР. Это подтолкнуло ряд других союзных республик к принятию аналогичных решений. Усилилось их противостояние с союзным Центром.

Во внешней политике М. С. Горбачев и его сторонники взяли на вооружение идею «нового политического мышления» и стали руководствоваться во все возрастающей степени не национальными, а «общечеловеческими интересами» и идти на односторонние уступки Западу. Чтобы стать частью «общеевропейского дома», руководство СССР решило пойти на деформацию, а в дальнейшем и ликвидацию

социалистической системы в стране и ликвидацию сложившихся военно-политических и экономических союзов – Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи.

10 – 11 ноября 1986 г. состоялась встреча руководителей государств социалистического содружества в Москве. По утверждению А. С. Грачёва, советника, пресс-секретаря Президента СССР, на этой встрече М. С. Горбачёв объявил: «отныне каждая партия и её руководство несут полную ответственность за происходящее в собственной стране. Смысл сигнала был ясен: «На наши танки ради сохранения вас и ваших режимов у власти не рассчитывайте» [4, с. 294]. Отказ советских лидеров от поддержки руководства стран Варшавского Договора способствовало падению в 1989 – 1990 гг. в ходе «бархатных революций» коммунистических режимов в странах Центрально-Восточной Европы.

В 1989 г., после смены руководства ГДР, встал вопрос об объединении Германии. 28 ноября 1989 г. канцлер ФРГ Г. Коль выступил в бундестаге с программой из 10 пунктов, в которых предполагалось постепенное сближение ФРГ и ГДР, создание «договорного сообщества» – конфедеративных структур – конфедерации и как отдаленная цель – объединение двух государств [17]. Лидеры Франции и Великобритании по разным причинам не желали скорейшего объединения Германии. Поэтому в решающей степени вопрос о германском единстве зависел от позиции советского руководства. Как справедливо отмечал в своих воспоминаниях бывший первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, советское государство «имело и исторические, и моральные, и международно-правовые основания, чтобы сказать свое весомое слово в том, что касается путей объединения двух германских государств и военно-политического статуса объединенной Германии. Это его право применительно к Германии вытекало не только из Потсдамских соглашений, но и из ст.107 Устава ООН. Была здесь определенная почва и для политического взаимодействия СССР с Англией и Францией в плане более полного учета законных интересов трех стран при объединении Германии» [9, с. 210]. Однако М. С. Горбачев и министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе оказались неспособными адекватно оценить складывающуюся ситуацию, своевременно учесть с помощью профессионалов и последовательно отстаивать интересы Советского Союза в германских делах. 9 декабря 1990 г. на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев заявил, что ГДР «в обиду не дадим», это – стратегический союзник СССР и член Варшавского Договора, и надо исходить из факта существования двух суверенных германских государств, членов ООН. Отказ от этого «грозит дестабилизацией в Европе» [3, с. 20]. Но его позиция вскоре изменилась.

Воспользовавшись кризисной ситуацией в СССР и в ГДР, Г. Коль отказался от своего плана создания конфедерации ФРГ и ГДР и выступил за немедленное объединение германских государств. 10 февраля 1990 г. во время встречи в Москве канцлер ФРГ добился согласия М. С. Горбачева на решение этого вопроса «как дела самих немцев». Это означало, что лидер СССР начал «сдавать» ГДР Федеративной Республике Германия.

Внешние аспекты объединения Германии обсуждались на переговорах министров иностранных дел шести государств – СССР, США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР. Лидеры СССР согласились на формулировку, предложенную ФРГ, – «два плюс четыре», хотя для советской стороны была приемлема формулировка «четыре плюс два». Формула «два плюс четыре» означала, что тон на переговорах задавали два германских государства, а не четыре державы. Таким образом, руководство СССР сделало первый шаг на пути отказа от своих прав как державы-победительницы во Второй мировой войне в отношении Германии. Камнем преткновения встал вопрос о

военно-политическом статусе будущей единой Германии. Первоначально М. С. Горбачев не соглашался на членство объединенной Германии в Североатлантическом блоке. Да и руководство США, как и руководство ФРГ, не исключало возможности того, что Германия сможет в конечном счете иметь несколько более аморфные связи в Североатлантическом союзе, чем полное членство, по примеру Франции, которая была тогда связана с НАТО политически, но не в военном плане. Формула, предложенная М. С. Горбачевым, означавшая одновременное участие Германии в НАТО и ОВД, была отвергнута западными участниками переговоров. В то же время советскому руководству были даны устные обещания со стороны лидеров США в случае согласия на объединение Германии на условиях Запада не расширять НАТО на Восток. Получив такие заверения, а также нуждаясь в кредите со стороны ФРГ (15 – 20 млрд. руб. на срок 7 – 8 лет и срочном – 1,5 – 2 млрд. руб.), М. С. Горбачев пошел на уступки Западу. Во время бесед с Дж. Бушем 1–3 июня 1990 г. в Вашингтоне он согласился на членство объединенной Германии в НАТО и официально подтвердил свою позицию во время встречи с Г. Коелем в Архизе, на Ставрополье, в июле 1990 г.

12 сентября 1990 г. в Москве между представителями ФРГ, ГДР, США, Великобритании, Франции и СССР был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. В документе отмечалось, что объединенная Германия будет включать территории Германской Демократической Республики, Федеративной Республики Германии и всего Берлина [6].

Как это повлияло на дальнейшее существование Советского Союза?

Во-первых, для СССР это фактически значило, что подрывалась одна из его экономических опор. Дело в том, что существование Союза ССР было связано не только с существованием единого хозяйственного организма, каким был союз социалистических республик, но и со сложившейся международной системой хозяйства [1, с. 367], Экономики СССР и ГДР взаимно дополняли друг друга. При этом ГДР являлась важнейшим внешнеторговым партнером Советского Союза. На ее долю в 1988 г. приходилось 10 % внешнеторгового оборота СССР. Советский Союз обеспечивал за счет поставок из ГДР оборудование для нефтеперерабатывающей и полиграфической промышленности, 35 % парка пассажирских вагонов, 40 % рыболовецких судов, до 66 % импортируемых кранов, 60 % металлообрабатывающих машин и до 40 % кузнечно-прессового оборудования, 40 % сельскохозяйственных машин, а также значительную часть гербицидов, верхнего и нижнего трикотажа и мебели [18]. Кроме того, советские граждане стремились приобрести товары массового спроса из дружественной страны. К их услугам в Москве был магазин «Лейпциг», являвшийся филиалом ГУМа, где можно было купить вещи, сделанные в ГДР: кожаные сумки, плащи, сервизы, косметические изделия, детские товары. Таким образом, в результате объединения Германии СССР фактически потерял существенную часть экономического потенциала, необходимого для своего дальнейшего развития

Во-вторых, объединение Германии означало «выпадение» Германской Демократической Республики из Организации Варшавского Договора, который в значительной степени обеспечивал безопасность советского государства. Ведь ГДР являлась долгие годы «бастионом социализма» в Европе. Ее армия была наиболее боеспособной среди армий восточноевропейских участников ОВД. Сухопутные силы насчитывали 120 тыс. чел., 2 бронетанковые и 4 мотострелковые дивизии, 2 бригады ракет «земля-земля», 10 артиллерийских полков, 9 полков ПВО, 1 полк авиатехники, 2 противотанковых батальона и другие подразделения. В состав Военно-воздушных сил входили 2 авиадивизии, каждая из которых содержала по 2 – 4 ударных эскадры, по 1 зенитно-ракетной бригаде, 2 зенитно-ракетных полка, 3 – 4 радиотехнических батальона. Численность военнослужащих ВВС составляла 27,4 тыс. чел. Военно-морские

силы республики включали в себя 110 боевых кораблей различных классов, 69 вспомогательных судов. Морская авиация насчитывала 20 истребителей-бомбардировщиков Су-17, 24 вертолёта. Личный состав военно-морского флота составлял почти 16 тысяч чел. [14; 15]. Без армии ГДР Организация Варшавского Договора фактически не могла уже долго существовать. В 1991 г. ОВД, как и СЭВ, прекратила свое существование.

Договор от 12 сентября 1990 г. отменил права и ответственность четырех держав, в том числе СССР, в отношении Германии в целом. Советский Союз обязался к концу 1994 г. вывести свои войска из Восточной Германии [6]. (завершение вывода войск произошло в конце августа 1994 г.). Кроме боеспособной Западной группы войск, которую надо было вывести, (500 тыс. чел., в т.ч. 300 тыс. военнослужащих и 200 тыс. гражданских лиц, свыше 4 тысяч танков, около 8 тысяч боевых бронированных машин, 3,6 тысячи артиллерийских орудий, 1,3 тыс. самолетов и вертолетов, 100 тыс. единиц другой техники), Советский Союз лишился недвижимости ЗГВ (21 тыс. зданий в 777 городках) стоимостью около 10,5 млрд немецких марок, которая перешла Германии [2,10]. Тем самым СССР ослаблял свой оборонный потенциал и геостратегические позиции в качестве великой державы.

Теперь настала очередь самого Советского Союза. Процесс распада СССР был стимулирован неудавшимся «путчем» в Москве в августе 1991 г., участники которого хотели не допустить подписания договора о Союзе Суверенных Советских Республик, который, по их мнению, упразднял СССР. 24 августа 1991 г. М. С. Горбачёв объявил об уходе с поста Генерального секретаря ЦК КПСС и обратился к членам ЦК о самороспуске КПСС.

Лидеры союзных республик видели слабость федерального Центра, неспособного отстаивать общегосударственные интересы внутри страны и на международной арене и обеспечивать сохранение суверенитета своего важнейшего союзника – ГДР. Они настраивались на новый статус в рамках какого-то нового объединения страны. За процессами, происходившими в Советском Союзе, внимательно следили на Западе. В интервью (2006 г.) посол США в СССР в 1987 – 1991 гг. Дж. Мэтлок отметил, что в июне 1990 г. «послал сверхсекретное донесение из посольства, в котором содержался прогноз, что СССР может развалиться... Мы не хотели, чтобы подобное произошло. Потому что мы не хотели противостоять 15 независимым государствам с ядерным оружием». По этой причине, заявил Мэтлок, в Вашингтоне предпочитали, «чтобы СССР представлял собой демократическую федерацию с реформистским руководством в Москве» [12]. В аналитическом докладе Национального разведывательного совета США за ноябрь 1990 г. был сделан вывод, что Советский Союз в скором времени прекратит существование в том виде, в котором он существовал до этого, и ему на смену придет новый союз, меньший по размеру [8].

1 ноября 1991 г. народные депутаты СССР представили проект нового Союзного договора. Документ учреждал вместо Советского Союза Союз суверенных государств (ССГ). Речь шла о создании конфедеративного демократического государства. Его участникам предоставлялось право на самостоятельное определение национально-государственного и административно-территориального устройства. Они могли устанавливать непосредственные дипломатические, консульские и торговые отношения с любыми зарубежными странами.

В этих условиях руководство Германии сделало ставку на сотрудничество с республиканскими лидерами. По приглашению канцлера ФРГ Г. Коля делегация РСФСР во главе с президентом России Б. Н. Ельциным 21 – 23 ноября 1991 г. совершила официальный визит в Германию. По итогам визита были установлены прямые двусторонние контакты между Федеративной Республикой Германия и Российской Федерацией,

что нашло отражение в совместном заявлении их руководителей [13]. По сути, отношения между ФРГ и России вышли на такой же уровень, как отношения между ФРГ и СССР. Тем самым был сделан важный шаг по пути международно-правового признания суверенной России объединенной Германией.

До начала оформления распада СССР и создания СНГ оставалось чуть более двух недель.

Заключение

Таким образом, руководство Советского Союза, согласившись на объединение Германии и ликвидацию ГДР, фактически лишило СССР значительной части экономического и оборонного потенциала. Слабость федерального Центра, неспособного отстаивать общегосударственные интересы внутри страны и на международной арене и обеспечивать сохранение суверенитета своего важнейшего союзника – ГДР – способствовали ориентации политических элит союзных республик СССР на обретение независимости и своего статуса в рамках нового объединения страны, которое было создано после официального заявления о прекращении существования Советского Союза в декабре 1991 г.

Список источников и литературы

1. Ахтамзян А. А. Объединение Германии: обстоятельства и последствия : Очерки. Москва: Библос консалтинг, 2010. 384 с.
2. Вывод Западной группы войск из Германии: историческая справка [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт информ. агентства]. Дата публикации: 31.08.2009. URL: <https://ria.ru/20090831/183118868.html> (дата обращения: 23.01.2022).
3. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 9 декабря 1989 г. Москва: Политиздат, 1989.
4. Грачев А. С. Горбачев. Москва: Вагриус, 2001. 445 с.
5. Сторчак А. Долговая игра. Как Россия четырнадцать лет расплачивалась по обязательствам СССР : [интервью заместителя министра финансов РФ С. А. Сторчака «Российской газете»] [Электронный ресурс] / кор. В. Лебедев // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. Дата публикации: 16.10.2007. URL: https://special.minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=30465-intervyu_s_a_storchak_a_gazete_rossiiskaya_gazeta (дата обращения: 23.01.2022).
6. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. 47. Москва: Междунар. отношения, 1994. С. 34–37.
7. Доклад Директора ЦРУ США «Экономические программы Горбачева: какие предстоит решить проблемы» (декабрь 1988 г.) : (извлечения, пер. с англ.) // Распад СССР: Документы и факты (1986–1992). В 2 т. Т. 2: Архивные документы и материалы / под общ. ред. С. М. Шахрая. Москва: Кучково поле, 2015. 824 с.
8. Калинин Д. М. Информационно-аналитические доклады разведывательного сообщества США о положении в СССР на заключительном этапе его существования (1989–1991) [Электронный ресурс] // Международные отношения : электронный журнал. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-analiticheskie-doklady-razvedyvatelnogo-soobshchestva-ssha-o-polozhenii-v-sssr-na-zaklyuchitelnom-etape-ego/viewer> (дата обращения: 23.01.2022).
9. Корниенко Г. М. Холодная война: свидетельство ее участника. Москва: Междунар. отношения, 1994. 276 с.
10. Литовкин В. Уроки августа 1994-го: пришли как победители и освободители, уходили как нежеланные гости [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт информ. агентства]. Дата публикации: 30 авг. 2019. URL: <https://tass.ru/opinions/6786952> (дата обращения: 23.01.2022).
11. Максимычев И. Ф. «Народ нам не простит...»: последние месяцы ГДР : дневник советника-посланника СССР в Берлине. Москва: Экслибрис- Пресс, 2002. 184 с.

12. Мэтлок Дж. США не хотели распада СССР : интервью [Электронный ресурс] // Гуманитарный портал: сайт. Дата публикации: 24.08.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/112> (дата обращения: 23.01.2022).
13. *Gemeinsame Erklärung von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl und Prsident Boris N. Jelzin vom 21. November 1991* (Ausgabe). Besuch des Prsidenten von Russland vom 21–23. November 1991 in Deutschland // *Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland : Dokumente von 1949 bis 1994 : herausgegeben aus Anlass des 125. Jubilums des Auswrtigen Amts*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1995. S. 841–844.
14. Lapp P. J. Ein Staat – eine Armee. Von der NVA zur Bundeswehr. Bonn: Hrsg. von der Friedrich-Ebert-Stiftung, 1992. 55 S.
15. NVA: Anspruch und Wirklichkeit: nach ausgewählten Dokumenten. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1993. 351 S.
16. Paulo Viera da Cunha. World Bank. Russian Economic Reform : Crossing the Threshold of Structural Change. Washington D.C.: World Bank, 1992. URL: <https://www.worldcat.org/title/russian-economic-reform-crossing-the-threshold-of-structural-change/oclc/26723863> (accessed: 23.01.2022).
17. Rede von Bundeskanzler Helmut Kohl im Bundestag („10-Punkte-Programm“), 28. November 1989 // Bulletin des Presse – und Informationsamtes der Bundesregierung. № 134. 29.11.1989.
18. Zedilin L. I. Sowjetunion, DDR und RGW in der Ära Gorbatschow. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 1995. № 34. 41 S. // SSOAR: Social Science Open Access Repository. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-41933> (accessed: 26.01.2022).

References

1. Akhtamzyan, AA 2011, *Ob"yedineniye Germanii: obstoyatel'stva i posledstviya : Ocherki* (German Unification: Circumstances and Consequences: Essays), Biblos konsalting Publ., Moscow. (in Russ.)
2. 'Vyvod Zapadnoy gruppy voysk iz Germanii: istoricheskaya spravka' (Withdrawal of the Western Group of Forces from Germany: historical reference) 2009, *RIA Novosti*, 31 August, viewed 23 January 2022, <https://ria.ru/20090831/183118868.html> (in Russ.)
3. 'Vystupleniye General'nogo sekretarya TSK KPSS M.S. Gorbacheva' (Speech by the General Secretary of the Central Committee of the CPSU M.S. Gorbachev) 1989, *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 9 dekabrya 1989 g.* (Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, December 1, 1989), Politizdat Publ., Moscow. (in Russ.)
4. Grachev, AS 2001 *Gorbachev*, Vagrius Publ. Moscow. (in Russ.)
5. Storchak, A (2007) 'Dolgovaya igra. Kak Rossiya chetyrnadtsat' let rasplachivalas' po obyazatel'stvam SSSR' (Debt game. How Russia paid off the obligations of the USSR for fourteen years) Interview by Lebedev V. for *Rossiyskaya gazeta*, 16 October, viewed 23 January 2022, https://special.minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=30465-intervyu_s_a._storchaka_gazete_rossiiskaya_gazeta (in Russ.)
6. 'Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii' (Treaty of Final Settlement with Respect to Germany) 1994, *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR i Rossiyskoy Federatsii* (Collection of international treaties of the USSR and the Russian Federation), Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., no 47, pp. 34–37 (in Russ.)
7. Shakh-ray, SM (ed.) 2015, 'Doklad Direktora TSRU SSHA «Ekonomicheskiye programmy Gorbacheva: kakiye predstoit reshit' problemy» (dekabr' 1988 g.)' (Report of the US CIA Director "Gorbachev's Economic Programs: Problems to Solve"), *Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986-1992). V 2 tomakh. Tom 2: Arkhivnyye dokumenty i materialy* (The collapse of the USSR: Documents and facts (1986-1992). In 2 volumes. Volume 2: Archival Documents and Materials), Kuchkovo pole Publ., Moscow. (in Russ.)
8. Kalinin, DM 2018, 'Informatsionno-analiticheskkiye doklady razvedyvatel'nogo soobshchestva SSHA o polozhenii v SSSR na zaklyuchitel'nom etape yego sushchestvovaniya (1989-1991)' (The Analytical Background Report of the US Intelligence Community on the Situation in the

- USSR at the Final Stage of its Existence (1989-1991)), *Mezhdunarodnyye otnosheniya* (International Relations), viewed 23 January 2022, <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-analiticheskie-doklady-razvedyvatelnogo-soobshchestva-ssha-o-polozhenii-v-sssr-na-zaklyuchitelnom-etape-ego/viewer> (in Russ.)
9. Kornienko, GM 1994, *Kholodnaya voyna: svidetel'stvo yeye uchastnika* (Cold war: evidence of its participant), *Mezhdunarodnyye otnosheniya* Publ., Moscow. (in Russ.)
 10. Litovkin, V 2019, 'Uroki avgusta 1994-go: prishli kak pobediteli i osvoboditeli, ukhodili kak nezhelannyye gosti' (Lessons of August 1994: they came as winners and liberators, they left as unwanted guests), *TASS*, 30 August 2019, viewed 23 January, <https://tass.ru/opinions/6786952> (in Russ.)
 11. Maksimych, I F 2002, "Narod nam ne prostit...": *posledniye mesyatsy GDR : dnevnik sovetnika-poslannika SSSR v Berline* ("The people will not forgive us ...": the last months of the GDR: diary of the USSR Minister-Counsellor in Berlin), Ekslibris- Press Publ., Moscow. (in Russ.)
 12. Matlock, J 2006, 'SSHA ne khoteli raspada SSSR' (The United States did not want the collapse of the USSR) Interview, *Gumanitarnyy portal*, 24 August, viewed 23 January 2022, [https://gtmarket.ru/library/articles/112\(data obrashcheniya: 23.01. 2022\)](https://gtmarket.ru/library/articles/112(data obrashcheniya: 23.01. 2022)) (in Russ.)
 13. Gemeinsame Erklrung von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl und Prsident Boris N. Jelzin vom 21. November 1991 (Auszge). Besuch des Prsidenten von Russland vom 21–23. November 1991 in Deutschland 1995, *Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland : Dokumente von 1949 bis 1994 ; herausgegeben aus Anlass des 125.Jubilums des Auswrtigen Amts*, Verlag Wissenschaft und Politik, Köln, s. 841-844. (in German)
 14. Lapp, PJ 1992, *Ein Staat – eine Armee. Von der NVA zur Bundeswehr*, Hrsg. von der Friedrich-Ebert-Stiftung, Bonn. (in German)
 15. *NVA: Anspruch und Wirklichkeit: nach ausgewählten Dokumenten* 1993, E.S. Mittler & Sohn, Berlin. (in German)
 16. Paulo Viera da Cunha 1992, *World Bank. Russian Economic Reform : Crossing the Threshold of Structural Change*, viewed 23 January 2022, <https://www.worldcat.org/title/russian-economic-reform-crossing-the-threshold-of-structural-change/oclc/26723863>
 17. Rede von Bundeskanzler Helmut Kohl im Bundestag („10-Punkte-Programm“) 1989, *Bulletin des Presse–und Informationsamtes der Bundesregierung*, Nr. 134., 28 November. (in German)
 18. Zedilin, LI 1995, *Sowjetunion, DDR und RGW in der Ära Gorbatschow*, Bunesinstitut. für ostwissenschaftliche und internationale Studien, Nr. 34, viewed 26 January 2022, <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-41933> (in German)

Статья поступила в редакцию: 31.01.2022
Одобрена после рецензирования: 18.02.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 31.01.2022
Approved after reviewing: 18.02.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПОЭЗИЯ, КИНО, ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМИКС)

**Вероника Игоревна
Абрамова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, istinijobraz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Аннотация. Целью данной статьи являлся анализ рецепции событий, произошедших во время Великой Северной экспедиции, а также фигур ее участников в разных видах искусства. Обратившись к поэзии, мы выделили восемь лирических текстов, написанных в период с XVIII по XX вв. Авторы изображают Великую Северную экспедицию и ее участников, используя архетипические модели: подтверждение существования пролива между Азией и Америкой – демиургическое действие, Беринг и Чириков – культурные герои. Чаще всего в поэтических текстах изображается фигура Беринга. Командор представлен в двух ипостасях: великий мореплаватель и переживающий личную трагедию человек (ему не суждено закончить начатое дело и вернуться домой). Обратившись к кинематографу, мы проанализировали два фильма, снятые в разной стилистике и в разных социокультурных условиях. В советской киноленте «Баллада о Беринге и его друзьях» (1971), строго следуя историческим фактам, режиссер создает героические образы участников экспедиции, совершающих великое дело. На первый план выдвигаются Беринг, Чириков, Овцын, Стеллер. В современном фильме «Первые» (2018) в центре внимания оказываются Челюскин и Прончищев. Фигура Беринга дегероизирована: он представлен как бездушный чиновник и семейный тиран. Режиссер создает альтернативную версию реальных событий, искажая исторические факты и делая акцент на авантюрно-приключенческой и любовной линиях. Обратившись к жанру исторического комикса, мы проанализировали книгу В. Серова «Витус Беринг. Великая Северная экспедиция» (2020). Поскольку издание рассчитано на младший школьный возраст, одним из центральных героев изображенных событий становится двенадцатилетний участник плавания Лоренц Ваксель. Он и взрослые члены экспедиции обладают в комиксе чертами супергероев: выживают в нечеловеческих условиях, побеждают стихию. Таким образом, в репрезентациях Великой Северной экспедиции средствами разных искусств преобладает героизация участников исследований и ориентация на архетипические модели.

Ключевые слова: В. Беринг, А. Чириков, Г. Стеллер, Д. Овцын, В. Прончищев, Л. Ваксель, образ, рецепция, репрезентация, портрет.

Для цитирования: Абрамова В. И. Великая Северная экспедиция в русской культуре (поэзия, кино, исторический комикс) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 75–89. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-75-89>

Сведения об авторе: В. И. Абрамова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 910.4

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-75-89>

THE GREAT NORTHERN EXPEDITION IN RUSSIAN CULTURE (POETRY, CINEMA, HISTORICAL COMICS)

Veronika I. Abramova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, istinijobraz@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Abstract. The objective of the article is to analyse the reception of the events occurred during the Great Northern Expedition, as well as the personalities of its members in various art forms. Having referred to poetry, the author of the article has picked out eight lyric texts written during the period from the 18th to 20th century. The authors of the analyzed texts depict the Great Northern Expedition and its members using archetypic models: corroboration of existence of a strait between Asia and America as a demiurgic action, Bering and Chirikov as cultural heroes. It is Bering who is most often depicted in the poetic texts. The Commander is represented as a great seafarer and as a person suffering a personal tragedy (he was never meant to finish what he started and to come back home). Having referred to the cinema, the article has analysed two films made in different stylistics and in different sociocultural conditions. Strictly following the historical facts, the director of the Soviet film *The Ballad of Bering and His Friends* (1971) creates heroic images of the expedition members, who accomplish a great feat. Bering, Chirikov, Ovtzyn and Steller are brought to the fore. The modern film *The First* (2018) focuses on Chelyuskin and Pronchishchev. Bering's personality is deheroized: he is portrayed as a callous bureaucrat and a family tyrant. The director creates an alternative version of real events by distorting the historical facts and emphasizing the adventure and love lines. Having referred to the genre of historical comics, the article has analysed V. Serov's book *Vitus Bering. The Great Northern Expedition* (2020). Since the edition is intended for the primary school age, Laurence Waxell, a twelve-year-old participant in the voyage, becomes one of the central characters of the depicted events. He and the adult members of the expedition possess traits of superheroes in the comics: they survive in inhuman living conditions, subdue the elements. Thus, heroization of the explorers and orientation towards archetypic models prevail in representations of the Great Northern Expedition by means of various art forms.

Keywords: V. Bering, A. Chirikov, G. Steller, D. Ovtzyn, V. Pronchishchev, L. Waxell, image, reception, representation, portrait.

For citation: Abramova, VI 2022, 'The Great Northern Expedition in Russian culture (poetry, cinema, historical comics)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 75–89, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-75-89> (in Russ.)

Information about the Author: Veronika I. Abramova – Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian language and literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

В 2021 году исполнилось 280 лет Великой Северной экспедиции В. Беринга, помощником которого был уроженец Тульской губернии А. И. Чириков.

Невозможно не восхищаться самоотверженными подвигами мореплавателей. Трудно переоценить вклад сделанных географических, зоологических, ботанических, этнографических открытий в отечественную науку. В русской культуре Великая Северная экспедиция тоже оставила свой след. Цель данной статьи, – обратившись к русской лирике XVIII – XX вв., к российскому кинематографу и к популярному в современной книжной культуре жанру комикса, определить, как Великая Северная экспедиция была отражена в разных видах искусства. В исследовании применяются интертекстуальный анализ, биографический, сравнительный, герменевтический, имагологический методы, метод сплошной выборки. Объектами исследования стали поэтические тексты из Национального корпуса русского языка, выданные системой на запрос «Беринг», художественные фильмы «Баллада о Беринге и его друзьях» режиссера Ю. Швырева и «Первые» режиссера Д. Суворова, исторический комикс «Витус Беринг. Великая Северная экспедиция» (автор В. Серов).

Рассмотрев поэтические тексты, в которых упоминается Великая Северная экспедиция и ее руководители, мы пришли к следующим выводам. Образы Беринга и его сподвижников подвергаются мифологизации, чему в немалой степени способствует форма их репрезентации. Поскольку «поэтическое сознание в особой степени нуждается в идеале», поэзия становится «самым активным “мифопользователем” и “мифо-производителем”» [4, с. 5].

Стихотворения, посвященные великим мореходам Берингу и Чирикову, начали сочинять еще их современники. Так, М. В. Ломоносов писал в своей знаменитой оде: *Се мрачной вечности запону / Надежда отверзает нам! / Где нет ни правил, ни закону, / Премудрость тамо зиждет храм; / Невежество пред ней бледнеет. / Там влажный флота путь белеет, / И море тщится уступить: / Колумб российский через воды / Спешит в неведомы народы / Твои щедроты возвестить* (Ломоносов М.В. «Ода на день восшествия на Всероссийский престол ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»). В комментариях к этой строфе в академическом издании 1959 г. читаем, что она является напоминанием «о Второй Камчатской экспедиции, участники которой достигли западных берегов Северной Америки. Под «Колумбом российским» Ломоносов разумеет в данном случае А. И. Чирикова, которого считал в этой экспедиции “главным”» [11, с. 939]. Ломоносов, действительно, хорошо знал, как проходила экспедиция. Его, как и многих современников, волновала судьба пропавших моряков, которых Чириков отправил для высадки на берег. В 1763 г. в документе, адресованном пресветлейшему государю цесаревичу, великому князю Павлу Петровичу, ученый писал: «если бы достать жителя земли, что лежит против Чукотского носу (мыса Дежнева – В.А.), то бы весьма уповательно было получить известие о тех россиянах, кои на западном американском берегу Чириковым потеряны» [10]. Однако смещение акцента с Беринга на Чирикова в комментарии к оде Ломоносова могло быть вызвано и идеологическими причинами. Т. В. Воробьева отмечает, что в 1950-е гг., «как только началась “холодная война”, партийная линия потребовала от советских деятелей искусств и ученых отстаивать национальную гордость и прекратить кланяться на Запад. Для историков, изучавших Камчатские экспедиции, это означало сфокусировать свое внимание на истинно русских главных героях» [6, с. 47]. Примечательно, что в другом, более позднем издании оды Ломоносова (Библиотека поэта. Большая серия, 1986 г.), в комментариях уже сказано, что под российским Колумбом поэт подразумевал Витуса Беринга [9, с. 504].

Имя Беринга неоднократно встречается в русской поэзии. В конце XVIII или

начале XIX века (точная дата неизвестна) эпитафию ему пишет активный деятель русского Просвещения, поэт М. Н. Муравьев: *Твой остров ждал тебя, о Беринг! средь пучины, / Когда ты отделил две света половины. / Сердитый океан шумит в твоих ногах: / Твоя огромна тень ему наводит страх* (Муравьев М. Н. «К славному мореходцу Берингу»).

В этом произведении не только звучит фамилия Беринг, но и упоминается остров Беринга, на котором умер и был похоронен мореплаватель. Говоря о том, что Беринг «отделил две света половины», поэт имеет в виду окончательно установленный экспедициями Беринга факт наличия пролива между Азией и Америкой.

В 1839 году это же событие упоминает поэт А. Н. Майков: *Котлом моря вскипали под судами, / И Беринга могучий руль рассек / Льдяную грань между двумя мирами* (Майков А.Н. «Чудный век»).

Почти столетие спустя советский поэт И. Л. Сельвинский упоминает Беринга в стихотворении «Охота на нерпу» (1932). Это стихотворение входит в книгу «Тихоокеанские стихи», написанную под впечатлением от путешествия с экспедицией О. Ю. Шмидта на пароходе «Челюскин». В дрейфе и зимовке поэт не участвовал, зато прошел с чукчами на собаках по тундре и льдам Северного ледовитого океана до мыса Дежнева.

Начинается стихотворение «Охота на нерпу» следующими строчками: *Угрюм и сумрачен обросший шумом берег. / На нем, казалось бы, могла / Ужиться лишь сырая мгла. / Но двести лет здесь обитает имя – Беринг, / И мнится сумрак дождевой / Его кудлатой головой* (Сельвинский И. Л. «Охота на нерпу»).

Сельвинский создает поэтический портрет Беринга «с кудлатой головой». На момент написания стихотворения был известно только два предполагаемых портрета знаменитого мореплавателя. Один был опубликован в 1912 г. в седьмом томе «Истории русской армии и флота» (рис. 1.).

Рис. 1. Предполагаемый портрет В. Беринга, опубликованный в 1912 году.

Источник: <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000096/st003.shtml>.

Позже было доказано, что это не Витус Беринг, а некий старший офицер инженерных войск времен Павла I [7]. Поскольку медальон с изображением хранился у родственников Беринга, возможно, это – его потомок, может быть, даже внук Христиан, который тоже был офицером русского флота и в 1794 г. участвовал в экспедиции Биллингса – Сарычева, повторив путь деда.

Второй портрет появился в 1916 г. в книге Жюль Верна «Завоевание Земли» под

редакцией и с дополнениями Н. К. Лебедева. Подпись под ним гласила: «Мореплаватель Беринг. С картины английского художника Джона Милле». Никаких ссылок и объяснений в книге не было [16]. Возможно, прототипом Беринга с портрета 1916 г. послужил моряк, изображенный на картине Милле «The North-West Passage» («Северо-Западный проход»). Северо-Западный проход – это судоходный проход вокруг северной части американского континента, между Канадой и Арктикой, который безуспешно пытались найти британские экспедиции. Одна из них – под руководством Джона Франклина, – предпринятая в 1845 г., закончилась трагически: из нее никто не вернулся.

Герой картины Милле – пожилой моряк, ветеран одной из экспедиций по поиску Северо-Западного прохода (рис. 2.). Сидящая у его ног дочь читает бортовой журнал, на столе разложена карта побережья Канады, составленная во время экспедиций Роберта МакКлюра в 1848 – 1853 гг., на стене висит картина, на которой изображен попавший в ледяную ловушку корабль [19]. Возможно, сходство судеб и направлений поисков отважных мореплавателей стало причиной того, что моряк с картины Милле превратился в Витуса Беринга.

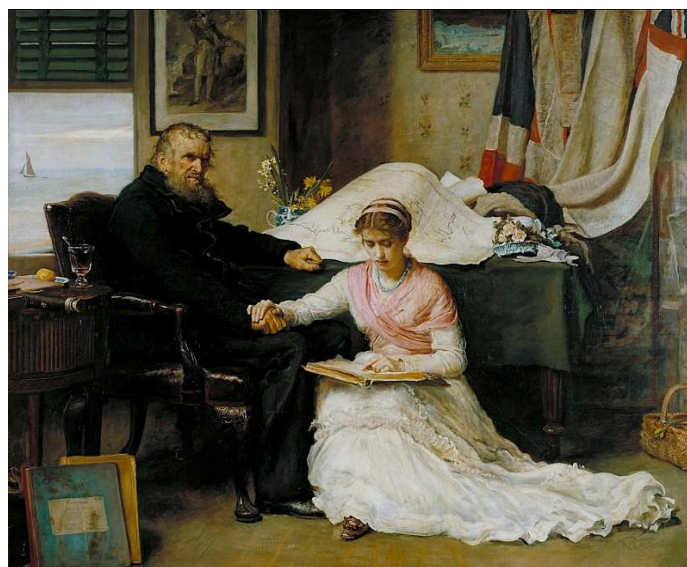

Рис. 2. Д. Милле. Северо-Западный проход (1874).

Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/The_North-West_Passage.

В 1945 году у проживающей в Москве родственницы Беринга в десятом поколении Евдокии Трегубовой обнаружился портрет, долгое время считавшийся каноническим (рис. 3.). Этот портрет был помещен в учебники, напечатан на марках, запечатлен в скульптурах. Но и на нем оказался изображен не капитан-командор, а, по одной из версий, его тезка – датский поэт Витус Педерсен Беринг, дядя мореплавателя; по другой, – кто-то из рода Берингов (возможно, отец Витуса или его сводный брат Свен) [8].

Только после экспедиции на Командорские острова, которая состоялась в 1991 г., и эксгумации останков похороненных там мореходов методом пластической реконструкции был восстановлен истинный облик Беринга (рис. 4.).

Рис. 3. Портрет Беринга, обнаруженный в 1945 г.
Источник: <http://discover-history.com/explorers/Bering-Vitus-Jonassen.htm>.

Рис. 4. Витус Беринг. Реконструированное изображение.
Источник: https://www.kamlib.ru/resources/full_text_search/vydayushchiesya-lichnosti-v-istorii-kamchatki/detail/bering-vitus-yonassen/

Конечно же, всей этой поистине криминальной истории Илья Сельвинский знать не мог. Возможно, он не видел и первого предполагаемого портрета. Он создал своего Беринга. «Кудлатая голова» – очень выразительная деталь, по которой восстанавливается целостный образ. Это человек, волосы которого развеивает ветер. Человек, который противостоит стихии. Человек, облик которого запомнила сама природа.

Спустя несколько лет после Сельвинского стихотворения о Беринге пишет другой советский поэт С. Н. Марков. Он был не только поэтом, но и историком, географом, путешественником, этнографом, членом Географического общества СССР, занимался поиском и исследованием материалов об открытиях на Тихом океане, принадлежащим русским мореплавателям и землепроходцам. В 1939 г. Марков пишет стихотворение «Мореходы в Устье Великом». Великий Устюг является родиной

многих выдающихся мореходов и землепроходцев, сыгравших заметную роль в освоении Сибири и Аляски, среди которых Владимир Атласов, Семен Дежнев, Василий Шилов, Михаил Булдаков. В XVII веке город переживал свой расцвет, поскольку находился на Северо-Двинском водном пути. Известно, что во время Первой Камчатской экспедиции Чириков, а затем и Беринг прибыли в Вологду, а из нее отправились в Тобольск. По пути они миновали Великий Устюг. В стихотворении Маркова есть такие строки: *Незадаром дальний берег / Спит, закутавшись в туман, / Господин наш Витус Беринг, / Смотрит зорко в океан. / Кто сказал, морские друзья, / Что померк орлиный взор / И сложил навеки руки / Наш великий командор? / Скоро снова дальний берег, / Ледяной высокий вал. / Командор наш Витус Беринг / Никогда не умирал! / Жемчугами блещут зубы, / Будто в тот приметный год / Командор в медвежьей шубе / Вдоль по Устюгу идет* (Марков С. Н. «Мореходы в Устюге Великом»).

В 1940 г. Марков пишет еще одно стихотворение – «Конец Беринга». Лейтмотивом текста является образ песцов: *Ботфорты Беринга глодали, / Ворча, дрожащие песцы; И звери вновь к цинготным ранам / Ползут, пригнувшись и скуля; Златая кисть с петровской шпаги / – В зубах голодного песца* (Марков С. Н. «Конец Беринга»). Как отмечает один из исследователей, песцы «на командорском берегу житья не давали изможденным от болезней и невзгод людям. <...> горазды были грызть и сонного, цапнуть его за нос. Растаскивали одежду, шапки, рукавицы, необходимейшие в быту мелкие вещи, с каждым днем все более наглежа» [14]. Участник экспедиции, немецкий ученый Георг Стеллер, писал: «...я работал под открытым небом и не мог уйти от приливов и от огромных стай песцов, которые все разрывали и тащили из-под рук. Когда я рассматривал животных, они успевали украсть бумагу, книги, чернильницу» [Цит. по: 14]. Людям противостояли не только масштабные природные силы – море, ветер, холод, но и назойливые мелкие животные. Их образ становится в стихотворении символом невзгод, которые постоянно приходилось преодолевать морякам. И по контрасту с ним выписана фигура Беринга – отважного командора, преданного России, Петру I и своему делу: *Он говорил: «Я смерть приемлю / Под небом страшным и седым, / Я зрел неведомую землю, / Вулканов раскалённый дым* (Марков С. Н. «Конец Беринга»). В тексте воссозданы последние дни Беринга, который умирал, замерзая, в земляной яме, заносимый песком, у останков своего корабля: *В огне – то жёлтом, то багряном – / Трещат останки корабля. / С песчаного поднявшись ложа, / Томясь и греясь у костра, / Промолвил Беринг: «Дай мне, боже, / В последнем сне узреть Петра! <...> – Не в силах смерти побороть я, / Темнеет ледяная гладь, / И даже – мёрзлые лохмотья / Нельзя от рёбер отодрать!* (Марков С. Н. «Конец Беринга»). Казалось бы, Беринг не сломлен. Он понимает, что он и его команда сделали большое дело и жизнь их прошла не напрасно: *Мы в снежном прахе распростерты, / Но путь в Ост-Индию открыт, / И пусть от моего рапорта / Бледнеет горделивый бритт!* (Марков С. Н. «Конец Беринга»). И все же смертная тоска сжимает сердце командора: *Но сердца не могу согреть я... / Исчезло всё – костёр и снег. / И неизбежного бессмертья / Страшится бранный человек!* (Марков С. Н. «Конец Беринга»).

В 1956 г. имя Беринга появляется в стихотворении поэтессы Ю. П. Мориц «Мыс Желания». Мыс Желания – это мыс на северном острове архипелага Новая Земля. Стихотворение вошло в одноименную книгу стихов, написанную под впечатлениями от путешествия по Арктике. В интервью «Российской газете» в 2012 г. поэтесса так говорит об этом: «В Арктике я плавала летом 1956 года на ледокольном пароходе “Седов”, было мне 19 лет. Я никогда не забываю людей той Арктики, где я видела совсем другой образ жизни, не материковый, без никаких магазинов, улиц, кинотеатров, там жизнь зависела от радистов, от радиации, навигации, авиации, ледовой разведки, там космос – внутри человека. В зеркале Арктики видно, кто ты есть и какова цена твоей

личности, твоих поступков, твоего ума и таланта быть человеком. Чувство Арктики – это подарок судьбы, особенно в 19 лет, это – божественное богатство и морозоустойчивость к “общественным мнениям”» [5].

Заканчивается стихотворение Ю. П. Мориц такими строчками: *Цветы примеряет кокетливый берег – / С молоденьким морем идет под венец. / А я – как матросик, которого Беринг / По мысу пройти отпустил наконец* (Мориц Ю. П. «Мыс желаний»). Возможно, поэтесса отсылает нас к тому факту, что, достигнув Аляски, Беринг после долгих раздумий и сомнений отпустил людей на берег всего на несколько часов, а потом приказал сняться с якоря и отправиться в обратный путь. Георг Стеллер, которого Беринг как раз не хотел отпускать с корабля, писал: «Время, затраченное на исследования, находилось в таком соотношении ко времени подготовительных работ: десять лет было затрачено на приготовление к этой великой задаче – и десять часов на саму работу» [18].

Последний из обнаруженных нами поэтических текстов, в которых упоминается имя Беринга, – это стихотворение А. П. Цветкова «Я фита в латинском наборе...». В 1975 году поэт эмигрировал в США, а в 1978 написал этот текст. Лирический герой стихотворения так воспринимает свое положение в мире: *Я не Лот спиной к Содому, / Что затылочной костью слеп. / Я трава поверникдому, / Вспомни друга, преломилхлеб. / Но слеза размывает берег, / Я кружу над чужой кормой, / Алеутская птица Беринг, / Позабывшая путь домой* (Цветков А. П. «Я фита в латинском наборе...»). Это исповедь лирического героя, который чувствует себя чужим в том пространстве, в котором он оказался. И одним из символов трагической судьбы человека, потерявшего путь домой, становится Беринг.

Подводя итоги обзору поэтических текстов, можем сказать, что Великая северная экспедиция представлена в лирике как грандиозное мероприятие, каковым она, собственно, и была. Масштаб действий показан при помощи образов, отсылающих нас к архетипическим моделям. Подтверждение наличия пролива между Азией и Америкой – это проложенная Берингом грань между двумя мирами. Сам командор – это почти бог и, вне всякого сомнения, культурный герой. В поэтических текстах он предстает как внушительная фигура, великий мореплаватель, совершивший подвиг во славу науки, имя которого увековечено в истории. Другая его ипостась – трагический образ человека, погибающего вдали от родины и родных людей, тоскующего о доме.

Обратимся к кинематографу. В 1969 году советский кинорежиссер Юрий Швырев приступил к съемкам фильма «Баллада о Беринге и его друзьях». Авторами сценария выступили известный писатель и литературовед Виктор Шкловский, который произносит вступительное слово в начале фильма, актер, педагог, режиссер Иосиф Осипов и сам Юрий Швырев.

В фильме показаны события, разворачивающиеся во временной промежуток с 1725 по 1745 годы. В центре картины три основных персонажа – Витус Беринг, которого сыграл латышский актер Карлис Себрис (рис. 5.), Алексей Чириков в исполнении Юрия Назарова и Дмитрий Овцын, воплощенный на экране Игорем Ледогоровым.

В начале фильма тяжелобольной император Петр I отправляет Беринга и Чирикова «определить края России». Овцыну предстоит «положить на карту берег по Ледовитому морю».

Первая Камчатская экспедиция в кинокартине не показана подробно. В балладном стиле о ней рассказывает за кадром мастер художественного слова Дмитрий Журавлев: «Корабли плыли. Они прошли пролив, который теперь называют Беринговым. И командор Беринг увидел там льды, которые шли ему навстречу. Их гнали течение и ветер из другого моря. Беринг ужаснулся льдов и сказал: “Надо вернуться”. И они поплыли назад. А земля американская была в сорока верстах пути, скрытая

туманом. Они проплыли мимо огненных гор Камчатки и вышли на промерзший берег Охотского моря» [здесь и далее цит. по: 2].

Рис. 5. Кадр из фильма «Баллада о Беринге и его друзьях».

Источник: <https://www.culture.ru/events/381114/programma-mir-kino-ballada-o-beringe-i-ego-druzyakh>

По древнему морскому обычаю команда Беринга идет в храм, чтобы отслужить благодарственный молебен. Этот молебен снимали в Суздале. Режиссер Юрий Швырев впоследствии писал: «Прекрасно помню деревянную Никольскую церковь в кремле возле которой я зимой 1970 года мерз вместе с киногруппой по поводу фильма «Баллада о Беринге и его друзьях» – мне нужен был погост и деревянная церковь на погосте. <...> вот эта суздальская церковка была избрана нами для показа крутых драматических поворотов российской истории XVIII века и отваги русских первопроходцев» [3, с. 77].

В Петербург Беринг и Чириков возвращаются уже к новому правителю, а вернее правительнице – Анне Иоанновне, которую сыграла Нонна Мордюкова. Посмотрев на карты, императрица удивляется: «А вот зачем мне так много воды, такие большие океаны?» – «Для торговли и славы», – отвечает ей Беринг.

Беринг в исполнении Карлиса Себриса спокоен, рассудителен, полон собственного достоинства, при этом внимателен к людям и очень нежен с женой, которую сыграла еще одна замечательная актриса Вия Артмане.

В разговоре императрицы и мореплавателей упоминается Дмитрий Овцын. Его судьба показана в фильме как очень драматическая. Будучи Рюриковичем, а также другом и родственником опальных Долгоруковых, Овцын не угоден новой власти. Игорь Ледогоров на киноэкране воплощает образ человека чести, принципиального, смелого, готового пожертвовать собой ради других.

Еще одна любовная линия в фильме – взаимоотношения Овцына и ссыльной княжны Екатерины Алексеевны Долгоруковой. Ради нее Дмитрий, не боясь гнева императрицы, приезжает в Березово. Ее честь отстаивает, столкнувшись с мерзким чиновником Тишиным, бюрократом и карьеристом (его сыграл Леонид Куравлев). В результате Овцын арестован, предан суду, разжалован в матросы. В фильме его вызволяет из тюрьмы Алексей Чириков.

Чириков в исполнении Юрия Назарова внешне сдержан, немногословен, решителен и тверд. Чувствуется, что герой обладает живой душой, горячим сердцем. Главное для него – служение Родине и верность друзьям.

Беринг, Чириков и Овцын отправляются во Вторую Камчатскую экспедицию. И снова Дмитрий Журавлев повествует о происходящих событиях: «Опять идут люди, посланные волею Петра. Разбужен весь полярный край от Архангельска до Колымы. Двенадцать лейтенантов флота идут сейчас по рекам, зрящим на север».

В фильме показано строительство порта – будущего Петропавловска. Здесь появляется еще один важный персонаж – ученый Георг Стеллер, которого сыграл Валентин Никулин. Дальнейшее повествование об экспедиции доверено ему, цитируются записи Стеллера из «Дневника путешествия из Камчатки в Америку».

В фильме показаны все драматические моменты Второй Камчатской экспедиции под руководством Беринга: потеря корабля «Святой Павел», гибель матросов, столкновение Беринга и Стеллера при достижении Аляски, болезнь Беринга, обратный путь, зимовка на необитаемом острове, смерть Беринга.

Роль острова Беринга в фильме «сыграла» Капсельская долина на побережье Черного моря. Об этом вспоминает один из местных жителей: «Фильм снимали в Капсельской долине уже глубокой осенью. Поэтому, те, кто участвовал в массовке и кто изображал матросов, выходящих на берег по пояс в воде, надевали специальные резиновые костюмы аквалангистов – а уже потом одежду.

Мы приходили смотреть, как снимаются эпизоды фильма, почти каждый день. Особенно запомнилась сцена на обрыве, когда Беринга выносят на носилках, чтобы посмотреть на землю. <...>

Возле небольшого здания бани в нашем военном городке стояло два больших макета корабля, крытых брезентом. <...> Это были две предельно точные копии настоящих кораблей. Один был большой – примерно метра полтора–два длиной. Второй поменьше. Там все было, как настоящее – пушки, мачты, паруса, штурвалы...» [12].

В качестве консультанта в картину был приглашен сотрудник Центрального военно-морского музея А. Л. Ларионов, имевший опыт научной реконструкции чертежей и моделей парусных судов XVIII – XIX вв. А. Л. Ларионов восстановил облик пакетбота «Святой Петр» на основании сведений из донесений Беринга, вахтенных журналов экспедиции, книгах по судостроению XVIII в. Им были разработаны чертежи, показывавшие внешний вид, разрезы и детали парусника. Роль «Святого Петра» в фильме «сыграла» баркентина «Чайка» постройки 1949 года. «К сожалению, из-за технических трудностей не все планы удалось воплотить в жизнь, даже в существенных вопросах. Известно, что пакетбот «Св. Петр» имел две мачты, а на «Чайке» их было три, и демонтировать третью мачту оказалось невозможно» [1, с. 5].

В фильме показано, как корабль выбрасывает волной на берег. Как Стеллер находит на острове морских котиков, что означает обеспеченность пищей во время зимовки.

С большим трагизмом показана в картине смерть Беринга. «Приказываю вам меня не откапывать из этой земли, покрывшей меня. И эту могилу я сам себе избираю», – говорит он своим людям. А затем просит Стеллера открыть Библию и прочитать ему о страданиях Иова: «Человек рождается для страданий, чтобы, как искра, сгорая, устремляться ввысь». Такой пылающей искрой стал для русской истории Витус Беринг. Такими искрами стали его сподвижники – Чириков и Овцын и многие другие участники Великой Северной экспедиции.

Последнюю волю Беринга Овцын, вернувшись из экспедиции, передает его семье – жене и сыновьям. Анна Беринг с тоской вспоминает: «Помнишь, Митя, эту комнату двадцать лет назад? Вино пили, танцевали. Приходили молодые господа офицеры. Танцевал тут господин Челюскин. Очень красивый человек. И братья Лаптевы приходили с женами. Красавцы! Прончищев здесь танцевал. <...> Где они сейчас, эти господа?» – «Имена их на картах», – отвечает Овцын.

Фильм заканчивается петербургскими сценами. Вернувшиеся из экспедиции Овцын и Чириков встречаются на балу, который дает новая императрица Елизавета Петровна. Чириков болен, его бьет чахоточный кашель. Овцын переживает сердечную драму – на балу его возлюбленная Екатерина Долгорукова, вышедшая замуж за другого. Но несмотря ни на что оба героя не сломлены, верны делу Петра, готовы и дальше самоотверженно служить Отечеству.

Современный кинематограф почти через 50 лет возвращается к героям и событиям Великой Северной экспедиции (рис. 6). В 2018 году состоялась премьера фильма «Первые» (режиссер-постановщик Д. Суворов), в центре которого – история супругов Прончищевых. Картина была снята по мотивам пьесы В. Федорова «Созвездие Марии», весьма далека от реальных событий и содержит ряд хронологических и фактических ошибок. Так, например, Татьяна Прончищева носит в ней имя Мария. Действительно, из-за картографической ошибки на протяжении шестидесяти лет супругу Василия Прончищева именовали неверно, но в 1983 г. было установлено ее настоящее имя и девичья фамилия – Кондырева. А родилась она, как и А. И. Чириков, на Тульской земле.

Рис. 6. Кадр из фильма «Первые».

Источник: <https://www.pravmir.ru/film-pervyie-romantika-severa-podvig-i-lyubov-ldyi-i-vernaya-smert/>

Появляется в фильме и Витус Беринг (его роль исполняет актер Валерий Барinov). Можно отметить, что его образ в картине дегероизирован, снижен, выведен на периферию. Беринг приказывает Прончищеву и Челюскину отыскать самый северный мыс России и поставить там пограничный столб, замечая, что «дело это гибельное». Один из рецензентов пишет: «не дать Берингу ... хотя бы пять слов сказать о масштабе общего дела, за которое все эти люди погибли – это промах, серьезно просаживающий кино» [17]. По замыслу командора, исследования во время Великой Северной экспедиции осуществляли девять отрядов, один из них, Ленско-Енисейский, начавший свою работу в 1735 г., и возглавил Прончищев. Сам же Беринг занимался в это время подготовкой Второй Камчатской экспедиции. В фильме об этом не сказано ни слова. Отправляя Прончищеву и Челюскина на верную смерть, Беринг параллельно устраивает судьбу своей воспитанницы Марии: собирается выдать ее замуж за немолодого и не любимого ею человека (наставника гардемарин Фоварсона). Девушка сбегает практически из-под венца, переодевается в мужское платье и пробирается на дубель-шлюпку «Якутск», которая отправляется в экспедицию. На борту корабля находятся влюбленные в нее Василий Прончищев и Семен Челюскин. На

протяжении фильма Мария выбирает, кому же из них отдать свое сердце. В реальности Татьяна отправилась в экспедицию, уже будучи супругой Василия Прончищева, и ни о каком любовном треугольнике речи быть не могло.

Таким образом, оттолкнувшись от исторических фактов, сценаристы и режиссер создают авантюрно-приключенческую ленту в духе произведений Р. Стивенсона («Остров сокровищ») и Д. Лондона («Сердца трех»), а также фильма «Гардемарины, вперед!» режиссера С. Дружининой. Если в кинофильме Ю. Швырева историю Великой Северной экспедиции инсценировали, бережно относясь к фактам, создавая эпическое повествование о героях, противостоящих природе и несправедливости властей, то в современном фильме на первый план выдвинулся острый сюжет с поиском сокровищ, кровавыми разбойниками, мистическими деталями и любовными перипетиями. Персонажи (Прончищев, Челюскин и Мария) при этом остались героями и патриотами, готовыми пожертвовать жизнью ради великой цели.

Еще один вариант художественной интерпретации истории Великой Северной экспедиции – это исторический комикс В. Серова, вышедший в 2020 г. в издательстве «Мелик-Пашаев». Акцент в книге сделан на фигурах Витуса Беринга, Алексея Чирикова, Георга Стеллера, Свена и Лоренца Вакселей, Саввы Стародубцева. К сожалению, совсем не фигурирует в комиксе Дмитрий Овцын, сыгравший не менее важную роль в экспедиции.

Поскольку издание предназначено для младшего школьного возраста, важная роль в изображенных событиях отводится двенадцатилетнему Лоренцу, самому юному участнику похода. Он смело забирается на мачты, рубит канаты, высаживается на американский берег, зимует вместе с командой на необитаемом острове, помогает Савве строить гукор, на котором оставшиеся в живых члены экспедиции вернутся в Петропавловск. Кстати, именно мальчик в комиксе предлагает назвать порт на Камчатке в честь пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел» (рис. 7.).

В книге Л. М. Пасенюка читаем: «Ваксель брал в экспедицию своего сына Лоренца, чтобы с малых лет приучать его к морю, знакомить с искусством кораблевождения. Жаль только, что впечатления и бесхитростные переживания мальчика не использованы ни отцом в его книге, ни кем-либо из других участников плавания на «Св. Петре». <...>. Только однажды, говоря о том, как мало осталось у них на острове муки и с каким трудом они пекли из нее необыкновенно вкусные лепешки, Ваксель упоминает о сыне: “Мне в особенности приходилось тяжело, так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет Лоренц Ваксель. Ему, конечно, хотелось съесть такую же долю, как и мне; и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получил три ложки этого теста, вечером доставалось всего две ложки”» [14]. В комиксе Лоренц присутствует на каждой странице и часто комментирует происходящее. Можно сказать, что художник восполнил пробел, о котором сожалеет писатель: показал историю Великой Северной экспедиции через восприятие мальчика.

Современные исследователи называют комикс новой формой «упаковки культурных смыслов», медиатекстом, который выполняет ряд важных функций, сопоставимых с функциями мифов и сказок [13]. Закономерно, что рассказ о Великой Северной экспедиции оказался представленным в виде креолизованного текста. «Комиксы работают с усиленными до максимума характеристиками», – пишет Г. Г. Почепцов [15]. Витус Беринг и его сподвижники изображены как супергерои, обладающие сверхспособностями (причем не только взрослые люди, но и двенадцатилетний мальчик): они вступают в схватку с морем, зимой, судьбой – и побеждают.

Рис. 7. Исторический комикс «Витус Беринг. Великая Северная экспедиция».

Источник: <https://www.labirint.ru/books/722027/>

Итак, Великая Северная экспедиция и ее участники вошли не только в русскую историю и науку, но и стали культурными героями, чьи образы и подвиги описаны средствами разных видов искусства, восходят к архетипическим моделям и транслируются в наиболее «готовых» для этого (поэзия) или востребованных современным обществом формах (кино, комикс).

Список источников и литературы

1. *Ананьин А.* Во славу русского флота // Центральный Военно-морской музей имени императора Петра Великого : сайт. Дата размещения: 01.12.2020. С. 5. URL: https://navalmuseum.ru/Files/pdf/1607956185gazeta_39.pdf (дата обращения: 09.02.2022).
2. *Баллада о Беринге и его друзьях* : худож. фильм / реж. Ю. Швырев. Москва: киностудия им. М. Горького, 1970. 97 мин. // Cinematext.ru : сайт. URL: <http://cinematext.ru/movie/ballada-o-beringe-i-ego-druzjah-1970/> (дата обращения: 09.02.2022).
3. *Белов Ю.* «Баллада о Беринге и его друзьях» // В главной роли Суздаль. М.: Алгоритм, 2006. С. 77–79.
4. *Бондарев А. Г.* Чеховский миф в современной поэзии : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Бондарев Александр Геннадьевич. Иркутск, 2009. 194 с.
5. *Мориц Ю.* «Свобода Чарли Чаплина в мою свободу вкраплена!» : разговор с поэтом Юной Мориц о чувстве «пусьриотизма» и о чувстве Арктики / текст И. Виравов // Российская газета : офиц. сайт. Дата публикации: 04.09.2012. URL: <https://rg.ru/2012/09/03/morits-site.html> (дата обращения: 09.02.2022).
6. *Воробьева Т. В.* «Меняющийся облик Витуса Беринга...» Петер Ульф Меллер о российской историографии Витуса Беринга // Всеобщее богатство человеческих познаний : материалы XXX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2013. С. 43–50.
7. *Епишкин С.* Витус Беринг. Загадки биографии // Знание – сила. 2012. № 2. С. 105–111.
8. *Кожемякин В.* Как на самом деле выглядел Витус Беринг? // Аргументы и факты : офиц. сайт. Дата публикации: 17.04.2017. URL: https://aif.ru/dontknows/eternal/kak_na_samom_dele_vyglyadel_vitus_bering (дата обращения: 07.02.2022).
9. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 560 с.

10. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу сибирским океаном в Восточную Индию // Фундаментальная электронная библиотека Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/loo/lo6/lo6-417-.htm?cmd=p> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1279 с.
12. Михайлов С. Баллада о Беринге и его друзьях // Таврида сегодня : [сайт]. Дата размещения: 31.10.2014. URL: www.tawrida.ru/index.php/film/item/475-ballada_o-beringe-i-ego-druzyakh (дата обращения: 05.09.2021).
13. Онкович А. В. Комиксы как форма визуальной медиакommunikации // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 85–93.
14. Пасенюк Л. М. Командоры мои и твои. М.: Молодая гвардия, 1989. 253 с. // Geoman.ru : [интернет-проект]. URL: <http://geoman.ru/books/item/foo/s00/z0000097/st004.shtml> (дата обращения: 12.02.2022).
15. Почепцов Г. Г. Комиксы как медиакommunikации // Psyfactor.org : сайт. URL: <https://psyfactor.org/lib/media-communication-8.htm> (дата обращения: 11.02.2022).
16. Сенкевич Ю. А. Их позвал горизонт // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/125492> (дата обращения: 09.02.2022).
17. Сова К. Фильм «Первые»: романтика Севера, подвиг и любовь, льды и верная смерть // Правмир : сайт. Дата размещения: 06.06.2018. URL: <https://www.pravmir.ru/film-pervyye-romantika-severa-podvig-i-lyubov-ldyi-i-vernaya-smert/> (дата обращения: 11.02.2022).
18. Мелекесцев И. В. Г.-В. Стеллер и Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга : [предисловие] // Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. Петропавловск-Камчатский, 2011. // DrevLit.ru : библиотека древних рукописей. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1740-1760/Steller_G_W/Kamtschatka_1/pred.php (дата обращения: 05.02.2022).
19. Ian R. Stone. «The North-West Passage» by Sir John Millais // Polar Record. 1986. Vol. 123, Issue 142. P. 81–84. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247400006860>.

References

1. Anan'in, A 2020, 'Vo slavu russkogo flota' (For the glory of the Russian fleet), *Tsentral'nyy Voenno-morskoy muzey imeni imperatora Petra Velikogo*, 1 December, viewed 09 February 2022, https://navalmuseum.ru/Files/pdf/1607956185gazeta_39.pdf (In Russ.)
2. *Ballada o Beringe i ego druž'yakh* (Ballad about Bering and his friends), viewed 09 February 2022, <http://cinematext.ru/movie/ballada-o-beringe-i-ego-druzjah-1970/> (In Russ.)
3. Belov, Yu 2006, 'Ballada o Beringe i ego druž'yah' (Ballad about Bering and his friends), *V glavnoy roli Suzdal'* (Starring Suzdal'), Algoritm Publ, Moscow, pp. 77–79 (In Russ.)
4. Bondarev, AG 2008, *Chehovskiy mif v sovremennoy poezii* (Chekhov's myth in modern poetry), Krasnoyarsk (In Russ.)
5. Virabov, I 2012, «Svoboda Charli Chaplina v moyu svobodu vkraplена!» *Razgovor s poetom Yunnoy Morits o chuvstve «pus'riotizma» i o chuvstve Arktiki* ("The freedom of Charlie Chaplin is interspersed with my freedom!" Conversation with the poet Yunna Moritz about the feelings of "pussyriotism" and about the feelings of the Arctic), viewed 09 February 2022, <https://rg.ru/2012/09/03/morits-site.html> (In Russ.)
6. Vorob'yeva, TV 2013, «Menyayushchiysya oblik Vitusa Beringa...» Peter Ul'f Meller o rossiyskoy istoriografii Vitusa Beringa' ("The Changing Image of Vitus Bering..." Peter Ulf Meller on Vitus Bering's Russian Historiography), *Vseobshcheye bogatstvo chelovecheskikh poznanii: materialy XXX Krasheninskikh chteniy* (General Wealth of Knowledge Consumers: Proceedings of 30th Krashenin readings), Petropavlovsk-Kamchatskiy, pp. 43–50 (In Russ.)
7. Epishkin, S 2012, 'Vitus Bering. Zagadki biografii' (Vitus Bering. Mysteries of biography), *Znaniye – sila* (Knowledge is power) no 2. pp. 105–111 (In Russ.)

8. Kozhemyakin, V 2017, 'Kak na samom dele vyglyadel Vitus Bering?' (What did Vitus Bering actually look like?), *Argumenty I fakty*, 16 April, viewed 07 February 2022, https://aif.ru/dontknows/eternal/kak_na_samom_dele_vyglyadel_vitus_bering (In Russ.)
9. Lomonosov, MV 1986, *Izbrannye proizvedeniya* (Selected works), Sovetskiy pisatel' publ, Leningrad (In Russ.)
10. Lomonosov, MV 1763, *Kratkoye opisaniye raznykh puteshestviy po severnym moryam i pokazaniye vozmozhnogo prokhodu sibirskim okeanom v Vostochnuyu Indiyu* (A brief description of various travels in the northern seas and an indication of a possible passage through the Siberian Ocean to East India), viewed 10 February 2022, <http://feb-web.ru/feb/lo-monos/texts/loo/lo6/lo6-417-.htm?cmd=p> (In Russ.)
11. Lomonosov, MV 1959, *Polnoye sobraniye sochineniy v 11 tomakh* (Complete works in 11 volumes), vol. 8, AN SSSR publ, Moscow, Leningrad (In Russ.)
12. Mikhaylov, S 2014, 'Ballada o Beringe i ego druž'yakh' (Ballad about Bering and his friends), *Tavrida segodnya*, 31 October, viewed 05 September 2021, www.tavrida.ru/index.php/film/item/475-balladao-beringe-i-ego-druzyakh (In Russ.)
13. Onkovich, AV 2015, 'Komiksy kak forma vizual'noy mediakommunikatsii' (Comics as a form of media communication), *Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike* (Visual communication in sociocultural dynamics), Kazan University Publ, Kazan, pp. 85–93. (In Russ.)
14. Pasenyuk, LM 1989, *Komandory moi i tvoi* (Commanders, mine and yours), Molodaya gvardiya publ, Moscow, viewed 12 February 2022, <http://geoman.ru/books/item/fo0/so0/z0000097/st004.shtml> (In Russ.)
15. Pocheptsov, GG *Komiksy kak mediakommunikatsii* (Comics as media communications), viewed 11 February 2022, <https://psyfactor.org/lib/media-communication-8.htm> (In Russ.)
16. Senkevich, YuA 1987, *Ikh pozval gorizont* (The horizon called them), viewed 09 February 2022, <https://history.wikireading.ru/125492> (In Russ.)
17. Sova, K 2018, 'Fil'm «Pervye»: romantika Severa, podvig i lyubov', l'dy i vernaya smert' (The film "The First": romance of the North, heroism and love, ice and certain death), *Pravmir*, 06 June, viewed 11 February 2022, <https://www.pravmir.ru/film-pervye-romantika-severa-podvig-i-lyubov-ldyi-i-vernaya-smert/> (In Russ.)
18. Steller, GW 1774, *Opisaniye zemli Kamchatki* (Description of the land of Kamchatka), viewed 05 February 2022, http://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1740-1760/Steller_G_W/Kamtschatka_1/pred.php (In Russ.)
19. Stone, IR 1986, '«The North-West Passage» by Sir John Millais', *Polar Record*, vol. 123, issue 142, pp 81–84. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247400006860>.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2022
Одобрена после рецензирования: 04.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 21.02.2022
Approved after reviewing: 04.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Научная статья

УДК 81'1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-90-96>

ГЕНДЕРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ РИТУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

**Никита Александрович
Найдич**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, nikitanaidich@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сакральных текстов в контексте гендерной лингвистики. Работа состоит из анализа и сравнения гендерной направленности восточнославянских обрядов и заговоров концептов «Здоровье», «Любовь», «Семья», «Промысел». Объектом исследования являются гендерные лингвокультурные особенности ритуальных текстов. Цель исследования заключалась в том, чтобы доказать, что обрядовые тексты, а также концепты сакрального дискурса, имеют разную гендерную направленность. Задачи исследования: 1) отобрать языковой материал для лингвокультурного анализа; 2) рассмотреть ритуальные тексты и их концепты на наличие гендерной ориентации; 3) проанализировать языковые особенности обрядов и сакральных концептов, а также определить их гендерную направленность; 4) сравнить представленные концепты ритуальных текстов. Для анализа гендерной ориентации заговоров и обрядом были использованы сборники ритуальных текстов выдающихся филологов и фольклористов, таких как Майков Л. Н., Виноградов Н. Н., Аникин В. Н. В процессе отбора языкового материала автор ориентировался на следующие показатели: намеренность и гендерная направленность ритуала, ярко выраженные языковые особенности, которые определяют ориентацию текста, а также действия, сопровождающие ритуал. Первоначально были проанализированы заговоры концепта «Здоровья», т.к. большая часть из них гендерно нейтральна. Ритуальные тексты концептов «Любовь» и «Семья» рассмотрены в работе более основательно, т.к. эти обряды ориентированы на женщин. Так, в процессе анализа любовных и семейных заговоров удалось определить средний размер подобных текстов, выявить языковую специфику, а также найти наиболее употребляемые магические слова и действия. Помимо этого, в работе рассмотрены тексты концепта «Промысел», которые направлены на мужчин. Подробный анализ и сравнение гендерной ориентации сакральных концептов и текстов изложены в таблице.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, лингвокультурология, язык, культура, ритуальные тексты, обрядовая лексика.

Для цитирования: Найдич Н. А. Гендерная направленность ритуальных текстов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 90–96. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-90-96>.

Сведения об авторе: Н. А. Найдич – студент факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article

UDC 81'1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-90-96>

GENDER ORIENTATION OF RITUAL TEXTS

Nikita A. Naidich

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, nikitanaidich@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of sacred texts in the context of gender linguistics. The work consists of an analysis and comparison of the gender orientation of the East Slavic rituals and incantations of the concepts "Health", "Love", "Family", "Craft". The object of the study is the gender linguistic and cultural features of ritual texts. The purpose of the study was to prove that ritual texts, as well as concepts of sacred discourse, have a different gender orientation. Research objectives are: 1) to select language material for linguistic and cultural analysis; 2) to examine ritual texts and their concepts for the presence of gender orientation; 3) to analyze the linguistic features of rituals and sacred concepts, as well as to determine their gender orientation; 4) to compare the presented concepts of ritual texts. To analyze the gender orientation of incantations and rites, the paper uses collections of ritual texts by outstanding philologists and folklorists such as Maykov L. N., Vinogradov N. N., Anikin V. N. In the process of selecting language material, the author focuses on the following indicators: the intention and gender orientation of the ritual, pronounced linguistic features that determine the orientation of the text, as well as actions accompanying the ritual. Initially, the author analyzes the incantations of the concept of "Health", as most of them are gender neutral. The ritual texts of the concepts "Love" and "Family" are considered in the work more thoroughly because these rituals are focused on women. Thus, in the process of analyzing love and family incantations, it is possible to determine the average size of such texts, identify language specifics, and also find the most commonly used magic words and actions. In addition, the work examines the texts of the concept "Craft", which are aimed at men. A detailed analysis and comparison of the gender orientation of sacred concepts and texts are presented in the table.

Keywords: gender linguistics, linguoculturology, language, culture, ritual texts, ritual vocabulary.

For citation: Naidich, NA 2022, 'Gender orientation of ritual texts', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 90–96, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-90-96> (in Russ.)

Information about the Author: *Nikita A. Naidich* – Student of the Faculty of Russian Philology and Documentary, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Ритуальная лексика довольно загадочное языковое явление. Тексты, предназначенные для совершения обрядов, заговоров и других магических действий, являются ярким примером взаимоотношения языка и культуры. Ни для кого не секрет, что ритуал являлся неотъемлемой частью жизнедеятельности наших предков. Обрядовые тексты можно поистине считать оберегами и некими защитниками от житейских бед, стихий, а также злых духов.

Сакральные тексты во многом имеют гендерную ориентацию, т.к. некоторые из них предназначены для того или иного пола. Как правило, любовные и семейные заговоры проводились женщинами, тогда как ритуалы для промыслов и ремесел предназначались исключительно для мужчин. В рамках исследования мы выясним, имеют ли ритуальные тексты гендерную направленность или же это, во многом, это связано со стереотипами и предрассудками.

Для этого мы обратились к нескольким сборникам русских заговоров и заклинаний, а именно Майкова Л. Н. «Великорусские заклинания», Виноградова И. И. «Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.», Аникина В. П. «Русские заговоры и заклинания», чтобы отобрать ритуальные тексты для лингвокультурологического анализа.

Критериями для исследования стали следующие показатели:

- Намеренность заговора (для чего задумывается ритуал).
- Гендерная направленность (для какого пола предназначается заговор);
- Языковая специфика (какие особенности характерны для мужских / женских заговоров).
- Действия, производимые в процессе ритуального текста.

Так, для исследования гендерной направленности концепта «Здоровье» мы обратились к таким текстам, как заговоры от головной, зубной боли, ритуалы на кровь, раны и уrazy.

Нам удалось выяснить, что сакральные тексты концепта «Здоровье» не имеют гендерной направленности, т.к. большинство ритуалов предназначается как для женщин, так и мужчин. Но стоит отметить ряд особенностей выбранных текстов. Так, в заговоре от головной боли фигурируют образы трёх сестер, а также два женских имени – Ульяна и Маремьяна. В заговорах на здоровье также присутствуют упоминания о женщинах: «баба», «красная девица», старуха», «царица» и т.д. Стоит отметить, что подобные заговоры тесно взаимосвязаны с христианством, т.к. в некоторых сакральных текстах присутствует образ Пресвятой Богородицы, которая часто ассоциируется в подобных ритуалах с помощницей и защитницей.

Например, *«на камне алатыри Стоит матушка Пресвятая Богородица. Держит иглицу в руках, Зашивает раны семьдесят семь жил и семьдесят жил су-ставов»* [3].

Стоит также отметить, что в большинстве заговоров на здоровье женские образы, имена и символы имеют негативную семантику. Например, *«баба шла, собаку вела. Собака стала, да кровь перестала»* [3]. Или *«шла старуха из царева кабака, испугалась, упала, у ей резва кровь стала»* [3]. На наш взгляд, это связано с бытовыми устоями, где мужчины всегда главенствовали над женщинами. Помимо этого, женские образы являются предвестниками чего-то нехорошего (недугов, катаклизмов и т.д.).

Упоминание о мужчинах в заговорах на здоровье по большей части положительное или нейтральное. Как правило, в подобных ритуалах присутствует образ «батюшки», который связан с образом Бога. Помимо этого, наряду с Пресвятой Богородицей, в заговорах на здоровье присутствуют образы Адама, Иисуса и т.д.

Интересно рассмотреть гендерную направленность любовных ритуалов. Для анализа мы обратились к заговорам на красоту, любовь, от тоски, а также к приговорам, приворотам и свадебным оберегам. Так, нам удалось выяснить, что большинство сакральных текстов концепта «Любовь» обращено к женщинам, нежели к мужчинам, т.к. в них присутствуют местоимения и существительные женского рода. Лишь некоторые любовные заговоры подразумевают мужское участие. Например, в отсушках и отворотах, где мужчина при помощи ритуальных слов и действий старается избавиться от чувств той или иной женщины. Женские любовные заговоры, напротив, направлены на привлечение внимания со стороны мужского пола.

В ходе исследования нам также удалось выяснить, что любовные заговоры, ориентированные на женщин, имеют следующие языковые особенности.

- Большой объем ритуального текста. Так, некоторые заговоры включают в себя более 80-ти слов.
- Употребление уменьшительно-ласкательных форм имён существительных. Например, **белым платочком, приведи человечка** и т.д.
- Употребление имен прилагательных в сравнительной простой степени. Например, **лучше, краше, чище, красивее, милее** и т.д.
- Наличие обособленных обстоятельств. Например, *«Встану я, раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из ворот в ворота»* [10].
- Обилие слов-приложений. Например, **солнышко-батюшка, свекор-батюшко, свекровка-матушка**.
- Присутствие тавтологий и плеоназмов. Например, **тоска тоску тоскует, сухота сухоту сухотует**.

В текстах любовных заговоров присутствуют следующие гендерно ориентированные лексемы, а именно: *женех, муж, жена, невеста, батюшка, матушка, свекор, свекрушка, деверь, золовушка, суседушки*.

Как уже было сказано ранее, мужских любовных заговоров не так много, как женских. Нам удалось установить, что подобного рода ритуальные тексты отличаются по размеру. Так, объем ритуальных текстов, которые предназначены для мужчин, составляет около 30-и слов. Иногда заговоры состоят из нескольких слов. Например, *«сколько копеечек, столько девочек»* [10].

Любовные заговоры тесно взаимосвязаны с ритуальными текстами концепта «Семья». Несмотря на то что подобные сакральные тексты не имеют строгой гендерной направленности, мы понимаем, что именно женщина должна выполнять подобные ритуалы. Во-первых, это связано с работой женщин по хозяйству и дому. Во-вторых, лексика любовных заговоров схожа с языком ритуальных текстов концепта «Семья». Так, в подобных сакральных текстах присутствует большое количество слов-приложений, уменьшительно-ласкательных форм имен существительных, наличие деепричастных оборотов и т.д.

В отличие от предыдущих ритуальных концептов, заговоры на промыслы (рыбную ловлю, охоту, собирание и т.д.), наоборот, имеют мужскую гендерную направленность. Бо́льшее количество текстов достаточно небольшое по своему содержанию, как правило, весь заговор состоит из 1-2-х предложений. Например, *«дай, господи, мне грибов наломать полную корзину»* [9]. Помимо этого, в промысловых заговорах, на наш взгляд, присутствует большое количество глаголов настоящего времени. Например, *«чтобы была рыба, в Великий четверг рыбаки лезут с батогом на князек избы, привязывают веревкой лапоть к батогу и черпают. При этом говорят: «Ловись, рыбка, как лапоть поймается»»* [10].

Таким образом, мы можем сказать, что сакральные тексты, во многом, гендерно ориентированы, т.к. ритуальные концепты подразумевают участие того или иного

пола. Так, например, в концепте «Промысел» наблюдается строгая мужская гендерная направленность, в отличие от концептов «Любовь» и «Семья», где заговоры, в основном, ориентированы на женщин. Концепт «Здоровье», на наш взгляд, является гендерно нейтральным.

Результаты исследования также изложены в виде таблицы 1:

Таблица 1

**Анализ и сравнение гендерной направленности
сакральных концептов и ритуальных текстов**

Критерии	Заговоры на здоровье	Любовные заговоры, привороты, отвороты, отсушки	Семейные заговоры	Сакральные тексты концепта «Промысел»
Гендерная ориентация	Нейтральная.	В большинстве случаев любовные заговоры ориентированы на женщин. Но, есть ряд ритуалов, которые ориентированы на мужчин.		Строгая мужская гендерная направленность.
Языковые особенности	Присутствие женских образов, имен, как правило, в негативном контексте. Присутствие мужских образов, имен, как правило, в позитивном контексте.	Большой объем текста. Уменьшительно-ласкательные формы имен существительных. Имена прилагательные в сравнительной простой степени. Тавтологии и плеоназмы. Обособленные обстоятельства.		Небольшие объемы текстов. Как правило, 1 – 2 предложений. Употребление глаголов в повелительном наклонении. Иногда грубая лексика.
Действия, проводимые в процессе ритуалов	Проговаривание магических слов. Иногда встречаются действия с веществами (вода, земля и т.д.), крупами и иными предметами.	Проговаривание магических слов. Выполнение действий, связанных с различными предметами (напр., кувшин с водой, серебро и т.д.) в процессе проговаривания.		Проговаривание магических слов.

Исходя из представленной таблицы, мы видим, что сакральные концепты гендерно неоднородны. Так, заговоры на здоровье нейтральны, хотя в некоторых подобных текстах встречаются женские образы негативной семантики. Любовные и семейные обряды, в большинстве случаев, ориентированы на женщин. На это указывают размеры ритуальных текстов, характерные языковые особенности, а также местоимения женского рода. Но, несмотря на это, некоторые любовные заговоры ориентированы на мужчин. Например, отсушки. Ритуальные тексты концепта «Промысел» подразумевают мужское участие.

Итак, мы проанализировали и сравнили сакральные концепты и ряд ритуальных текстов для того, чтобы доказать, что восточнославянские обряды и заговоры гендерно ориентированы. В большинстве концептов ритуалы подразумевают мужское или женское участие. Исключением стали только заговоры концепта «Здоровья». На наш взгляд, гендерная направленность ритуалов связана с культурными установками и устоями восточных славян, у которых существовала строгие правила ведения хозяйства и распределения ролей в обществе.

Список источников и литературы

1. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосемиотика сакральности: знак, слово, текст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1. С. 80–87.
2. Токарев Г. В., Токарева И. Ю. Введение в лингвокультурологию : учебник. Тула: ТППО, 2016. 172 с.
3. Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 1-3. Санкт-Петербург: тип. М. М. С. (т-ва И. Н. Кушнерев и К⁰), 1907–1910.
4. Войченко В. М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1. С. 64–70.
5. Демешкина Т. А., Толстова М. А. Концепция диалектного словаря гендерно маркированной лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (215). С. 17–24.
6. Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. 2012. № 3. С. 5–11.
7. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, 1996. С. 90–93.
8. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. Санкт-Петербург: тип. Майкова, 1869. 164 с.
9. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций Московского государственного университета 1953–1993 гг. / под ред. проф. В. П. Аникина. Москва: Изд-во МГУ, 480 с. URL: <https://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci%26pub/rzz.htm> (дата обращения: 10.12.2021).
10. Салимова Л. М. О лингвокультурном концепте «Любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). С. 173–175.
11. Тарасенко О. Н., Чеботарев Е. Г., Улитин Д. А. «Гендер» как основополагающий концепт в структуре языковой картины мира // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 2-3 (11). С. 101–102.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
13. Трошина Н. Н. Лингвокультурология и антропоцентрическая парадигма // Языковое бытие человека и этноса. 2011. № 18. С. 226–229.
14. Шевченко М. Н. Гендерные исследования в лингвистике // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 44. С. 131–134.

References

1. Astafurova, TN & Olyanich, AV 2009, 'Lingvosemiotika sakral'nosti: znak, slovo, tekst' (Lingua-Semiotics Of Sacredness: Sign, Word, Text), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanije* (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics), no. 1. pp. 80–87. (in Russ.)
2. Tokarev, GV & Tokareva, Iu 2016, *Vvedenie v lingvokul'turologiiu: uchebnik* (Introduction to cultural linguistics: textbook), TPPO Publ, Tula. (in Russ.)
3. Vinogradov, NN 1907–1910, *Zagovory, oberegi, spasitel'nye molitvy i proch.* (Incantations, amulets, saving prayers, etc.), nono. I–III, Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniy publ, Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K⁰ publ, St. Petersburg. (in Russ.)

4. Voychenko, VM 2009, 'Otrazhenie gendernykh stereotipov v iazyke i kul'ture' (On reflection of gender stereotypes in language and culture), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Jazykoznanije (Science Journal of Volgograd State University. Linguistics)*, no. 1. pp. 64–70. (in Russ.)
5. Demeshkina, TA & Tolstova, MA 2021, 'Kontseptsia dialektnogo slovaria genderno markirovannoi leksiki' (The concept of a dialect dictionary of gender-specific lexis), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TSPU Bulletin)*, no 3 (215), pp. 17–24. (in Russ.)
6. Konovalova, NI 2012, 'Traditsionnaya narodnaya kul'tura v zerkale iazyka' (Traditional folk culture in the mirror of the language), *Filologicheskii klass (Philological Class)*, no 3, pp. 5–11. (in Russ.)
7. Kubriakova, ES 1996, 'Kontsept' (Concept), *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov (Concise Dictionary of Cognitive Terms)*, Moscow, pp. 90–93. (in Russ.)
8. Maykov, LN 1869, *Velikorusskiye zaklinaniya (Great Russian incantations)*, St. Petersburg. (in Russ.)
9. Anikin, VP (ed) 2021, *Russkiye zagovory i zaklinaniya. Materialy fol'klornykh ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta 1953–1993 gg. (Russian incantations and spells. Materials of folklore expeditions of the Moscow State University in 1953–1993)*, viewed 10 December 2021, <https://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci&pub/rzz.htm> (in Russ.)
10. Salimova, LM 2014, 'O lingvokul'turnom kontsepte «Liubov»' v russkoi iazykovoi kartine mira' (About linguocultural concept "Love" in Russian language world picture), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philology. Theory & Practice)*, no 2 (32), pp. 173–175. (in Russ.)
11. Tarasenko, ON Chebotarev, EG & Ulitin, DA 2015, "Gender" kak osnovopolagayushchiy kontsept v strukture yazykovoy kartiny mira' ("Gender" as a fundamental concept in the structure of the linguistic worldview), *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh*, no 2-3 (11), pp. 101–102 (in Russ.)
12. Teliya, VN 1996, *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects)*, Shkola 'Yazyki russkoy kul'tury' publ, Moscow. (in Russ.)
13. Troshina, NN 2011, 'Lingvokul'turologiya i antropotsentricheskaya paradigma' (Linguoculturology and anthropocentric paradigm), *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa*, no 18, pp. 226–229. (in Russ.)
14. Shevchenko, MN 2009, 'Gendernye issledovaniya v lingvistike' (Gender searches in Linguistics), *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 44, pp. 131–134. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.02.2022
Одобрена после рецензирования: 01.03.2022
Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 06.02.2022
Approved after reviewing: 01.03.2022
Accepted for publication: 25.03.2022

Научная статья

УДК 81.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111>

ОБРАЗ КИТАЯ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

**Елена Александровна
Попова¹**

**Наталья Александровна
Богословская²**

^{1, 2} Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия,

¹ rusyaz_lipetsk@mail.ru

² kleopatra2699@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу репрезентантов концепта «Китай» в русской языковой картине мира, что позволяет сделать выводы о восприятии образа данной страны носителями русского языка. В статье был исследован образ Китая в произведениях И. А. Гончарова и А. Н. Вертинского, которые входят в Китайский текст русской литературы. Данные авторы выделяют такие противоречивые характеристики Китая и китайской культуры, как древность, загадочность, таинственность, подчеркивают такие ключевые черты характера китайцев, как трудолюбие, терпение, высокая работоспособность и т.д. В то же время китайская цивилизация противопоставляется европейской, воспринимается русскими как «чужая», непонятная. Кроме того, в статье рассматриваются данные различных лингвистических словарей русского языка (толковых, фразеологических, крылатых слов и выражений, русских народных говоров и др.), отражающих значения фразем, являющихся репрезентантами рассматриваемого концепта: «китайская стена», «китайская грамота», «китайские церемонии», «китайский болванчик» и др.; а также данные «Русского ассоциативного словаря». Авторы статьи анализируют данные проведенного ими лингвистического эксперимента, связанного с выявлением у современных студентов ассоциаций, вызванных стимулами «Китай», «китаец», «китайский», что позволяет судить о специфике восприятия данных лексем представителями русской лингвокультуры и воссоздать целостный образ Китая в сознании носителей русского языка. Тематические группы ассоциаций, выявленные в результате проведенного эксперимента, отражают непосредственную объективацию данного концепта в сознании современных носителей русского языка. В результате эксперимента были выявлены следующие особенности восприятия данной лексики представителями современного российского студенчества: в целом образ Китая, его культура и население имеют в сознании русских людей положительную оценку. Китай воспринимается как страна с древней культурой и историей, с вековыми традициями и развитыми технологиями, оказавшая огромное влияние на мировую промышленность.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, лингвистическая имагология, Китайский текст русской литературы, концепт «Китай», фраземы, прецедентные феномены, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Попова Е. А., Богословская Н. А. Образ Китая в сознании носителей русского языка // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 1 (9). С. 97–111. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111>.

Сведения об авторах: Е. А. Попова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы института филологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

Н. А. Богословская – студент кафедры русского языка и литературы института филологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020 Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42.

Scientific Article

UDC 81.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111>

THE IMAGE OF CHINA IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN SPEAKERS

*Elena A. Popova*¹

*Natalia A. Bogoslovskaya*²

^{1,2} Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia,

¹ rusyaz_lipetsk@mail.ru

² kleopatra2699@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the representatives of the concept "China" in the Russian linguistic world picture, which allows us to draw conclusions about the perception of the image of this country by Russian speakers. The article explores the image of China in the works of I. A. Goncharov and A. N. Vertinsky, which are included in the Chinese text of Russian literature. These authors single out such contradictory characteristics of China and Chinese culture as antiquity, mystery, and enigmatic properties, and emphasize such key traits of the Chinese character as diligence, patience, high productivity, etc. At the same time, Russians perceive Chinese civilization as "foreign", incomprehensible, which opposes it to the European civilization. In addition, the article examines the data of various linguistic dictionaries of the Russian language such as explanatory dictionaries, phraseological dictionaries, dictionaries of idioms and set expressions, Russian folk dialects dictionaries, as well the Russian Associative Dictionary. These dictionaries reflect the meaning of phrasemes that are representatives of the concept under consideration: 'kitayskaya stena' (meaning an insurmountable barrier), 'kitayskaya gramota' (meaning something incomprehensible), 'kitayskiye tseremonii' (meaning tiresome and unnecessary conventions), 'kitayskiy bolvanchik' (meaning a person who passively agrees with others), etc. The authors of the article analyze the data of their linguistic experiment, which is related to the identification of associations among modern students caused by the stimuli "China", "the Chinese", "Chinese". It allowed the authors to judge the specifics of the perception of these lexemes by the representatives of Russian linguistic culture and recreate a holistic image of China in the minds of Russian language speakers. The thematic groups of associations identified as a result of the experiment reflect the direct objectification of this concept in the minds of modern Russian language speakers. As a result of the experiment, the following features of the perception of this lexeme by representatives of modern Russian students were revealed. In general, the image of China, its culture and population are positively assessed in the minds of the Russian people. China is perceived as a country with an ancient culture and history, with centuries-old traditions and advanced technologies, which has had a huge impact on the world's industry.

Keywords: Russian linguistic word picture, linguistic imagology, Chinese text of Russian literature, concept "China", phrasemes, precedent phenomena, associative experiment.

For citation: Popova, EA & Bogoslovskaya, NA, 2022, 'The Image of China in the Perception of Russian Speakers', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (9), pp. 97–106, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111> (in Russ.)

Information about the Authors: *Elena A. Popova* – Professor, Doctor of Philology, Head of the Chair of Russian Language and Literature of the Institute of Philology, Lipetsk State Pedagogical University P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia.

Natalia A. Bogoslovskaya – student of the Chair of Russian Language and Literature of the Institute of Philology, Lipetsk State Pedagogical University P. Semenov-Tyan-Shansky, 42, Lenin Street, Lipetsk, 398020, Russia.

© Popova E. A., Bogoslovskaya N. A., 2022

Введение

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение «образа другой (здесь и далее курсив автора. – Е.П., Н.Б.) культуры, другого народа, этноса, что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках и т.п.) и отражает коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления» [5, с. 63]. Сказанное стало предметом рассмотрения лингвистической имагологии – дисциплины, активно развивающейся в наши дни. С точки зрения лингвистической имагологии можно исследовать как отдельные аллоэтнонимы, в том числе устаревшие (немцы, ляхи, арапы, сарацины и др.) [см.: 5; 12; 13 и др.], так и целые страны (Германия, Польша, Япония, Китай, Франция и др.) [см.: 6; 14 и др.]. Целью данной статьи является описание образа Китая в русской языковой картине мира через анализ репрезентантов концепта «Китай» – фразеологизмов, крылатых выражений (прецедентных феноменов), в состав которых входят лексемы «китайский», «Китай», «китаец»; данных ассоциативного эксперимента; художественных произведений, которые являются составляющими Китайского текста русской литературы. «Возникновение в русской литературе особого “китайского текста” вполне закономерно, поскольку русских людей всегда интересовала соседняя страна, создавшая древнюю богатую культуру» [7, с. 4].

Анализ

В языковой картине мира особую роль играют языковые единицы, обозначающие названия этносов, стран, и производные от них слова. В числе подобных имен собственных особый интерес представляет концепт «Китай». Это обусловлено во многом географической и исторической близостью России и Китая, а также взаимоотношениями этих стран. Кроме того, нельзя не отметить огромное влияние друг на друга двух великих культур: русской и китайской, что также не могло не являться важнейшим фактором восприятия концепта «Китай» носителями русского языка.

Чтобы проанализировать данную лексику, обратимся к употреблению репрезентантов концепта «Китай» и их производных в русской литературе. Китайская тема присутствует в творчестве таких авторов, как И. А. Гончаров, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, В. В. Маяковский, Б. А. Пильняк, А. Н. Вертинский и др.

Обратимся к анализу фрагментов некоторых произведений, чтобы проследить специфику восприятия концепта «Китай» представителями русской лингвокультуры. Как отмечает И. А. Мартынова в статье «Русский текст: концепт Китай», «отличительной особенностью функционирования концепта Китай в русской литературе середины XIX – XX вв. является его эксплицированная оценочность, то со знаком плюс, то со знаком минус, стремление осмыслить Китай как некое alter ego России» [8, с. 292]. Так, в отрывке из романа И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» присутствует следующее описание Китая: *Китай долго крепился, но и этот сундук, с старой рухлядью, вскрылся – крышка слетела с петель, подорванная порохом. Европейец роется в ветоши, достает, что придется ему впору, обновляет, хозяйничает... Пройдет еще немного времени и не останется ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Ключевыми понятиями для анализа восприятия концепта «Китай» в данном отрывке, являются следующие образы: старая рухлядь, ветошь, чудо, тайна, опасность, неудобство. Как видим, Китай воспринимается автором крайне противоречиво. С одной стороны, китайская культура сравнивается с чем-то чуждым европейской цивилизации (присутствует прямая оппозиция Европе, подчеркнутая лексемой «европеец»), устаревшим, но с другой стороны, Китай в данном отрывке предстает как страна экзотическая, полная чудес, тайн, загадок и, следовательно, некоторых опасностей и неудобств. Эти характеристики также по-своему подчеркивают оппозицию

китайской и европейской культур, поскольку Китай описывается как страна непонятная, с совершенно другим укладом жизни.

И. А. Гончаров в своем произведении также отмечает и ключевые качества китайцев как народа, а также специфику жизни населения данной страны: *Народонаселение лезет из Китая врозь, как горох из переполненного мешка, и распространяется во все стороны, на все окрестные и дальние острова <...> Китайцев много везде* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). В данном отрывке подчеркнута многочисленность населения Китая, что также является одной из важнейших характеристик данной страны в глазах представителей других культур и народов, в том числе русского.

Гончаров отмечает и такую, по его мнению, ключевую черту китайцев, как их педантичность, организованность быта: *Известно, что китайцы – ужасные педанты, не признают городом того, который не огорожен; оттого у них каждый город окружен стеной* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Подчеркивается и трудолюбие китайцев, их терпение, аккуратность при выполнении работы: *Китайцы, как известно, отличные резчики на дереве, камне, кости. Ни у кого другого, даже у немцев, не достанет терпения так мелко и чисто выработать вещь <...>* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Сравнение китайцев как работников с немцами, использование усилительной частицы «даже» в этом контексте служат для более конкретной и точной характеристики представителей данного народа: поскольку немецкая нация в русской культуре чаще всего воспринимается как невероятно трудолюбивая, собранная и организованная по отношению к работе, то терпение и трудолюбие китайцев в контексте данного отрывка из романа Гончарова предстает как поистине что-то невероятное и непостижимое для русского человека.

Терпение как отличительную черту китайцев отмечали многие русские: например, В. И. Даль в своем словаре в качестве примера употребления слова *терпенье* приводит пословицу «Китаец терпением берет» [3, с. 402].

И. А. Гончаров так характеризует китайцев как народ: *А нет, конечно, народа смиреннее, покорнее и учтивее китайца <...> здесь я не видал насмешливого взгляда, который бы китаец кинул на европейца: на лицах видишь почтительное и робкое внимание; Китайцы – живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). В данном отрывке в качестве ключевых черт характера китайцев выделяются смирение, покорность и учтивость, а также деятельную натуру, что можно рассматривать как положительную оценку данного этноса.

Однако, несмотря на указанное выше восприятие китайцев представителями русской культуры, в тексте романа И. А. Гончарова все же присутствует оппозиция «они – мы». Подтверждение этому находим в следующих фрагментах произведения: *Их женщины – пока еще так себе, хозяйственная принадлежность: им далеко до львиц* (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Однако данное противопоставление глубже и сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Автор не полностью противопоставляет китайцев русским, он скорее сопоставляет два этих народа, пытаясь найти и проанализировать их основные сходства и различия. Наиболее ярко это проявляется в следующем отрывке: *Здесь представилась мне полная картина китайского народонаселения, без всяких прикрас, в натуре. Знаете ли, чем был поражен мой первый взгляд? Какое было первое впечатление? Мне показалось, что я вдруг очутился на каком-нибудь нашем московском толкучем рынке, или на ярмарке губернского города, вдалеке от Петербурга <...> Разница в подробностях: у нас деготь и лыко – здесь шелк и чай; у нас груды деревянной и фаянсовой посуды – здесь фарфор. Но китайская простонародная кухня обилием блюд, ви-*

дом, воню и затейливостью перещегооляла **нашу** (Гончаров И. А. «Фрегат “Паллада”»). Значимость данного отрывка для нашего исследования состоит в том, что Гончаров одновременно и сравнивает, и противопоставляет китайскую и русскую культуры. Несомненно, в рассматриваемом фрагменте присутствует прямое противопоставление, выраженное лексемами, которые являются средствами выражения семантической категории чуждости: «у нас – здесь», «китайская (кухня) – наша», однако нельзя не отметить и прямое сравнение китайского рынка с русской ярмаркой или базаром. Говоря о деталях, о «подробностях» бытовой зарисовки китайской жизни, Гончаров сам подчеркивает их необычайную значимость для верного восприятия жизни другой культуры и другого народа. В целом можно сказать, что в проанализированных отрывках из романа «Фрегат “Паллада”» прослеживается скорее положительное восприятие концепта «Китай» и его репрезентантов представителями русской культуры.

В 20–40-е годы XX века образ Китая привлекал особое внимание представителей русской эмиграции, находящихся в этой стране. Наиболее яркое отражение эта тема получила в творчестве А. Н. Вертинского, который во многом является последователем восприятия Китая И. А. Гончаровым. В стихотворении «Китай» (1938) Вертинский подчеркивает и «мертвую» культуру Китая, говоря о ней как о культуре былых веков, и в этом сходство описываемого им Китая с характеристикой Гончарова («ветошь», «рухлядь»):

*Над Желтой рекою **незрячее** белое небо,
Дрожат паруса, точно крылья расстрелянных птиц.
И коршун летит и, наверное, думает: «Где бы
Укрыться от этого зноя, от этой тоски без границ?»*

*Да, этой тоски **неживого былого** Китая,
Тоски императоров, **мертвых** династий и сил,
Уснувших богов и безмолвья от края до края,
Где **дремлют века** у подножий **уснувших могил**.*

*А в больших городах, закаленные в мудром талмуде,
Терпеливо торгуют евреи, снуют англичане спеша,
Итальянцы и немцы и разные белые люди –
Покорители мира, купцы и ловцы барыша.*

*Но в расщелинах глаз, но в покорной улыбке Китая
Дремлют тихие змеи и молнии дальних зарниц,
И когда-нибудь грянет гроза, и застонет земля, сотрясая
Вековое безмолвье забытых ненужных гробниц.*

(Вертинский А. Н. «Китай»)

В тексте данного стихотворения сталкиваются противоречивые характеристики Китая. С одной стороны, для описания этой страны используются такие эпитеты, как «неживой», «былой», «мертвых», «уснувших», «забытых» и т.д., что позволяет говорить об определенном отношении лирического героя к культуре Китая: эта страна предстает перед читателями как будто бы застывшей, уснувшей страной прошлого, в которой скрыта таинственная мощь былых времен. Однако общий смысл стихотворения и последнее четверостишие позволяют увидеть в этих строчках и еще один смысл: при кажущейся статичности и безмолвии, в Китае дремлет великая сила, которая способна однажды напомнить о себе. Автор подчеркивает двойственность Китая: при

внешнем смирении и покорности, при наружном спокойствии, эта страна является тайной, до конца не разгаданной, средоточием огромной мощности и силы. В третьем катрене подчеркивается противопоставление китайской цивилизации европейской, что также оттеняет мотив загадочности и непредсказуемости, положенный в основу стихотворения.

Несколько по-другому представлен Китай в стихотворении Вертинского «Шанхай» (1939). Особого внимания заслуживает восьмое четверостишие:

*А усталые тросы надорванных мускулов
Всё влекут и влекут непомерную кладь...
**И как будто всё это знакомое, русское,
Что забыто давно и вернулось опять.***

(Вертинский А. Н. «Шанхай»)

В третьей и четвертой строках данного катрена мы видим прямое сопоставление китайской и российской культур, которое на более глубинном уровне можно воспринимать как сходство общечеловеческого, присущего всем народам и странам. Описывая Китай, Вертинский словно бы воспринимает его специфику не саму по себе, а как одно из проявлений всеобщего, того, что сближает все цивилизации мира и, в частности, Китай и Россию. Таким образом, взгляд Вертинского на Китай, продолжая затронутые Гончаровым темы, несколько отличается от восприятия этой страны и ее жителей в рассмотренных выше отрывках из романа «Фрегат “Паллада”». В стихотворениях Вертинского противопоставление «мы – они» не столь явное и представлено под несколько иным ракурсом. Однако Вертинский, как и Гончаров, видит в Китае необычайную силу, тайну, граничащую с опасностью, загадку и величественную красоту.

Ключевыми для восприятия представителями русской лингвокультуры концепта «Китай» являются выступающие в качестве его репрезентантов фраземы «китайская стена», «китайские церемонии», «китайская грамота», «китайский болванчик», «китайская трава» и др.; прецедентные феномены, включающие в свой состав слова «Китай», «китаец».

Во все толковые словари современного русского языка и во многие фразеологические словари включен фразеологизм «китайская стена». Например, в «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (авторы А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова) значение и происхождение этой фраземы объясняется следующим образом: «**КИТАЙСКАЯ СТЕНА.** *Непреодолимая преграда; полная изолированность от кого-, чего-л.* Фразеологизм восходит к названию колоссальной каменной стены в северном Китае. Было время, когда, достигая десятиметровой высоты и семи метров толщины, она тянулась, защищая Китай от набегов кочевников, на шесть тысяч километров» [1, с. 549]. «Толковый словарь русского языка» в 4-х т. под редакцией Д. Н. Ушакова указывает на стилистическую окраску данной фраземы, что передается пометой *книжн.*, и на то, что она употребляется «в выражениях: отгородиться, отделиться китайской стеной, жить за китайской стеной и т.п. (книжн.) — о полном обособлении, изолированности от внешних влияний [по названию древней стены, отделяющей Китай от Монголии]» [21, стб. 1361]. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова данное устойчивое словосочетание имеет помету «экспрес.» (экспрессивное), что говорит о наличии во фразеологическом значении экспрессивной семы: «Экспрес. Непреодолимая преграда, изолирующая от кого-либо или чего-либо» [22, с. 657]. Главным в семантике рассматриваемой фраземы, согласно словарным данным, являются компо-

ненты значения 'отгороженность', 'обособление', 'изоляция'. Таким образом, китайская стена – это символ отделения от окружающего мира и его влияний, что позволяет рассматривать Китай как своего рода микромир, обособленный от внешних цивилизаций и имеющий свое, скрытое знание, свою культуру, промышленность и традиции.

Фразема «китайские церемонии» в словарях дается с пометами «шутл.» и/или «ирон.», что подчеркивает насмешливый, иронический оттенок ее использования в речи и соответствующее отношение русского народа к церемониям, проявление не любви к ним. Слово «церемония» в составе этого фразеологизма употребляется в переносном значении, которое в словарях толкуется следующим образом: «обычно мн. ч. Разг. Условности в поведении, обращении, свойственные церемонному человеку» [20, с. 644] Ср.: «**Китайские церемонии** (ирон.) — излишняя, жеманная вежливость» [21, стб. 1361]; «**КИТАЙСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ**. Шутл. ирон. Утомительные и ненужные условности; излишние проявления вежливости; бессмысленный этикет. Выражение собственно русское, употребляется со второй половины XIX в. При дворе китайских императоров соблюдались многочисленные правила этикета и церемониала, составлявшие целую науку» [1, с. 613]. Во всех этих случаях в семантике устойчивого словосочетания обращается внимание на компонент излишества, ненужности, подчеркнутой, порой неискренней формальной вежливости.

Еще одним фразеологизмом с прилагательным «китайский» является устойчивое словосочетание «китайская грамота»: «**Китайская грамота** — о чем-л. недоступном пониманию. За книгой с детства, кроме скуки, Он ничего не ощущал, Китайской грамотой — науки, Искусство — бреднями считал. Н. Некрасов, Притча о "Киселе"» [19, с. 52]; «**Китайская грамота** (разг.) — что-н. недоступное пониманию. Самые простые теоремы ему казались китайской грамотой» [21, стб. 1361]; «**Китайская грамота**. Разг. Что-либо трудное или недоступное для понимания. Я всю жизнь мою никогда не писал рецензий, для меня это китайская грамота (Чехов. Письмо В. Ф. Комиссаржевской, 19 янв. 1899)» [22, с. 156]. В составе этого фразеологизма прилагательное «китайский» может заменяться прилагательным «тарабарский», о чем свидетельствуют данные «Большого универсального словаря русского языка» под ред. В.В. Морковкина: «**Китайская (тарабарская) грамота** разг. — о чем-л. совершенно непонятном или о незнакомом, неизученном деле» [11, с. 211]. Поскольку в этом словаре представлены наиболее употребительные слова, составляющие лексическое ядро русского языка, то включенные в него фразеологизмы «китайская (тарабарская) грамота» и «китайская стена» также входят в это ядро. Согласно данным проанализированных словарей, китайская грамота – это нечто непонятное, находящееся за пределами понимания. Наличие такой семантики у фраземы обусловлено тем, что китайский алфавит (китайские иероглифы) очень труден в изучении и непонятен носителям других языков.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова находим следующую словарную статью, посвященную фраземе «китайский болванчик»: «**Китайский болванчик** — 1) уродливая китайская статуэтка; 2) перен. самодовольный и ограниченный человек» [21, стб. 167]. И в прямом, и в переносном значении данное выражение имеет негативную окраску, что подчеркивается такими эпитетами, как «уродливая», «самодовольный» и «ограниченный». Переносное значение достигается путем метафорического переноса признаков с предмета (качающая головой, словно бы кивающая, статуэтка китайского бога) на человека: ограниченный человек, не имеющий своего собственного мнения и лишь соглашающийся с мнением окружающих, становится похож на китайского болванчика, кивающего головой.

В «Большом академическом словаре русского языка» (гл. ред. К. С. Горбачевич) значение этого устойчивого словосочетания толкуется как однозначное и не столь негативно: «Китайский болванчик. Традиционное фарфоровое изделие – сидящая

мужская фигурка с ритмично качающейся головой» [2, с. 83]. В этом словаре отмечается использование этого выражения в сравнении и приводится пример из произведения А. П. Чехова: *Приподняв колени почти до подбородка и схватив их руками, он качается, как китайский болванчик, и сердито глядит в задачник*. Чех. Накануне поста [2, с. 83].

В некоторых фразеологических словарях встречаем такую устаревшую фразу, как «китайская трава», имеющую значение «чай» [22, с. 688]. См. примеры ее употребления в литературе XIX в., которые приводятся во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова: *Что чай!.. — отозвался Бондырев. — Я, ваше высокоблагородие, этой китайской травы в рот не беру* (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы). [Русаков:] *Ну вот, сват, я к тебе пришёл, чем-то ты меня станешь потчевать*. [Маломальский:] *Китайских трав... первых сортов... велим подать* (А. Островский. Не в свои сани не садись) [22, с. 688]. Данный фразеологизм подчеркивает тот исторический факт, что именно из Китая в европейскую культуру, в том числе русскую, пришел такой напиток, как чай. Не случайно слово «чай» является заимствованием из китайского языка.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в словарной статье «китайский», кроме фразеологизмов «китайская стена» и «китайские церемонии», приводятся еще два: «китайская тушь» («сорт черной туши для черчения и рисования») и «китайские тени» («развлечение, состоящее в исполнении сценок при помощи теней, отбрасываемых на транспаранте движущимися фигурками») [21, стб. 1361]. В «Большом академическом словаре русского языка» (гл. ред. К. С. Горбачевич) в словарной статье «китайский» представлен еще ряд устойчивых словосочетаний, среди которых есть такие, как «китайский фарфор» («высший сорт фарфора, изготавливаемого в Китае; изделия из такого фарфора»), «китайский фонарь (фонарик)» («фонарь (фонарик), каркас которого обтянут разноцветной полупрозрачной бумагой»), «китайский чай» («сорт чая, первоначально привозившегося из Китая») [2, с. 83]. Эти устойчивые сочетания свидетельствуют о китайском происхождении данных реалий (веществ, предметов, явлений).

В «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной встречаем следующую словарную статью: **«Китай поднимается. Влад. Неодобр.** Готовится что-то недоброе, приходит несчастье. СРНГ 13, 240» [9, с. 285]. В «Словаре русских народных говоров», на который ссылается этот словарь, есть диалектный фразеологизм «Китай подымается», употребляющийся в следующем значении: «Готовится что-то недоброе, приходит несчастье (говорится при известии о каком-либо большом бедствии)» [18, с. 240]. Это устойчивое выражение дается с пометой **Влад.** (владимирское), оно помещено в словарную статью слова «Китай», означающего «китаец» [18, с. 240].

Данное выражение, имеющее диалектное происхождение, иллюстрирует восприятие Китая и китайцев в русском народном сознании как чего-то недоброго, способного нанести вред, опасного.

Обратимся к анализу прецедентных феноменов русского языка, являющихся репрезентантами концепта «Китай».

В «Школьном словаре крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко приводятся два синонимичных пушкинизма, в состав которых входит лексема «Китай»: *От Перми до Тавриды, / От финских хладных скал / До пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая...* (Пушкин А.С. «Клеветникам России») [10, с. 452]; *От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая* (Там же) [10, с. 453].

Данные прецедентные высказывания употребляются в следующих значениях: «отовсюду, т.е. со всех концов России»; «езде, т.е. по всей России»; «об огромных

просторах России» [10, с. 452]. В данном контексте Китай воспринимается как одна из стран, соседствующих с Россией, в этих строках присутствует иносказательное упоминание Великой Китайской стены (*До стен недвижимого Китая*), а эпитет «недвижного», на наш взгляд, позволяет рассматривать образ Китая в восприятии поэта как синоним чего-то статичного, незыблемого и могучего. Рассказывая в «Начале автобиографии» о своем знаменитом прадеде Ибрагиме Ганнибале, Пушкин упоминает и о том, что после смерти Петра Великого, попав в опалу, Ганнибал был «послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену» [15, с. 79].

В «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л. П. Дядечко приводится прецедентное высказывание *Русский с китайцем – братья навек*, восходящее к началу песни «Москва – Пекин» (слова М. Вершинина, музыка В. Мурадели, 1950) и употребляющееся как «символ дружбы СССР и Китая, теперь о дружбе русского и китайского народов (высок. → ирон.)» [4, с. 398]. При трансформации это выражение употребляется в значении «о единстве, крепкой неразрывной дружбе народов (компоненты – наименования национальностей – переменные)» [4, с. 399].

Обратимся к анализу данных «Русского ассоциативного словаря». Необходимо отметить, что на стимулы «Китай» и его производное «китаец» реакции в словаре не приводятся. На стимул «китайский» в словаре приводится 104 реакции, из них различных – 48, одиночных – 38 и один отказ. Ниже приведен перечень данных ассоциаций и, соответственно, их частота: язык (23), чай (11), фарфор (9), ресторан (8), пуховик (4), японский (4), змей (2), иероглиф (2), немецкий (2), бай (1), барахло (1), бокс (1), ваза (1), вождь (1), город (1), зонтик (1), иероглифы (1), император (1), квартал (1), китайская стена (1), ковер (1), корейский (1), костюм (1), лимонник (1), монах (1), музыкант (1), народ (1), нож (1), пагода (1), папа его (1), платок (1), плащ (1), порох (1), порт (1), посол (1), прищур (1), рис (1), салон (1), сервиз (1), стена (1), суп (1), товар (1), узор (1), чайник (1), чемодан (1), шелк (1), China Town (1) [16, с. 253]. Как видно из частоты возникающих ассоциаций, наиболее распространенными стали реакции «язык», «чай», «фарфор», поскольку эти лексемы напрямую связаны с восприятием китайской культуры и образа Китая носителями русского языка. Реакции «ресторан» и «пуховик», для которых характерна тоже достаточно высокая частотность («ресторан» – 8, «пуховик» – 4), вызваны появлением в России в конце 90-х гг. XX в. ресторанов с блюдами китайской кухни и большого количества товаров из Китая, в частности пуховиков.

Менее частотными оказались такие реакции, как «император», «китайская стена», «змей», «порох», «рис», «сервиз», несмотря на то, что данные слова обозначают понятия и явления, также напрямую связанные с исторической и культурной жизнью данной страны.

Как свидетельствует 2-й том «Русского ассоциативного словаря», реакции «китаец», «Китай», «китайская», «китайская грамота», «китайская стена», «китайские», «китайский», «китайский фарфор», «китайцы», «Китая» были получены на разные стимулы. Проанализируем некоторые из них. Так, реакция «китаец» была вызвана стимулами *желтый* (3), *Азия* (1), *восток* (1), *враждебный* (1), *гиря* (1), *еврей* (1), *индеец* (1), *карате* (1), *мудрый* (1), *негр* (1), *о жизни* (1) [17, с. 333]. Стимул «желтый» объясняется цветом кожи китайцев, т.е. типичной особенностью их внешности; «Азия», «восток» – расположением страны, где проживают китайцы; «еврей», «индеец», «негр» – это названия представителей других национальностей и рас. Японизм «*карате*» свидетельствует о том, что китайцы воспринимаются нашими современниками в связи с боевыми искусствами (Китай, так же как и Япония, является родиной многих боевых искусств). Интересны оценочные прилагательные «*враждебный*» и «*мудрый*», которые демонстрируют различное, даже прямо противоположное, восприятие китайцев носителями русского языка.

Реакция «Китай» связана со стимулами *восток* (7), *дракон* (3), *женьшень* (3), *Азия* (2), *шелк* (2), *Япония* (2), *борец* (1), *государство* (1), *Евразия* (1), *желтый* (1), *капуста* (1), *коммунизм* (1), *манускрипт* (1), *мудрец* (1), *о чае* (1), *скулы* (1), *стра-нами* (1), *шелковый* (1) [17, с. 333]. Как и в предыдущем случае, многие стимулы («восток», «Азия», «Евразия») объясняются местом расположения Китая, типичными особенностями внешности китайцев («скулы»). Среди стимулов представлены символы Китая, являющиеся олицетворением этой страны в сознании большинства носителей русского языка («дракон», «женьшень», «шелк», «о чае»); стимулы «манускрипт», «мудрец» свидетельствуют о древней культуре этой страны; стимул «борец» – о развитии в ней боевых искусств; стимул «коммунизм» – об идеологии, господствующей в Китае.

Одной из самых известных личностей в истории Китая является философ Конфуций. Его имя стало реакцией на стимулы *мудрец* и *философ* [17, с. 350].

Для того, чтобы проанализировать специфику восприятия концепта «Китай» в сознании современных носителей языка, был проведен опрос, участникам которого необходимо было написать по 5 реакций на стимулы «Китай», «китаец», «китайский». В опросе принимали участие 30 студентов кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского. По результатам опроса были выявлены следующие ассоциации.

Китай: дракон (6), чай (5), рис (5), красный (4), Пекин (4), Великая Китайская стена (3), красный (3), коронавирус (3), сакура (3), алиэкспресс (2), вещи (2), Восток (2), иероглиф (2), лапша (2), стена (2), страна (2), Азия, аниме, бамбук, большой, Будда, буддизм, бумага, Великая стена, великий, город, густонаселенный, далеко, дворцы, дешевизна, дешево, Древний, дунхуа, журавли, Запретный город, зонтик, игрушки, Инь-янь, история, катана, кимоно, красивая природа, культура, культурная революция, лампочки, манду, маньхуа, Мао Цзэдун, миллиард, много людей, много, многочисленный, мудрый, народный, население, одежда, огромный, пагода, палочки, панда, Пекинская утка, плантации, порох, природа, продукция, промышленность, развитие, сервис, соседний, спокойствие, старый, стиль, суши, тату, Тайшань, Тибет, товар, узкие глаза, фарфор, ханьфу, Хуанхэ, шумный, шелк, Япония (1).

Все полученные реакции на стимул «Китай» можно разделить на несколько тематических групп:

1) Культурные символы, значимые культурные реалии.

В эту группу входят такие слова и словосочетания, как *Великая Китайская стена, дворцы, дракон, Запретный город, иероглиф, инь-янь, катан», кимоно, пагода, ханьфу* и др.;

2) Открытия, связанные с историей данной страны: *бумага, палочки, порох, промышленность, фарфор, шелк, зонтик*;

3) Наименование блюд и напитков: *рис, суши, чай, Пекинская утка, лапша*;

4) Ассоциации, связанные с природой Китая: *бамбук, журавли, красивая природа*;

5) Китайские топонимы: *Пекин, Тайшань, Тибет, Хуанхэ*;

6) Оценочные реакции: *великий, густонаселенный, мудрый, народный, соседний, спокойствие, шумный*;

7) Ассоциации, связанные с многочисленностью населения Китая: *большой, густонаселенный, миллиард, много людей, много, многочисленный, огромный*;

8) Лексемы, отражающие восприятие Китая населением других стран и свидетельствующие о его роли в культуре и сфере промышленности многих европейских стран: *алиэкспресс, аниме, вещи, дешевизна, дешево, дунхуа, игрушки, коронавирус, лампочки, лапша, манду, маньхуа, Пекинская утка, продукция, промышленность, развитие, сервис, суши, тату*;

9) Ассоциации, связанные с географией Китая, а также с восприятием его расположения относительно других стран: *Азия, Восток, Япония, соседний, далеко*;

10) Цветовые ассоциации: *красный*;

11) Имена исторических деятелей: *Мао Цзэдун*;

12) Лексемы, связанные с распространенной в Китае религией: *Будда, буддизм*.

Проанализировав ассоциации на стимул «Китай», можно прийти к выводу о том, что наиболее многочисленную группу ассоциаций составляют те, которые относятся к влиянию китайской культуры на мировую индустрию, что связано с реалиями современной жизни, с процессом глобализации и т.д. Кроме того, объективация концепта «Китай» в сознании носителей русского языка проходит и с учетом значимых культурных реалий этой страны, что приводит к мысли о том, что в этом восприятии большую роль играет и культурологическая, историческая составляющая образа Китая.

Проанализируем объективацию лексемы «китаец».

Китаец: Джеки Чан (5), Конфуций (4), узкие глаза (4), азиат (3), маленький рост (2), суши (2), трудолюбие (2), трудолюбивый (2), узкоглазый (2), азиатская внешность, аниме, белоснежная кожа, быстро, быстрота, веер, вещи, воспитанный, глаза, громкий, дисциплинированный, добрый, загар, изящество, император, инь-янь, кареглазый, кимоно, коренастый, коричневый, коронавирус, костюм, красивая внешность, культ белой кожи, культура, кунг-фу, Лао-Цзы, лапша, лотос, маленький, манга, Мао Цзэдун, много работы, много, молодец, молчаливый, мудрый, нация, невысокий, невысокого роста, низкий рост, низкий, ниндзя, Пекин, писк, прагматичный, пуэр, работоспособность, размеренность, раса, рис, самурай, сдержанный, смуглая кожа, стереотип, стиль, стильный, страна, странный, торговец, торговля, традиции, традиционность, узкие, улыбающийся, умный, ухоженный, чайная культура/церемония, чужой, черные волосы (1).

Все полученные реакции на стимул «китаец» можно разделить на следующие тематические группы:

1) Значимые культурные и исторические персоналии: *Джеки Чан, Конфуций, Лао-цзы, Мао Цзэдун*;

2) Особенности внешнего облика: *азиатская внешность, белоснежная кожа, глаза, загар, изящество, кареглазый, коренастый, коричневый, красивая внешность, культ белой кожи, маленький, маленький рост, невысокий, невысокого роста, низкий рост, низкий, смуглая кожа, узкие глаза, узкоглазый, ухоженный, чёрные волосы*;

3) Ключевые качества характера и специфика поведения: *трудолюбие, трудолюбивый, быстро, быстрота, воспитанный, громкий, дисциплинированный, добрый, много работы, молодец, молчаливый, мудрый, прагматичный, работоспособность, размеренность, сдержанный, стереотип, стильный, торговец, торговля, традиции, традиционность, улыбающийся, умный*;

4) Лексемы, связанные с китайской культурой: *аниме, веер, император, инь-янь, кимоно, костюм, кунг-фу, манга, ниндзя, самурай, чайная культура/церемония*;

5) Лексемы, обозначающие восприятие китайцев как расы: *азиат, нация, раса, страна*;

6) Лексемы «чужой» и «странный», подчеркивающие восприятие носителями русского языка китайцев как чуждого, отчасти непонятного народа;

7) Лексемы, связанные с китайской индустрией и пищевыми предпочтениями: *вещи, пуэр, лапша, рис, чайная культура/церемония*;

8) Топонимы: *Пекин*;

9) Ассоциации, связанные с природой Китая: *лотос*.

Проанализировав тематические группы реакций на стимул «китаец», можно сказать, что наиболее многочисленными группами ассоциаций являются те, которые связаны с особенностями внешнего облика, с ключевыми качествами характера и особенностями поведения китайцев. Суммируя все приведенные в этих группах лексемы, можно воссоздать образ китайца в сознании представителей русской культуры: это человек азиатской внешности, небольшого роста, узкоглазый, с черными волосами, который выглядит аккуратно, изящно, ухоженно. Для китайцев характерны такие черты характера, как трудолюбие, невероятно высокая работоспособность, дисциплинированность, сдержанность, прагматичность, молчаливость и мудрость. Кроме того, так же, как и для реакций на стимул «Китай», значимыми являются те реакции, которые отражают особенности китайской культуры и промышленности Китая, пищевые предпочтения и т.д. Реакция «самурай» на стимул «китаец» возникла потому, что в сознании носителей русского языка между Китаем и Японией много общего и различия между этими странами не всегда четко осознаются.

На стимул «китайский» были выявлены следующие ассоциации.

Китайский: язык (12), дешевый (4), рынок (4), стена (4), дракон (3), кухня (3), народ (3), чай (3), иероглифы (2), качество (2), культура (2), одежда (2), сложный (2), суп (2), товар (2), фарфор (2), флаг (2), алфавит, бамбук, грамота, дворец, древний, желтый, рынок, календарь, квартал красных фонарей, квартал, кимоно, китайская стена, китайский Новый год, китайские иероглифы, китайские фейерверки, китайский дракон, коронавирус, кошки, красивый, легенды, магазин, международные отношения, миллиард, недорого, некачественный, ненадежный, новшество, Новый год, палочки, пиалы (под чай), плантация, подделка, полотенца, продукты, с запахом пластмассы, сложный язык, смешной, техника, тонкий фарфор, традиция, трудолюбие, фонарик, цивилизация, чайник, шелк (1).

Тематические группы ассоциаций представлены ниже.

1) Лексемы, для которых прилагательное «китайский» является определением: самая многочисленная ассоциация – *язык*; далее идут – *рынок, стена, дракон, кухня, народ, чай, иероглифы, качество, культура, одежда, суп, товар, фарфор, коронавирус, легенды, продукты, чайник, шелк* и др.;

2) Контекстные синонимы к прилагательному «китайский»: *дешевый, сложный, древний, желтый, красивый, недорого, некачественный, ненадежный, подделка, смешной*.

Наиболее многочисленной оказалась первая группа ассоциаций, что обусловлено тем, что прилагательное «китайский» в прямом значении относится к разряду относительных и употребляется с достаточно широким спектром слов, в том числе образуя с ними устойчивые словосочетания (*китайская стена, китайский чай, китайский фарфор*). Вторая группа реакций на стимул «китайский» представляет собой синонимы к данному прилагательному, служащие для появления переносного значения этого слова в разговорной речи и в сознании носителей русского языка. И связаны они, в первую очередь, с плохим качеством и низкой ценой некоторой продукции, производимой в Китае. Ассоциация «сложный» связана, скорее всего, с восприятием китайского языка, который является одним из самых сложных для изучения и понимания языков, ассоциация «желтый» обусловлена особенностями внешнего вида расы, к которой принадлежит китайский народ, «древний» – древностью китайской цивилизации, реакция «красивый» вызвана красотой природы и культуры этой страны.

Заключение

Таким образом, в данной работе был проанализирован концепт «Китай» и его репрезентанты. На основе анализа литературных произведений, в которых была затронута китайская тема (романа И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» и стихотворений

А. Н. Вертинского «Китай» и «Шанхай»)), были выявлены такие ключевые черты рассматриваемого образа, как древность, загадочность, таинственность, непонятность для представителей русской культуры, даже некоторая чуждость, сопровождающаяся в то же время благоговейным отношением к китайской культуре и истории. Посредством анализа фразем «китайская стена», «китайские церемонии», «китайская грамота», «китайский болванчик» и т.д. в статье были рассмотрены, соответственно, следующие характеристики образа Китая, отраженного в восприятии носителей русского языка: изолированность от внешнего мира; излишняя, жеманная вежливость; нечто недоступное пониманию (как, например, китайский язык и китайская культура в целом) и т.д.

Ассоциации, связанные со словами «Китай», «китаец», «китайский», включают в себя различные тематические группы лексем, такие как: значимые культурные и исторические реалии, экспрессивные и оценочные реакции, наименования пищи, известные личности, лексемы, отражающие восприятие Китая населением других стран и свидетельствующие о его роли в культуре и в сфере промышленности многих европейских стран; ассоциации, связанные с природой и географией Китая, с внешним обликом его жителей, а также с ключевыми качествами их характера, такими, как трудолюбие, терпение, дисциплинированность, молчаливость, мудрость и т.д. Данные тематические группы ассоциаций были выявлены в результате лингвистического эксперимента и отражают непосредственную объективацию концепта «Китай» в сознании современных носителей языка. Это позволяет сделать вывод о том, что восприятие лексем-репрезентантов современными представителями русской культуры несколько противоречиво (с одной стороны, отмечается трудолюбие, дисциплинированность китайцев, с другой – некачественная продукция, подделка и т.д.), однако в целом образ Китая, его культура и население имеют в сознании русских людей положительную оценку: Китай – страна с древней культурой и историей, с вековыми традициями и развитыми технологиями, оказавшая огромное влияние на мировую промышленность. Анализ восприятия образа Китая в сознании современных носителей русского языка, следовательно, не только открывает широкие перспективы в области лингвистики, прежде всего в лингвокультурологии и лингвоимагологии, но и позволяет, посредством сравнения с иностранной, китайской культурой, лучше понять свою собственную, русскую, и составить целостное представление о Китае как об особенной, таинственной и древней цивилизации, играющей важнейшую роль в мировой истории.

Список источников и литературы

1. Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии : Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 8: Каюта - Кюрины / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб.: Наука, 2007. 839 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. 683 с.
4. Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М.: Словари XXI века, 2019. 624 с.
5. Зеленин А. В. Немцы в русской культуре: (Лингвистическая имагология) // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 63–71.
6. Казанцева В. А. Образ Японии в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Казанцева Вероника Алексеевна. Елец, 2021. 160 с.
7. Красноярова А. А. «Китайский текст» русской литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Красноярова Анна Александровна. Пермь, 2019. 296 с.

8. Мартянова И. А. Русский текст: концепт Китай // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века : сборник статей в честь проф. С. Г. Ильенко. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1998. С. 290–300.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
10. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Нева, 2005. 800 с.
11. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века : АСТ ПРЕСС-ШКОЛА, 2016. 1456 с.
12. Попова Е. А., Аль-Хамдани С. М. Н. Аллоэтнонимы в русской языковой картине мира // Ментальные аспекты русской филологии : монография. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2017. С. 35–79.
13. Попова Е. А., Аль-Хамдани С. «Чужой – свой»: этноним русского языкового сознания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 44–46.
14. Попова Е. А., Казанцева В. А. Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 42–45.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 596 с.
16. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1: От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. М.: Астрель : АСТ, 2002. 784 с.
17. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 2: От реакции к стимулу : более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. М.: Астрель : АСТ, 2002. 992 с.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 13 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1977. 358 с.
19. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
20. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 800 с.
21. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 824 с.
22. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологич. единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель : АСТ, 2008. 878 с.

References

1. Birikh, AK, Mokienko, VM & Stepanova, LI 2001, *Slovar russkoy frazeologii : Istoriko-etimologicheskii spravochnik* (Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book), Folio-Press publ., St. Petersburg. (In Russ.)
2. Gorbachevich, KS 2007, *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book), vol. 8, Kayuta – Kyuriny, Nauka publ., Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
3. Dahl, V 1991, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka, v 4 tomakh, tom 4* (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 volumes, vol. 4), Russkiy yazyk publ., Moscow. (In Russ.)
4. Dyadechko, LP 2019, *Slovar' krylatykh slov i vyrazheniy nashego vremeni* (Dictionary of aphorisms and set expressions of our time), Slovarei 21 veka publ., Moscow. (In Russ.)
5. Zelenin, AV 2013, 'Nemtsy v russkoi kul'ture (Lingvisticheskaya imagologiya)', *Russkii yazyk v shkole*, no. 4, pp. 63–71. (In Russ.)
6. Kazantseva, VA 2021, *Obraz Yaponii v russkoy yazykovoy kartine mira*, abstract, PhD thieses, Bunin Yelets State University, Yelets. (In Russ.)
7. Krasnoyarova, AA 2019, «Kitayskiy tekst» russkoy literatury, PhD thesis, Perm State University, Perm. (In Russ.)

8. Mart'yanova, IA 1998, 'Russkiy tekst: kontsept Kitay' (Russian text: concept China) in *Russistika: lingvisticheskaya paradigma kontsa XX veka : sbornik statey v chest' prof. S. G. Il'yenko*, pp. 290–300. (In Russ.)
9. Mokienko, VM, & Nikitina, TG 2007, *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* (Big dictionary of Russian sayings), Olma Media Grupp publ., Moscow. (In Russ.)
10. Mokienko, VM 2005, Sidorenko K.P. *Shkol'nyy slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* (Pushkin's School Dictionary of Popular Expressions), Neva publ., St. Petersburg. (In Russ.)
11. Morkovkin, VV, Bogacheva, GF & Lutsкая, NM 2016, *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* (Big universal dictionary of the Russian language), Slovare XXI veka publ.; AST PRESS-SHKOLA publ., Moscow. (In Russ.)
12. Popova, EA & Al'-Khamdani, SMN 2017 'Alloethnonimy v russkoi yazykovoi kartine mira' (Alloethnonyms in the Russian language picture of the world), *Mental'nyye aspekty russkoy filologii* (Mental Aspects of Russian Philology), Lipetsk, pp. 35-79. (In Russ.)
13. Popova, EA & Al'-Khamdani, S '2018, '«Chuzhoy – svoj»: etnonim russkogo yazykovogo soznaniya' ("Alien - own": the ethnonym of the Russian language consciousness), *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* (Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism), no 1, pp. 44–46. (In Russ.)
14. Popova, EA & Kazantseva, VA 2020, 'Rol' stereotipov v formirovaniy obraza Yaponii v russkoi yazykovoi kartine mira' (Rol' stereotipov v formirovaniy obraza Yaponii v russkoy yazykovoy kartine mira), *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* (Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism), no 2, pp. 42–45. (In Russ.)
15. Pushkin, AS 1958, *Polnoye sobraniye sochineniy, v 10 tomakh, tom 8'* (Complete Works. In 10 volumes. Volume 8), Izdatel'stvo AN SSSR publ., Moscow. (In Russ.)
16. Karaulov, YuN, Cherkasova, GA, Ufimtseva, NV et al. (eds) 2002, *Russkii assotsiativnyi slovar', v 2 tomakh* (Russian associative dictionary in 2 vols.), vol. 1, *Ot stimula k reaktsii : okolo 7000 stimulov* (From stimulus to response: about 7000 stimuli), Astrel publ., AST publ., Moscow. (In Russ.)
17. Karaulov, YuN, Cherkasova, GA, Ufimtseva, NV et al. (eds) 2002, *Russkii assotsiativnyi slovar', v 2 tomakh*, vol. 2, *Ot reaktsii k stimulu: Bolee 100 000 reaktsii* (From response to stimulus: over 100,000 responses), Astrel' publ., AST publ., Moscow. (In Russ.)
18. Filin, FP 1977, *Slovar' russkikh narodnykh govorov, vypusk 13* (Dictionary of Russian folk dialects, no 13), Nauka publ., Leningrad. (In Russ.)
19. Yevgen'yeva, AP 1999, *Slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes.), vol. 2, *Russkiy yazyk publ., Poligrafresursy publ., Moscow.* (In Russ.)
20. Yevgen'yeva, AP 1999, *Slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes.), vol. 4, *Russkiy yazyk publ., Poligrafresursy publ., Moscow.* (In Russ.)
21. Ushakov, DN 1996, *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, v 4 tomakh* (Explanatory dictionary of the Russian language), vol. 1 TERRA publ., Moscow. (In Russ.)
22. Fedorov, AI 2008, *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13 000 frazeologicheskikh yedinit* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), Astrel' publ, AST publ., Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Попова Е. А. – идея; сбор материала; обработка материала; написание статьи; научное редактирование текста.

Богословская Н. А. – сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Contribution of the authors:

Popova E. A. – idea; material collection; material processing; article writing; scientific text editing.

Bogoslovskaya N. A. – collecting material; processing material; writing an article.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2022

Одобрена после рецензирования: 02.03.2022

Принята к публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 16.02.2022

Approved after reviewing: 02.03.2022

Accepted for publication: 25.03.2022